

Каждый
новый роман
Робин Хобб —
это повод
для праздника.

ДЖОРДЖ Р. Р.
МАРТИН

Миссия Шута

САГА О ШУТЕ
И УБИЙЦЕ

Книга 1

РОБИН ХОББ

Мир Элдерлингов

Робин Хобб

Миссия Шута

«Азбука-Аттикус»

2001

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хобб Р.

Миссия Шута / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 2001 — (Мир
Элдерлингов)

ISBN 978-5-389-13478-2

В королевстве Шесть Герцогств царят мир и спокойствие. В прошлом остались войны красных кораблей. Нет больше короля Верити. Страной, пока не достиг совершеннолетия принц Дьютифул, правит вдовствующая королева Кетриккен. Фитц Чивэл, бывший королевский убийца, давно отошел от дел и вот уже много лет живет в хижине неподалеку от покинутого городка Кузница. Но однажды к Фитцу является его старый учитель Чейд и зовет бывшего ученика в Олений замок — обучать юного принца владению древней магией династии Видящих. Навещает Фитца и давний друг, который некогда был шутом в Оленьем замке. Он также утверждает, что пришла пора вернуться в большой мир. Фитц не поддается на уговоры. Но вот приходит страшное известие — наследник трона бесследно исчез, и если его не найти, сорвется помолвка принца и не будет заключен союз, на который королева возлагала большие надежды...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-13478-2

© Хобб Р., 2001
© Азбука-Аттикус, 2001

Содержание

I. Чейд Падающая Звезда	6
II. Старлинг	20
III. Расставания	30
IV. Колдунья	42
V. Смуглый человек	58
VI. Спокойные годы	72
VII. Сердце волка	82
VIII. Древняя кровь	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Робин Хобб Миссия шута

Robin Hobb
Fool's errand

© Robin Hobb 2001

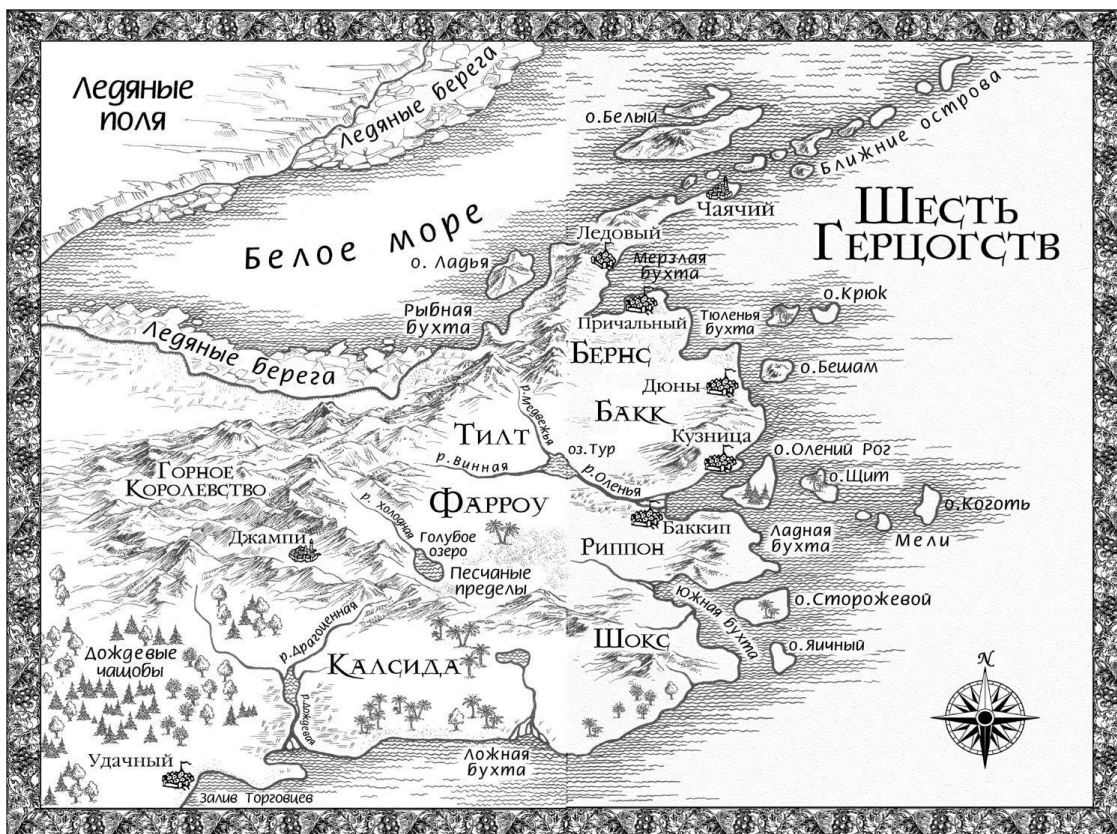
© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Рут и ее верным соратникам, Александру и другим крестоносцам

I. Чейд Падающая Звезда

*Так что же крутится: колесо времени или оставленный им след?
Загадка Келстара*

Он пришел поздней дождливой весной и принес большой мир к моему порогу. В тот год мне исполнилось тридцать пять. Когда мне было двадцать, я считал, что люди, перевалившие тридцатилетний рубеж, балансируют на грани старческого слабоумия. Теперь же мне чудилось, будто я болтаюсь где-то посередине между юностью и дряхлостью: на неопытность молодости уже не сошлешься, но и время чудачеств старости еще не пришло. Откровенно говоря, я не знал, что о себе думать. Иногда казалось, что моя прошлая жизнь медленно исчезает, словно следы во время дождя, и вскоре я окончательно превращусь в человека, тихо доживающего свои дни в хижине между лесом и морем.

В то утро я лежал в постели, прислушиваясь к тихим звукам, порой приносящим мне покой. У негромко потрескивающего огня ровно дышал волк. Я потянулся к зверю Даром, легко коснувшись его мыслей. Ему снилось, что он со стаей бежит по заснеженным склонам холмов. Для Ночного Волка то был сон о тишине, холоде и быстроте. Я осторожно отступил, чтобы не мешать ему.

За маленьким окошком вернувшиеся по весне птицы уже распевали свои песни. Поднялся легкий ветер, и всякий раз, когда он шевелил кроны деревьев, на влажную траву обрушивались капли ночного дождя. Деревья были – серебристые березы, и было их четыре. Я посадил их совсем маленькими. Теперь изящная листва берез отбрасывала ажурную тень на окно моей спальни. Я прикрыл глаза и ощутил мерцание света на веках. Не буду вставать, полежу еще немного.

Вчера у меня выдался не слишком удачный вечер, который пришлось провести в одиночестве. Мой мальчик, Нед, почти три недели назад уехал вместе со Старлинг и до сих пор не вернулся. Я не мог его винить. Моя тихая затворническая жизнь тяготила юношу. Старлинг недаром была менестрелем – ее рассказы о жизни в Оленьем замке рисовали такие яркие картины, что Нед не мог устоять. Поэтому я хоть и с неохотой, но отпустил его в Баккип погулять на празднике Встречи Весны. Пусть поест пирожных с каррисом, посмотрит кукольное представление, быть может, поцелует девушку. Нед стал слишком взрослым, ему уже нужно нечто большее, чем обильная пища и теплая постель. Я не раз говорил себе, что пришло время отпустить его, чтобы он нашел место ученика у хорошего плотника или столяра. У Неда довольно рано проявился талант к подобным занятиям, и чем раньше он начнет учиться, тем лучше овладеет ремеслом. Но я еще не был готов расстаться с ним. Я решил, что с удовольствием проведу месяц в одиночестве, привыкая все делать самостоятельно. К тому же у меня есть Ночной Волк. Что мне еще нужно?

Но стоило им уйти, как в моем маленьком доме стало слишком тихо. Радостное волнение мальчика, предвкушавшего путешествие, живо напомнило мне, как некогда я сам с нетерпением ждал праздника Встречи Весны. Кукольные представления и пирожные, девушки, которых удавалось поцеловать... Ко мне вернулись давно забытые воспоминания. Быть может, именно они вызвали сны, которые я не мог выбросить из головы. Дважды я просыпался в поту и судорогах. Мне удалось избавиться от кошмаров, но в последние четыре года они вновь стали тревожить меня. В последнее время они появлялись и вновь исчезали совершенно непредсказуемо. Казалось, забытая магия Силы вспомнила обо мне, чтобы нарушить мой мир и покой. Дни, гладкие и одинаковые, точно бусины на нитке, вдруг решительно изменились. Порой голод по Силе становился невыносимым – так язва губит плоть. В иные ночи мне снились яркие сны, вызывающие смутную тоску. Если бы мальчик был дома, я сумел бы избавиться от зова

древней магии. Но Нед ушел, и вчера вечером я не стал сопротивляться Силе. Я спустился к берегу, присел на скамейку, которую сделал для меня мальчик, и послал свою магию вслед за волнами. Волк, укоризненно глядя на меня, сидел рядом. Я пытался не замечать его.

– Нет ничего хуже, чем привычка дразнить еж-рыбу, – заметил я.

Вот только ее иглы можно вытащить. А то, что ранит тебя, проникает глубже и зноится.

Он не смотрел мне в глаза, пока мы обменивались мыслями.

Почему бы тебе не поймать зайца?

Ты отослал мальчика вместе с луком.

– Ты и сам справишься. Раньше у тебя это прекрасно получалось.

Раньше ты ходил со мной на охоту. Почему бы нам не поохотиться вместе? Все лучшее этого бесполезного занятия. Пора бы понять, что там нет человека, способного тебя услышать.

Но я должен... попытаться.

Зачем? Неужели моей компании тебе недостаточно?

Вполне достаточно. Всегда. Я открылся Дару, позволяя волку увидеть, как Сила зовет меня. Все дело в магии, а не во мне.

Убери это. Я не хочу ее видеть. Когда я закрыл эту часть своего сознания, он жалобно спросил: *Твоя Сила никогда не оставит нас в покое?*

Я не нашел ответа. Волк улегся на землю, положив тяжелую голову на лапы, и закрыл глаза. Он оставался рядом, потому что боялся за меня. Прошлой зимой я дважды перенапрягся, сжег слишком много ментальной энергии, пытаясь дотянуться до кого-нибудь при помощи Силы, и не смог самостоятельно добраться до дома. Ночному Волку пришлось звать на помощь Неда. Сейчас мы остались вдвоем.

Я понимал, что мои попытки глупы и тщетны. Однако перестать не мог. Как голодающий ест траву, чтобы облегчить боль в пустом желудке, так и я тянулся к чужим жизням невидимыми щупальцами Силы. Иногда мне удавалось прочесть мысли и немного заполнить пустоту в своей душе. Я мог узнать что-нибудь о жизни семьи рыбаков. Или о тревогах капитана, взявшего на борт слишком большой груз. А помощника капитана мучили раздумья о человеке, за которого хотела выйти его дочь, – уж слишком ленив был жених. Юнга проклинал судьбу: корабль придет в Баккип слишком поздно и он не успеет на праздник Встречи Весны. Останутся лишь увядшие цветочные гирлянды – парню всегда не везло.

Читая простые мысли простых людей, мне удавалось ненадолго отвлечься от собственных горестей. Я вновь ощущал, что мир есть нечто большее, чем четыре стены моей хижины или сад под окном. Однако подобные жалкие попытки не имели ничего общего с истинной властью Силы. Ничто не может сравниться с ощущением, когда два разума сливаются и тебя охватывает понимание цельности мира, в котором твое собственное тело – лишь едва заметная пылинка.

Волк сдавил зубами мое запястье и заставил отвлечься.

Пойдем. Хватит. Если ты сейчас свалишься, то всю ночь проведешь на мокром песке. Я не мальчик, мне не дотащить тебя до хижины. Пойдем.

Я встал, чувствуя, как потемнело в глазах от резкого движения. Впрочем, дурнота скоро прошла, но мрачные мысли меня не оставили. Сквозь сгущающиеся сумерки я побрел следом за волком в хижину, где пылал огонь в камине, а на столе оплывали свечи. Я сделал себе черный горький чай из эльфийской коры, в надежде унять головную боль, но понимая, что настроение у меня от этого лучше не станет. Потом я сжег полученную нервную энергию, поработав над рукописью, – я описывал стратегию игры в камни. Я несколько раз пытался завершить трактат, но всякий раз терпел поражение. Есть только один способ научиться, говорил я себе, – играть. На сей раз я решил добавить к тексту иллюстрации, чтобы показать варианты игры. Когда я отложил рукопись, приближался рассвет. Я просмотрел свои записи и пришел

к выводу, что совершил еще одну неудачную попытку. И отправился спать – скорее слишком рано, чем поздно.

Я проснулся, когда половина утра уже миновала. В дальнем углу двора возились и сплетничали цыплята. Прокукарекал петух. Я застонал. Пришло время вставать. Нужно проверить яйца и насыпать в кормушки зерна, чтобы успокоить домашнюю птицу. Огород начал просыпаться после зимней спячки, пора взяться за прополку и посадить феск, ведь старый съели личинки. Нужно собрать пурпурные ирисы, пока они в цвету. Моя последняя попытка сделать из них красные чернила закончилась неудачей, но я намеревался предпринять новую. А еще следует наколоть дров, приготовить кашу, разжечь камин. И если я сегодня не заберусь на ясень возле курятника, чтобы срубить сломанную ветку, ветер сбросит ее на цыплят.

И еще мы должны сходить к реке и посмотреть, не пошла ли рыба. Очень хочется поест свежей рыбки, пополнил Ночной Волк мой мысленный список работ.

В прошлом году ты чуть не умер, когда съел гнилую рыбу.

Значит, у нас есть все основания отправиться на рыбную ловлю, ты можешь воспользоваться копьем мальчика.

И промокнуть до костей.

Лучше промокнуть и замерзнуть, чем ходить голодным.

Я перевернулся на другой бок и вознамерился еще немного поспать. Могу я хоть раз поваляться в постели? Да и кому до этого дело? Цыплятам? Прошло, как мне показалось, всего несколько мгновений, как вдруг мысль волка растормошила меня.

Проснись, мой брат. Приближается чужая лошадь.

Я тотчас же очнулся ото сна и насторожился. Оказалось, после первого пробуждения я проспал несколько часов – судя по тому, как сместился солнечный луч, что падал в окно. Я встал, накинул куртку, застегнул пояс и надел сандалии – кожаные подошвы на узких ремешках. Затем откинул волосы и потер заспанные глаза.

– Пойди посмотри, кто это, – попросил я Ночного Волка.

Сам посмотри. Он уже у порога.

Я никого не ждал. Старлинг навещала меня три или четыре раза в год и проводила в моей хижине несколько дней. Она привозила с собой бумагу, хорошее вино и свежие новости, но им с Недом еще рано возвращаться. Другие посетители стучались в мою дверь редко. В соседней долине жил Бейлор, но у него не было лошади. Дважды в год приходил лудильщик. Он нашел мою хижину случайно, когда во время бури его лошадь захромала и он заметил свет в окнах. С тех пор ко мне иногда заглядывали случайные путники. Лудильщик вырезал из дерева свернувшуюся клубком кошку – символ гостеприимного дома – и повесил ее там, где тропа сворачивала к моей хижине. Я нашел знак, но оставил как есть – хорошо бывает иногда повидать других людей.

Скорее всего, ко мне забрел заблудившийся путешественник или притомившийся в пути торговец. Что ж, гость отвлечет меня от грустных мыслей, подумал я, но не слишком поверил самому себе.

Я услышал, как лошадь остановилась возле дома, всадник спешился.

Седой. Волк негромко зарычал.

Сердце едва не остановилось в моей груди. Я медленно приоткрыл дверь, когда старик собрался постучать. Он всмотрелся в мое лицо и улыбнулся:

– Фитц, мальчик мой. О Фитц!

И он протянул руки, чтобы обнять меня. На мгновение я замер на месте, не в силах пошевелиться. Даже не знаю, что я почувствовал. После стольких лет мой старый наставник нашел меня – это пугало. На то должна быть причина; ну не мог же он приехать, просто чтобы повидаться со мной! Однако в то же время я ощутил родство и любопытство, которое Чейд всегда пробуждал во мне. Когда я был мальчишкой, он вызывал меня по ночам, и я поднимался

из своей комнатухи по потайной лестнице в его покои высоко в башне. Там он смешивал яды и учил меня ремеслу убийцы, там я навеки стал принадлежать ему. И всякий раз, когда открывалась потайная дверь, мое сердце начинало биться быстрее. И хотя за долгие годы я не раз испытывал боль и разочарование, он все еще производил на меня прежние впечатления. Тайны и обещание приключений сопровождали Чейда.

И я протянул руки, обхватил его сутулые плечи и крепко обнял своего наставника. Старик вновь стал тощим, как в те дни, когда я впервые увидел его. Но теперь я был затворником в старой куртке из серой шерсти. А Чейд красовался в голубых королевских рейтузах и камзоле с зелеными накладками в тон глазам. Наряд дополняли сапоги и перчатки из мягкой черной кожи. Зеленый плащ был подбит мехом. Воротник и рукава украшали белые кружева. Уродливые шрамы, заставлявшие Чейда скрываться от людей, побледнели и стали не так заметны. Седые волосы свисали до плеч. Он носил серги с изумрудами, а его грудь украшала золотая цепь с еще одним крупным изумрудом.

Старый убийца насмешливо улыбнулся, заметив, что я разглядываю его роскошный наряд.

– О, королевский советник должен соответствовать своему званию, иначе ему не видать уважения.

– Понятно, – пробормотал я, но тут же опомнился и сказал уже более уверенно: – Ну, не стой на пороге, заходи. Боюсь, в моей хижине ты не найдешь той роскоши, к какой привык, но я рад видеть тебя.

– Я приехал вовсе не затем, чтобы искать недостатки в твоём доме, мальчик мой. Мне хотелось тебя повидать.

– Мальчик? – спросил я, с улыбкой пропуская гостя в хижину.

– Ну да. Для меня ты навсегда останешься мальчиком. Таково одно из преимуществ возраста: я могу называть людей, как мне вздумается, и никто не возражает. О, я вижу, твой приятель по-прежнему с тобой. Ночной Волк – кажется, так его зовут? Ты немного постарел, волк, раньше у тебя не было седины на морде. Ну, иди сюда, вот так, мой хороший. Фитц, ты не позаботишься о моей лошади? Я все утро не слезал с седла, а прошлую ночь мне пришлось провести на ужасном постоялом дворе. Я немного устал. И принеси мои седельные сумки, пожалуйста. Ну вот, хороший мальчик.

Повернувшись ко мне спиной, он наклонился, чтобы почесать волка за ушами. Чейд не сомневался, что я выполню все его указания. Я ухмыльнулся и вышел из хижины. Черная кобыла оказалась чудесным, доброжелательным животным. Приятно ухаживать за таким благородным существом. Я напоил лошадь, насыпал ей зерна, которым кормил цыплят, и отвел в пустой загон, где обычно стоял пони. Седельные сумки были довольно тяжелыми, а в одной из них что-то многообещающе булькало.

Когда я вернулся, Чейд сидел за письменным столом и изучал мои бумаги с таким видом, словно они были его собственными.

– Ага, вот и ты. Спасибо, Фитц. Ты пишешь об игре в камни? Это Кеттл научила тебя играть, чтобы отвлечь от дороги Силы? Любопытно. Я бы хотел получить эту работу, когда ты ее закончишь.

– Как пожелаешь, – спокойно ответил я.

Однако меня одолела тревога. Мой старый наставник начал произносить имена, которые я давно уже не вспоминал. Кеттл. Дорога Силы. Я постарался вновь задвинуть их в прошлое.

– Я больше не Фитц, – мягко напомнил я. – Теперь меня зовут Том Баджерлок, Барсучий Хвост.

– В самом деле?

Я коснулся седой пряди:

– Вот почему. Простое имя. Я всем говорю, что родился с седой прядью, поэтому родители назвали меня Барсучьим Хвостом.

– Понятно, – сдержанно ответил Чейд. – Звучит логично. – Он откинулся на спинку кресла, и она заскрипела. – Я привез бренди, если, конечно, у тебя найдутся чашки. И имбирные пирожные, которые так здорово печет Сара... Думал, я забыл, что ты их любишь? Боюсь, они слегка раскрошились, но на вкус это не повлияло.

Волк уже занял удобное место, его нос торчал у края стола, безошибочно указывая на седельные сумки.

– Значит, Сара все еще работает кухаркой в Оленьем замке? – спросил я, пытаюсь отыскать две приличные чашки.

Самого меня не слишком раздражал битый фаянс, но не хотелось выглядеть нищим в глазах Чейда. Он вышел вслед за мной на кухню.

– Ну, не совсем. Она уже не может долго стоять у плиты – болят ноги. Однако ей сделали большое мягкое кресло и поставили на помосте в углу кухни. Оттуда Сара всем и заправляет. Сама она готовит только свои любимые блюда: фигурное печенье, пирожные и другие сласти. А всем прочим занимается молодой парень по имени Дафф, – говорил Чейд, распаковывая седельные сумки.

Он с довольным видом поставил на стол две бутылки бренди из Песчаных пределов. Я уже и забыл, когда в последний раз пил что-нибудь подобное. Потом появились имбирные пирожные, слегка помятые, как и предсказывал Чейд. Волк втянул носом воздух, из его пасти закапала слюна.

– Вижу, ему я тоже угодил, – сухо заметил мой гость, бросая Ночному Волку пирожное. Зверь ловко поймал угощение и унес к камину, где принялся не спеша есть.

Тем временем из седельных сумок появлялись все новые и новые сокровища. Кипа превосходной бумаги, бутылочки с синими, красными и зелеными чернилами. Толстый имбирный корень, только что пустивший побеги, – к лету он вырастет. Пакетики с приправами. И большая роскошь для меня: круг свежего сыра. В маленьком деревянном ларце я обнаружил забытые, но прежде так хорошо знакомые предметы. Я предполагал, что они навсегда для меня потеряны. Кольцо принца Руриска из Горного Королевства. Наконечник стрелы, пронзившей грудь принца, – лишь чудом тогда брату Кетриккен удалось избежать смерти. Маленькая резная шкатулка для ядов, много лет назад сделанная моими руками. Я открыл ее, но она оказалась пустой. Захлопнув крышку, я поставил шкатулку на стол и посмотрел на Чейда. Нет, он приехал не просто так. Он принес все эти приметы прошлого намеренно – они тянулись за ним, словно изукрашенный шлейф богатой дамы, входящей в тронный зал. Впустив старика в дом, я открыл дверь своему прежнему миру.

– Зачем? – спокойно спросил я. – Зачем после стольких лет ты разыскал меня?

– Ну ладно, – ответил Чейд, со вздохом усаживаясь в мое кресло, откупорил бренди и налил нам обоим. – На то есть дюжина причин. Я видел твоего мальчика вместе со Старлинг. И сразу понял, кто он такой. Нет, он похож на тебя не больше, чем Неттл на Баррича. Но у него твои манеры, тот же взгляд, и он так же склоняет голову набок, прежде чем принять решение. Он напомнил мне тебя, когда ты был в его возрасте...

– Ты видел Неттл, – перебил я Чейда.

– Конечно, – ответил он. – Хочешь, чтобы я рассказал о ней?

Я промолчал, чтобы не выдать волнения. Нельзя проявлять к ней интерес. И все же у меня появилось предчувствие, что моя дочь Неттл, которую я никогда не видел, стала причиной появления Чейда. Я посмотрел на свою чашку – стоит ли пить бренди за завтраком? Потом мои мысли вернулись к Неттл, которую мне пришлось оставить вопреки моей воле, – иногда обстоятельства вынуждают нас делать то, что делать совсем не хочется. Я выпил. И понял, что

успел забыть вкус превосходной выпивки. Тепло разлилось по моему телу, точно юношеская страсть.

Чейд проявил милосердие и не стал дожидаться, пока я отвечу.

– Она похожа на тебя, только худенькая и женственная, – сказал он и улыбнулся, увидев, что я оцетинился. – Но странное дело, еще больше она похожа на Баррича. Она переняла его манеры даже в большей степени, чем пятеро его сыновей.

– Пятеро! – потрясенно воскликнул я.

Чейд ухмыльнулся:

– Пятеро парней, и все относятся к отцу с завидным почтением. Тут они разительно отличаются от Неттл. А она в совершенстве овладела мрачным взглядом Баррича и потчует им старика всякий раз, когда тот имеет неосторожность нахмуриться. Впрочем, такое бывает редко. Не стану утверждать, что она его любимица, но мне кажется, своим упрямством она заслужила у Баррича больше уважения, чем мальчишки искренним почтением. Она так же нетерпелива, как он, и обладает таким же обостренным чувством собственной правоты. И еще ей присуще твое упрямство. Впрочем, она могла научиться ему и у Баррича.

– Ты видел его?

Когда-то этот человек вырастил меня, а теперь – еще и мою дочь. Он взял в жены женщину, которую, как все думали, я бросил. Они считают, что я умер. Их жизнь продолжается без моего участия. В моем сердце боль смешалась с любовью, когда Чейд рассказывал мне о них. Чтобы избавиться от неприятного вкуса во рту, я выпил еще немного бренди.

– Как я мог увидеть Неттл, не посетив Баррича? Он заботится о ней, как... отец. С Барричем все хорошо. Конечно, он продолжает хромать. Но он нечасто ходит пешком, так что нога не слишком его беспокоит. Вокруг него постоянно полно лошадей – как и раньше. – Чейд откашлялся. – Знаешь, мы с королевой позаботились о том, чтобы жеребят Крепыша и Уголька отдали Барричу. Благодаря им он основал племенную ферму. Кобылу, которую ты расседлал – ее зовут Зола, – я получил от Баррича. И он не только разводит, но и объезжает лошадей. Конечно, ему никогда не стать богачом – как только у него появляются деньги, старик сразу же покупает новую лошадь или землю под пастбища. Но когда я спросил его о делах, он ответил: «Все хорошо».

– А как Баррич отнесся к твоему визиту? – спросил я.

Теперь мой голос звучал почти буднично – повод гордиться собой. Чейд вновь ухмыльнулся, но в его глазах появилось грустное выражение.

– После того как пришел в себя от удивления, он принял меня весьма и весьма почтительно. А на следующее утро, когда один из его близнецов – кажется, Ним – оседлал для меня лошадь, Баррич вышел проводить меня и очень вежливо пообещал прикончить старину Чейда, если заметит, что я проявляю интерес к Неттл. Он произнес это с искренним сожалением, но у меня не осталось ни тени сомнения, что он выполнит свое обещание. Так что можешь не говорить мне, что к его словам следует отнестись со всей серьезностью.

– Неттл знает, что Баррич ей не родной отец? Что ей известно обо мне?

У меня возникали все новые и новые вопросы. Я постарался выкинуть их из головы. Я ненавидел себя за гнусное чувство собственника, которое заставляло меня спрашивать, но ничего не мог с собой поделать. Это все равно что бороться с соблазном Силы – я должен, *должен* узнать обо всем, что произошло за прошедшие годы.

Чейд отвел глаза и сделал большой глоток бренди.

– Не знаю. Она зовет его папой. И очень любит, принимая без малейших оговорок. О да, она может не согласиться с ним, но только если речь идет не о самом Барриче. Боюсь, с матерью у нее не такие простые отношения. Неттл не проявляет интереса к пчелам или свечам, но Молли мечтает о том, чтобы дочь продолжала ее дело. Однако девица столь упряма, что, боюсь,

Молли придется передать ремесло одному или двум сыновьям и смириться. – Он выглянул в окно и добавил: – В присутствии Неттл она не произносит твое имя.

Я повертел в руках чашку.

– А что же Неттл интересуется?

– Лошади. Соколы. Мечи. Ей пятнадцать, и я ожидал услышать от нее о молодых парнях, но они ее совсем не занимают. Возможно, женщина в ней еще не пробудилась, или у нее слишком много братьев, чтобы иметь романтические заблуждения относительно мужчин. Она мечтает сбежать в Олений замок и вступить в королевскую стражу. Неттл знает, что раньше Баррич был главным королевским конюшим. Я рассчитывал, что он согласится на предложение Кетриккен вновь занять эту должность. Однако старик отказался. Неттл так и не поняла почему.

– Но я-то знаю.

– Я тоже. Когда я гостил у них, речь зашла о том, что я могу забрать с собой Неттл, даже если сам Баррич не захочет возвращаться в Олений замок. Она могла бы стать моим пажом, да и королева Кетриккен охотно взяла бы Неттл фрейлиной. Пусть девочка поживет в городе, узнает королевский двор, сказал я Барричу, но он тут же отклонил мое предложение. Казалось, оно его оскорбило.

Сам того не желая, я облегченно вздохнул. Чейд поднес к губам бренди, продолжая за мной наблюдать. Он ждал. Он знал, каким будет мой следующий вопрос. Зачем? Зачем он навестил Баррича, почему предложил забрать Неттл в Олений замок? Я вновь глотнул бренди и посмотрел на старика. Да, он постарел, но совсем не так, как другие люди. Волосы стали совершенно белыми, но зеленые глаза блестели из-под белоснежных локонов совсем как раньше. Интересно, сколько усилий ему пришлось приложить, чтобы не позволить плечам поникнуть, какие снадобья он принимает, чтобы сохранять живость и энергию, и чего ему это стоит? Он старше короля Шрюда Проницательного, а Шрюд умер много лет назад. Королевский бастард, как и я, Чейд расцветал от интриг и раздоров – качество, которого у меня никогда не было. Я покинул двор и все с ним связанное. А мой старый наставник решил остаться, став незаменимым для нового поколения Видящих.

– Понятно. А как поживает Пейшенс?

Этот вопрос я подобрал с особым тщанием. Меня не слишком интересовали новости о жене моего отца, но ответ гостя пригодился бы мне, чтобы подобраться к более животрепещущей теме.

– Леди Пейшенс Терпеливая? Ну, прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я ее видел в последний раз. Пожалуй, целый год. Ты же знаешь, она живет в Тредфорде и, кстати, весьма успешно правит своими владениями. Довольно неожиданно, если подумать. Когда она была королевой и женой твоего отца, ей не удалось себя проявить. Потом она стала вдовой, и все привыкли к эксцентричной леди Пейшенс. Но стоило всем сбежать из Оленьего замка, она превратилась в королеву – если не по титулу, то по сути. Кетриккен поступила мудро, выделив Пейшенс владения, поскольку в замке вдову воспринимали как королеву.

– А принц Дьютифул?

– Ужасно похож на своего отца, насколько это вообще возможно, – ответил Чейд, покачив головой.

Я внимательно наблюдал за ним, пытаюсь понять, что стоит за его словами. Что ему известно?

– Королева вынуждена отпускать его из замка, – продолжал он хмуро. – Люди говорят о принце так же, как о твоём отце, Чивэле: «Правильный донельзя». Боюсь, они недалеко от истины. – Голос его едва заметно дрогнул.

– Недалеки? – спросил я.

Улыбка Чейда вышла слегка смущенной.

– В последнее время мальчик ведет себя странно. Он всегда предпочитал одиночество – и неудивительно, так часто бывает с единственным наследником. Ему ведь следует постоянно помнить о своем титуле, и он не должен никому выказывать особого расположения. В результате у принца развилась склонность к самосозерцанию. Но в последнее время он стал подвержен приступам черной меланхолии. Дьютифул настолько погружен в собственные мысли, что не обращает внимания на окружающий его мир. Он по-прежнему подобающим образом держится в обществе, однако...

– Ему исполнилось четырнадцать? – спросил я. – Нед в последнее время ведет себя так же. Я размышлял о его поведении и пришел к выводу, что мне следует дать мальчику больше свободы. Для него пришло время повидать мир.

Чейд кивнул:

– Пожалуй, ты прав. Мы с королевой Кетриккен пришли к сходному решению относительно принца Дьютифула.

Судя по его тону, я только что сам засунул голову в петлю.

– Да? – осторожно проговорил я.

– Да? – передразнил меня Чейд, налил себе еще бренди и усмехнулся, показывая, что игра окончена. – О да. Ты и сам, несомненно, догадался. Мы хотим, чтобы ты вернулся в Олений замок и начал обучать принца Дьютифула владению Силой. А заодно и Неттл, если удастся убедить Баррича отпустить девушку к нам. Конечно, при условии, что у нее есть способности.

– Нет, я не стану этого делать, – сразу же ответил я, чтобы не дать себя уговорить.

Уж не знаю, насколько уверенно прозвучал мой отказ. Не успел Чейд сформулировать свое предложение, как я загорелся желанием отправиться в Олений замок. Вот самый простой способ покончить со всеми моими тревогами и сомнениями! Обучить новый круг магов, способных пользоваться Силой. Я знал, что у Чейда есть манускрипты с описанием древней магии. Много лет назад Гален, мастер Силы, а позднее принц Регал скрыли от нас их существование. Но теперь я смогу изучать записи и тренировать других, но не так, как Гален, а должным образом. Принц Дьютифул получит отряд защитников, обученных Силе, а я избавлюсь от одиночества. Я снова смогу входить в контакт с людьми, владеющими, подобно мне, этой магией.

И оба моих отпрыска узнают меня – если не как отца, то хотя бы как человека.

Чейд, как всегда, отличался удивительным коварством. Он почувствовал мою неуверенность, и отказ повис в воздухе. Старик держал чашку двумя руками, потом бросил быстрый взгляд на бренди, чем живо напомнил мне Верити. Когда он снова посмотрел на меня, в его зеленых глазах я не нашел сомнений. Он не стал задавать вопросы или требовать. Ему оставалось только ждать.

Я все прекрасно понимал, но от этого мне было не легче.

– Ты знаешь, что я не могу. И тебе известно почему.

Чейд слегка покачал головой:

– Все нет. На каком основании принц Дьютифул должен быть лишен своего наследия Видящего? – Он чуть помолчал и добавил: – Или Неттл?

– Наследия? – Я горько рассмеялся. – Скорее это семейная болезнь, Чейд. Она подобна голоду – а когда тебя научат его утолять, недуг становится неизлечимым. И тогда тобой начинает управлять чуждая сила, которая может заставить тебя отправиться в неведомые земли, что лежат дальше Горного Королевства. Ты видел, что произошло с Верити. Сила уничтожила его. Подчинила его себе, превратив в дракона. Да, Верити спас Шесть Герцогств. Но даже если бы нам не нужно было сражаться с красными кораблями, Верити Истина ушел бы в горы. Сила звала его. Таков неумолимый рок всех, владеющих древней магией.

– Я прекрасно тебя понимаю, – признался Чейд. – Но мне кажется, ты ошибаешься. Я пришел к выводу, что Гален сознательно вселил в тебя страх перед Силой. Он ограничил твое знание и заставил бояться. Однако я читал манускрипты. Мне не удалось их полностью рас-

шифровать, но мне известно, что Сила есть нечто большее, чем способность общаться на расстоянии. С ее помощью человек может продлить свою жизнь, укрепить здоровье, добавить себе обаяния. Твое обучение... не знаю точно, как далеко оно зашло, но не сомневаюсь, что Гален постарался очень многое от тебя скрыть. – Он говорил, с каждым словом все более и более распаляясь, словно речь шла о бесценном кладе. – Сила скрывает в себе огромные возможности. В манускриптах содержатся намеки на то, что ее можно использовать не только для определения болезни, но и для исцеления. Человек, овладевший Силой, способен видеть мир глазами другого существа, слышать то, чего не слышат другие...

– Чейд, – негромко сказал я, и мой старый наставник умолк.

Когда он признался, что читал манускрипты, меня на мгновение охватила ярость. Он не имел права, подумал я, но тут же спохватился: если ему дала их королева, то у Чейда не меньше прав, чем у меня. Да и кому еще читать о Силе? Мастеров не осталось. Все, кто обладал этим талантом, умерли. Нет, их убил я, одного за другим, – последних людей в Оленьем замке, способных применять Силу. Они предали своего короля, поэтому я их уничтожил. А заодно истребил и саму магию. И теперь рассудок говорил мне, что возрождать к жизни древнее умение не стоит.

– Я никогда не был мастером Силы, Чейд. И дело не только в том, что мои познания ограничены, – обучение так и не было закончено. Мои способности не отличаются устойчивостью. Возможно, Кетриккен рассказала тебе, или ты сам читал в манускриптах, что эльфийская кора отрицательно влияет на Силу. Она подавляет или вовсе убивает дар. Я пытался не использовать кору; мне не нравится, как она на меня действует. Но даже расплывающийся мир лучше, чем тяга к Силе. Иногда я принимал эльфийскую кору каждый день – таким сильным становился голод. – Я отвернулся, увидев тревогу на его лице. – Если у меня и был дар, сейчас от него мало что осталось.

– Твое стремление к Силе указывает, что способности не утрачены, Фитц, – задумчиво проговорил Чейд. – Сожалею, что тебе пришлось так страдать, – мы ни о чем не догадывались. Я считал, что стремление к Силе напоминает тягу к спиртному или табаку и по прошествии времени слабеет, а то и вовсе исчезает.

– Нет. Ты ошибаешься. Иногда оно дремлет. Проходят месяцы или даже годы. А затем, без всякой причины, желание воспользоваться Силой просыпается.

На мгновение я зажмурил глаза. Говорить о Силе, думать о ней – значит провоцировать такой приступ.

– Чейд, я знаю, что ты приехал ко мне именно по этой причине. И ты слышал мой отказ. Можем мы теперь побеседовать о чем-нибудь другом? Наш разговор причиняет мне боль.

Некоторое время Чейд молчал. Потом с фальшивым оживлением заявил:

– Конечно можем. Я говорил Кетриккен, что ты не согласишься. – Он вздохнул. – Просто я хотел воспользоваться тем, что мне удалось узнать из манускриптов. Что ж, я сказал все, что хотел. Ну, что тебя интересует?

Неожиданно меня охватил гнев.

– Неужели ты, прочитав несколько манускриптов, собираешься учить принца Силе?

– Ты не оставляешь мне выбора, – буркнул Чейд.

– Ты осознаешь опасность, которой подвергнется Дьютифул? Сила затягивает, Чейд. Она воздействует не только на разум, но и на сердце. Человека охватывает желание раствориться в Силе, стать с ней единым целым. Если во время твоих уроков принц уступит этому желанию, он утонет в Силе. И рядом не будет человека, способного его вернуть.

Я взглянул на Чейда и увидел, что он не понимает, о чем я говорю. Он лишь упрямо заявил:

– В манускриптах написано, что не учить человека с талантом к Силе – опасно. В некоторых случаях молодые люди начинают пользоваться этой магией по наитию, не понимая, какая

в ней таится угроза. Даже наставник с минимальными познаниями лучше для юного принца, чем полнейшее неведение.

Повисло долгое молчание.

– Я не стану в этом участвовать, Чейд, – наконец сказал я. – Я отказываюсь. Много лет назад, сидя рядом с умирающим Уиллом, я дал себе обещание. Я не убивал его. Больше я не буду убийцей, инструментом в чужих руках. Я не позволю себя использовать. Мне пришлось принести слишком много жертв. Полагаю, я заслужил покой. И если вы с Кетриккен думаете иначе и отказываетесь давать мне деньги, я проживу и без них.

Лучше назвать вещи своими именами. Когда я в первый раз нашел кошелек с деньгами после визита Старлинг, я счел себя оскорбленным. И лелеял обиду до ее следующего посещения. Она лишь рассмеялась и заверила меня, что эти деньги не от нее – мне назначена пенсия за услуги, оказанные Шести Герцогствам. И тогда я понял, что Чейд знает обо мне все, что известно Старлинг. Именно он посылал мне превосходную бумагу и отличные чернила, которые она иногда привозила. Вероятно, возвращаясь в Олений замок, Старлинг отправлялась к Чейду на доклад. Я сказал себе, что мне наплевать. Возможно, мой старый наставник присматривал за мной, в надежде, что я еще пригожусь. Наверное, он прочитал эти мысли на моем лице.

– Фитц, успокойся. – Старик протянул руку и потрепал меня по плечу. – Об этом не может быть и речи. Мы оба прекрасно понимаем, что ты сделал для нас и для Шести Герцогств. Пока ты жив, мы будем обеспечивать тебя всем необходимым. И выброси из головы обучение принца Дьютифула. Это не твоя забота.

И вновь я спросил у себя, что ему известно.

– Да, ты прав, меня это не касается. Я лишь предупреждаю тебя о необходимости соблюдать осторожность.

– О Фитц, ты же знаешь, что я всегда осторожен.

Глотнув бренди, я посмотрел поверх фаянсового края чашки и заметил в глазах гостя улыбку. Я отставил чашку в сторону, но не думать о предложении Чейда было все равно что пытаться выдернуть дерево за корни. Конечно, я боялся, что неумелое руководство подставит принца под удар. Однако желание создать новый круг владеющих Силой и удовлетворить собственную жажду оказалось сильнее страха за судьбу Дьютифула. Именно по этой причине я не имел права заставлять страдать еще одно поколение.

Чейд не нарушил свое слово. Он больше не упоминал о Силе. Мы много часов проговорили о судьбах людей, живущих в Оленьем замке. Блейд стал дедушкой, а у Лейси болят суставы, и ей пришлось отказаться от плетения кружев. Хендс теперь главный конюх замка. Он взял себе жену из Внутренних герцогств, рыжеволосую и с соответствующим темпераментом. Все их дети унаследовали цвет волос у матери. Она держит Хендса на коротком поводке, и, если верить Чейду, такое положение вещей вполне устраивает ее мужа. В последнее время жена уговаривает Хендса вернуться в Фарроу, на ее родину, и он не особенно возражает. Вот почему Чейд и навестил Баррича, чтобы предложить ему прежнюю должность.

Вскоре знакомые лица всплыли у меня в памяти, мне ужасно захотелось вернуться в Олений замок, и я не мог удержаться от новых вопросов. Когда мы все обсудили, я провел Чейда по дому и саду, словно мы превратились в двух кумушек, встретившихся после долгой разлуки. Я показал ему цыплят и березы, которые сам посадил, и тропинки для прогулок. Завел в мастерскую, где делал краски и чернила, которые Нед потом продавал на рынке. Чейд был немного удивлен.

– Я привез тебе чернила, но мне кажется, что твои даже лучше.

Он похлопал меня по плечу, как в былые времена, когда я удачно смешивал яды, и на меня приятной волной накатило знакомое ощущение гордости.

Я показал ему даже больше, чем следовало. Когда Чейд посмотрел на мой огород, он обратил внимание, что успокаивающие и болеутоляющие травы преобладают над прочими. А когда мы подошли к скамейке на вершине утеса, откуда открывался вид на море, он заметил:

– Да, Верити здесь бы понравилось.

Однако он больше не упоминал о Силе.

В тот вечер мы поздно легли спать, и я научил Чейда основам игры в камни. Ночному Волку наскучили наши разговоры, и он отправился на охоту. Зверь слегка ревновал, но я решил, что разберусь с ним позднее. Когда мы закончили играть в камни, я принялся расспрашивать Чейда о его житье. Он с улыбкой рассказал, что с удовольствием окунулся в жизнь двора. И еще он поведал мне о своей юности, хотя раньше всегда уклонялся от вопросов на эту тему. Он был беспечным кутилой до того дня, пока не ошибся, когда готовил одно из снадобий, и эта ошибка изуродовала его лицо. С тех пор он стыдился своей внешности и держался в тени, став королевским убийцей. В последние годы он вернулся к образу жизни, который вел в молодости. Теперь ему нравилось танцевать и общаться с красивыми и умными дамами. Я порадовался за него и, скорее в шутку, спросил:

– А как твоя тайная работа для короны сочетается с новым образом жизни?

Он ответил совершенно откровенно:

– Я справляюсь. Да и мой нынешний помощник оказался расторопным и толковым. Пройдет немного времени – и я смогу полностью передать свои обязанности в молодые руки.

Я вдруг почувствовал укол ревности – другой человек занял мое место. Через мгновение я понял, как это глупо. Видящим необходим человек, который будет без лишнего шума приводить в исполнение королевские приговоры. Я же сам заявил, что больше не буду королевским убийцей. Наивно полагать, что с моим отказом нужда в таком человеке исчезнет. Я попытался вернуть себе прежнюю уверенность.

– Значит, в башне продолжают эксперименты и уроки?

Чейд мрачно кивнул:

– Совершенно верно. На самом деле...

Он неожиданно поднялся со стоящего у камина кресла. И я вдруг понял, что к нам вернулись прежние привычки: Чейд сидел у огня, а я примостился у его ног. Меня поразило, каким естественным мне показалось такое положение. Пока Чейд копался в седельных сумках, я встряхнул головой. Наконец он вытащил покрытую пятнами фляжку из твердой кожи.

– Я хотел тебе это показать, но за разговорами чуть не забыл. Ты помнишь, меня всегда интересовал огонь неестественного происхождения и дым?

Я закатил глаза. Его «интерес» не раз приводил к тому, что нам обоим приходилось подолгу лечиться от ожогов. Потом я вспомнил, как он в последний раз применил свою огненную магию: Чейд заставил факелы в Оленьем замке гореть и плевать синим огнем в ту ночь, когда принц Регал объявил себя наследником короны Видящих. Тогда же убили короля Шрюда, а меня арестовали.

Возможно, Чейд тоже об этом вспомнил, но виду не подал и с улыбкой вернулся в кресло у огня.

– У тебя найдется клочок бумаги?

Я нашел ненужный листок и стал с некоторой долей скептицизма смотреть, как Чейд отрывает узкую полоску, складывает ее по всей длине и осторожно высыпает в получившийся желоб порошок из фляжки. Затем он аккуратно соединил края и ловким движением скрутил бумагу в жгут.

– А теперь посмотри, что у меня получилось!

Я с тревогой наблюдал за его манипуляциями. Чейд поднес бумажный жгут к огню. Однако ничего особенного не произошло. Бумага пожелтела, вспыхнула и быстро сгорела. В воздухе слабо запахло серой. И все. Я вопросительно приподнял бровь.

– Ничего не получилось! – огорченно воскликнул Чейд.

Однако он тут же оторвал еще одну полоску бумаги и высыпал из фляжки новую порцию порошка – побольше первой. Затем сунул бумажную полоску в огонь. На всякий случай, приготовившись к неприятностям, я отодвинулся подальше от камина, но Чейда вторично постигла неудача. Я потерял губы, чтобы скрыть улыбку. Королевский убийца не скрывал досады.

– Ты думаешь, я утратил прежние навыки! – заявил он.

– Вовсе нет, – возразил я, но не выдержал и рассмеялся.

В третий раз Чейд сделал из бумаги толстую трубку и не пожалел порошка. Я встал и отошел от камина на несколько шагов. Но, как и прежде, бумага просто сгорела.

Он разочарованно фыркнул, заглянул в горлышко фляжки и встряхнул. Затем, нахмутив лоб, закупорил ее.

– Туда каким-то образом попала влага. Ладно, фокус не удался. – И, уязвленный до глубины души, он бросил фляжку в огонь.

Присев рядом с ним у камина, я ощутил всю глубину его огорчения. Мне стало жалко старика, и я попытался смягчить удар:

– Это напомнило мне один случай, когда я перепутал дымный порошок с растертым корнем лансета. Ты помнишь? Глаза у меня слезились несколько часов.

Чейд коротко рассмеялся:

– Помню! – Он немного помолчал, улыбаясь воспоминаниям. Потом наклонился вперед и положил руку на мое плечо. – Фитц, – сказал он, заглянув мне в глаза, – я ведь никогда тебя не обманывал, верно? Я был честен с тобой. И с самого начала рассказал о том, чему буду учить.

И я понял, что в наших отношениях осталась трещина. Я положил руку на его пальцы. На узкую кисть, обтянутую тонкой кожей. Не отводя глаз от пламени камина, я заговорил:

– Ты всегда был честен со мной, Чейд. Я сам себя обманывал. Мы оба служили королю и делали все, что могли. Я не вернусь в Олений замок, но вовсе не из-за того, что сделал ты. Все дело в том, кем я стал. Мне не в чем упрекнуть тебя.

Я повернулся и посмотрел на наставника. Его лицо помрачнело, а в глазах я прочитал то, что он так и не сказал. Он скучал по мне и просил вернуться еще и поэтому. И мне стало немного легче. Кто-то по-прежнему любит меня – во всяком случае, Чейд. Меня это тронуло, и на глаза навернулись слезы.

– Ты никогда не обещал мне спокойной и безопасной жизни.

И словно в подтверждение моих слов, в очаге полыхнула ослепительная вспышка. Если бы я не смотрел на Чейда, я бы потерял зрение. Взрыв оглушил меня. Во все стороны полетели искры и угольки, пламя взметнулось вверх, как разъяренный зверь. Мы отскочили от камина. Через мгновение сажа из давно не чищенной трубы рухнула вниз и почти погасила огонь в камине. Мы с Чейдом заметались по комнате, спешно затаптывая угольки и тлеющие осколки фляжки, чтобы не загорелся пол. С громким стуком распахнулась дверь, и в дом влетел Ночной Волк. Ему пришлось выпустить когти, чтобы остановиться.

– Я цел и невредим, – заверил его я, с некоторым опозданием заметив, что кричу.

Ночной Волк презрительно фыркнул, недовольный запахом гари, окутавшим комнату, молча повернулся и скрылся в ночи. Чейд с довольным видом хлопнул меня по спине. Нам пришлось потратить некоторое время, чтобы навести в доме порядок. Затем мы расположились подальше от камина.

– Так для чего нужен твой замечательный порошок? – невинно спросил я, налив нам по чашечке бренди, привезенного из Песчаных пределов.

– Клянусь яйцами Эля, я не собирался устраивать безобразия в твоём камине. Прежде мне удавалось получить ослепительную белую вспышку. Я никак не ожидал *такого* результата. Интересно, почему так вышло? Что не так? Проклятие. Как жаль, что я не помню, что было во фляжке... – Он хмуро уставился в огонь.

Я не сомневался, что новому ученику придется поломать голову над этой загадкой. Не завидую я ему – поскольку представляю, какие эксперименты ему предстоит поставить под руководством такого наставника.

Чейд переночевал в моей хижине. Я уступил ему свою постель, а сам перебрался на койку Неда. Но когда утро разбудило нас, мы оба понимали, что визит подошел к концу. У нас как-то сразу кончились темы для разговора. Мне стало грустно. Какой смысл спрашивать о людях, которых я никогда не увижу? Зачем Чейду рассказывать мне о политических интригах, если они не имеют ко мне отношения? На один долгий день и вечер наши жизни соединились, но сейчас, когда занимался серый рассвет, Чейд молча наблюдал за моей обычной утренней работой. Я принес воду, накормил цыплят, вымыл оставшуюся после вчерашнего дня посуду и приготовил завтрак. С каждым мгновением мы все стремительнее отдалялись друг от друга. Я вдруг подумал, что было бы лучше, если бы он не нарушал моего одиночества.

После завтрака Чейд сказал, что ему пора, и я не стал его удерживать. Я обещал, что передам ему рукопись об игре в камни, когда она будет закончена. Потом я подарил ему несколько свитков с описанием успокаивающей настойки моего собственного изобретения, а также семена лекарственных растений, которых он не знал. И еще я вручил Чейду несколько флаконов с разноцветными чернилами. Он заметил, что в Баккипе я бы мог неплохо заработать на таком качественном товаре. Я лишь кивнул и обещал иногда присылать Неда. Потом я оседлал и взнуздal прекрасную кобылу Чейда. Он обнял меня на прощание, вскочил в седло и уехал. Я долго смотрел ему вслед. Рядом тут же оказался Ночной Волк и потерял голову о мою ногу.

Ты сожалеешь о прошлом?

Я сожалею о многом. Но я знаю, что если бы вернулся и выполнил его просьбу, то сожалел бы еще больше.

И все же я стоял и смотрел вслед Чейду. Еще не поздно, искал я себя. Стоит крикнуть – и он вернется. Я стиснул зубы.

Ночной Волк ткнулся носом в мою ладонь.

Давай пойдем на охоту. Без мальчика и лука. Только мы с тобой.

– Звучит неплохо, – услышал я собственный голос.

И мы отправились на охоту, нам даже удалось поймать зайца. Я размял мышцы и с удовлетворением убедился, что по-прежнему способен добывать себе пропитание. Да, я еще не старик, и мне, как и Неду, полезно иногда выходить из дома, чтобы заняться чем-нибудь необычным. Узнать что-то новое. Пейшенс всегда именно так боролась со скукой. Когда вечером я оглядел свою хижину, дом больше не казался мне уютным. Все вокруг стало голым и тусклым. Я прекрасно понимал, что дело в рассказах Чейда об Оленьем замке, которые неизбежно заставили меня задуматься о своей нынешней жизни.

Я попытался вспомнить, когда в последний раз ночевал не в своей постели. Да, я вел упорядоченную жизнь. Каждый год во время сбора урожая на месяц уходил из дома, нанимаясь на покос, уборку пшеницы или сбор яблок. Лишние деньги никогда не помешают. Дважды в год я отправлялся в ближайший городишко, чтобы продать чернила и краски, а также купить ткань для одежды и новую домашнюю утварь. В последние два года я посылал туда Неда на его толстом пони. Моя жизнь вошла в привычную колею, а я даже этого не заметил.

Ну и чего же ты хочешь?

Ночной Волк потянулся и лениво зевнул.

Не знаю, признался я. Чего-то другого. Как насчет небольшого путешествия?

На некоторое время волк укрыл от меня свои мысли, а потом с раздражением спросил:

Мы оба пойдем пешком или ты сядешь на лошадь, а я буду бежать сзади?

Хороший вопрос. А если мы оба пойдем пешком?

Ну, если хочешь, ворчливо согласился он. Ты думаешь о том месте в горах, верно?

Древний город? Да.

Ночной Волк не стал со мной спорить.

А мальчика мы с собой возьмем?

Пожалуй, Неда лучше оставить здесь, чтобы он немного побыл один. Ему будет полезно. К тому же кому-то нужно присматривать за цыплятами.

Значит, мы не уйдем до возвращения мальчика?

Я кивнул.

Интересно, окончательно ли я лишился рассудка?

Интересно, вернемся ли мы когда-нибудь обратно?

II. Старлинг

Старлинг Бердсонг по прозвищу Певчий Скворец, менестрель королевы Кетриккен, вдохновила многих на создание песен – да и сама написала немало. Прославившаяся как спутница королевы Кетриккен во время путешествия за помощью Элдерлингов, когда бушевала война с красными кораблями, она в течение нескольких десятилетий служила трону Видящих, помогая восстанавливать Шесть Герцогств. Старлинг чувствовала себя непринужденно в любом обществе, оказывала королеве неоценимые услуги в беспокойные годы, последовавшие за освобождением Бакка. Королева доверяла своему менестрелю вести переговоры не только с аристократами, но и с разбойниками и контрабандистами. Старлинг сама сочиняла баллады о таких миссиях, но не вызывает сомнений, что она исполняла ряд тайных поручений Видящих, о которых никто не слогал песен.

Нед оставался со Старлинг в течение двух месяцев. Со временем его отсутствие раздражало меня все больше и больше. Впрочем, злился я главным образом на себя. Я не понимал, насколько привык к постоянной помощи мальчика, пока мне не пришлось выполнять его работу. Но дело было не только в дополнительных трудностях, которые у меня возникли за время длительного отсутствия Неда. Визит Чейда взбудоражил меня, что-то проснулось в моей душе. Я вдруг увидел, какую жалкую жизнь вел все эти годы. Спокойствие и мир в моем маленьком домишке теперь представлялись мне пустой жизнью самодовольного лентяя. Неужели прошел год с того дня, как я подложил камень под шатающуюся ступеньку крыльца, обещав себе починить ее позднее? Нет, с тех пор минуло почти полтора.

Я привел крыльцо в порядок, а затем выгнал цыплят из курятника, перекопал землю и застелил пол свежим тростником. Починил крышу в сарае и прорубил окно, которое собирался сделать еще два года назад. Подрезал сломанные ветки ясеня и устроил грандиозную весеннюю уборку в доме. Заново перестелил крышу в курятнике. Я как раз заканчивал, когда Ночной Волк сказал, что слышит стук копыт. Спустившись вниз, я надел рубашку и вышел на дорогу, чтобы встретить Старлинг и Неда.

Уж не знаю почему, но теперь я увидел их совершенно иными глазами. И дело было не только в новом наряде мальчика, хотя одежда подчеркивала его длинные ноги и раздавленные плечи. Он выглядел забавно верхом на толстеньком пони – я не сомневался, что он и сам понимает это. Пони подходил юноше не больше, чем его детская постель в хижине и наш домашний уклад. Я неожиданно понял, что не имею права просить его остаться дома, чтобы приглядеть за цыплятами, а сам – отправиться путешествовать. Более того, если я в самое ближайшее время не отправлю мальчика навстречу новой судьбе, его легкое неудовольствие по случаю возвращения домой превратится в горькое разочарование. Нед долго был для меня отличным товарищем. Когда я приютил найденьша, он спас меня от одиночества и тоски. Будет лучше отослать его в мир, пока между нами сохранились теплые отношения и я не стал тяжким бременем для его юных плеч.

Впрочем, не только Нед изменился в моих глазах. Старлинг, как и всегда, была полна жизни и улыбнулась, легко соскочив с лошади. Но когда она подошла ко мне, чтобы обнять, я вдруг понял, как мало знаю о ее нынешней жизни. Я заглянул в ее веселые темные глаза и впервые заметил морщинки в уголках. Ее одежда с каждым годом становилась все богаче, лошади – все породистей и дороже, о драгоценностях и говорить нечего. Сегодня ее густые темные волосы украшала тяжелая серебряная заколка. Не приходилось сомневаться, что менестрель процветает. Три или четыре раза в год Старлинг навещала меня и проводила с нами

несколько дней, наполняя нашу жизнь историями и песнями. Она всегда сама добавляла специи в нашу еду – по своему вкусу, – ее вещи валялись по всему дому, а моя постель переставала быть местом отдыха. А после ее отъезда наш дом напоминал мне дорогу, на которую осела пыль, после того как прошел караван кукольника. Наша жизнь еще долго не могла вернуться в привычную колею.

Я крепко обнял Старлинг, вдыхая пыль и аромат волос. Она отступила на шаг, заглянула мне в лицо и тут же спросила:

– Что случилось? В тебе что-то изменилось.

Я грустно улыбнулся.

– Позже расскажу, – пообещал я, мы оба знали, что нам предстоит долгий ночной разговор.

– Иди помойся, – согласилась она, – от тебя пахнет, как от моей лошади.

Старлинг отстранилась от меня, и я подошел к Неду.

– Ну, парень, как ты? Оправдал праздник в Баккипе твои ожидания?

– Было здорово, – спокойно ответил мальчик.

Он посмотрел на меня, и в его разноцветных глазах, карем и голубом, я прочитал страдание.

– Нед? – с тревогой спросил я, но он сразу же стряхнул мою руку с плеча.

Он отошел от меня, но тут же пожалел о своей холодности и хрипло произнес:

– Пойду к ручью помыться. Я весь в дорожной пыли.

Пойди с ним. Я не знаю, что случилось, но ему нужен друг.

Такой друг, который не задает вопросов, согласился Ночной Волк.

Опустив голову и подняв хвост, зверь последовал за мальчиком. Он любил Неда не меньше, чем я, мы растили найденыша вместе.

Когда они скрылись из виду, я повернулся к Старлинг:

– Ты знаешь, что с ним стряслось?

Она пожала плечами, и на ее губах появилась улыбка.

– Ему пятнадцать. В этом возрасте настроение легко меняется. Не тревожься из-за него. Причина может быть какой угодно: девушка на празднике отказалась его поцеловать или наоборот – поцеловала. Уход из Баккипа или возвращение домой. Плохая колбаса за завтраком. Оставь его в покое. Ничего ему не станется.

Я еще раз посмотрел вслед мальчику и волку.

– Возможно. У меня другие воспоминания о времени, когда мне было пятнадцать, – заметил я.

Старлинг направилась в дом, а я занялся ее лошадей и нашим пони. Баррич, размышляя я, заставил бы меня расседлать свою лошадь, не обращая внимания на мое настроение. Ну, я не Баррич. Интересно, как он воспитывает Неттл, Чивэла и Нима, подумал я и пожалел, что не спросил у Чейда имена остальных детей. К тому времени, когда лошади были приведены в порядок, я пожалел о визите старого наставника. Слишком много воспоминаний он разбередил. Я решительно выбросил их из головы. Кости пятнадцатилетней давности, как сказал бы мне волк. Я коснулся разума зверя. Нед плеснул себе в лицо водой и с таким шумом углубился в лес, что распугал всю дичь. Я вздохнул и вернулся в хижину.

Старлинг успела разложить содержимое седельных сумок на столе. Сапоги она бросила у порога; плащ валялся на стуле. Закипел чайник. Она стояла на стуле возле шкафа. Когда я вошел, Старлинг протянула мне маленький глиняный кувшин.

– Этот чай еще не выдохся? – спросила она. – Пахнет он как-то странно.

– Меня вполне устраивает, – проворчал я. – Слезай. – Я взял ее за талию и легко снял со стула, хотя старый шрам тут же напомнил о себе. – Посиди, я заварю чай. Расскажи о празднике.

И она стала рассказывать, а я пока выставлял на стол чашки, нарезал последний каравай хлеба и ставил на огонь рагу из зайца. Ее истории об Оленьем замке были такими родными и знакомыми: она поведала мне об удачных или провальных выступлениях менестрелей, посплетничала о лордах и леди, которых мне никогда не доводилось встречать, описала угощение на приемах. Старлинг всегда отличалась остроумием, и я много смеялся, хотя иногда ощущал уколы ревности, которую пробудил во мне Чейд. Вероятно, мое отношение изменилось, поскольку он говорил о людях, которых я хорошо знал и любил. Я тосковал не по замку, а по своему детству и друзьям. Впрочем, тут мне ничего не грозило: вернуться я не мог. Лишь немногие знали, что я жив, и я сам не хотел менять такое положение вещей.

– Иногда от твоих историй у меня сжимается сердце и мне хочется вернуться в Олений замок. Но этот мир закрыт для меня.

Старлинг нахмурилась:

– Не возьму в толк почему.

Я рассмеялся:

– Неужели ты не понимаешь, что многие будут удивлены, когда увидят меня живым?

Она склонила голову набок и посмотрела мне в глаза:

– Сомневаюсь, что даже твои друзья сумеют тебя узнать. Большинство помнит тебя юношей. Сломанный нос, шрам, седина сильно изменили тебя. К тому же раньше ты одевался как сын принца; теперь ты носишь крестьянскую одежду. Раньше ты двигался с грацией воина, а теперь, особенно утром или в холодные дни, ты похож на старика. – Она сокрушенно покачала головой и добавила: – Ты не следишь за своей внешностью, да и годы обошлись с тобой жестоко. Ты вполне можешь добавить пять или даже десять лет к своему возрасту, и никто не усомнится в твоих словах.

Столь жесткая оценка, прозвучавшая из уст любовницы, задела меня.

– Ну спасибо на добром слове, – сухо ответил я.

Чтобы не смотреть ей в глаза, я встал снять чайник с огня.

Старлинг неправильно истолковала мои слова.

– Да. А если добавить, что люди видят то, что ожидают, и никто не предполагает, что ты жив... Думаю, ты вполне можешь рискнуть. Ты намерен вернуться в Олений замок?

– Нет. – Мой ответ прозвучал слишком категорично, но я не нашел что добавить.

Однако у Старлинг не возникло вопросов.

– Жаль. Ты многого лишаешься, когда живешь здесь, в одиночестве...

И она принялась рассказывать про бал Встречи Весны. Несмотря на мрачное настроение, я невольно улыбнулся, когда она красочно описывала, как Чейд танцевал со своей шестнадцатилетней поклонницей. Старлинг не ошиблась, я бы с удовольствием побывал на празднике.

Пока я готовил для всех обед, мои мысли вновь вернулись к мучительным вопросам из ряда «что, если...». Что, если бы я мог возвратиться в Олений замок к королеве и Старлинг? Что, если бы я вернулся к Молли и нашему ребенку? Но всякий раз, какие бы доводы я ни придумывал, мои построения заканчивались катастрофой. Если бы я явился в замок, когда все думают, что меня казнили за использование Дара, мое появление разделило бы людей на два лагеря – в то время как Кетриккен так много делает, чтобы объединить страну. Не говоря уже о том, что многие встали бы на мою сторону и попытались бы сместить нынешнюю правительницу – ведь, хоть я и был незаконнорожденным, в моих жилах текла кровь Видящих, а Кетриккен стала королевой только благодаря браку с Верити. Другие потребовали бы моей казни – причем таких было бы больше.

А если бы я вернулся к Молли и дочери, чтобы забрать их с собой? Наверное, я мог так поступить, если бы думал только о себе. Они с Барричем считают, что я умер. Женщина, которая практически была моей женой, и человек, вырастивший меня и ставший мне близким другом, решили жить вместе. Баррич позаботился о том, чтобы Молли получила крышу над

головой, чтобы не мерзла и не голодала, вынашивая моего ребенка. Своими собственными руками он принял Неттл. Они вместе прятали ее от людей Регала. Баррич заявил, что Молли его жена, а Неттл – дочь. Он не только защищал и заботился о них, но и любил. Да, я мог вернуться – и сделать обоих предателями в их собственных глазах. Тень позора легла бы на их брак. Баррич оставил бы Молли и Неттл мне. Благородство не позволило бы ему поступить иначе. А я до конца дней пытался бы понять, сравнивает ли Молли, чья любовь сильнее и благороднее...

– У тебя горит рагу, – недовольно заметила Старлинг.

Она была права. Я вздохнул, выложил на тарелки то мясо, что еще не успело сгореть, и уселся рядом со Старлинг. Потом я постарался выбросить из головы все варианты прошлого – истинного и воображаемого. Сейчас не время отвлекаться. Рядом со мной Старлинг. Как обычно, я слушал ее рассказы. Она принялась излагать длинную историю о выскочке-менестреле, который не только осмелился исполнить одну из баллад Старлинг, изменив несколько строк, но и присвоить себе авторство. Она энергично жестикулировала и едва не увлекла меня своим рассказом. Но мне на ум постоянно приходили воспоминания о других весенних празднествах. Неужели я потерял способность получать удовольствие от простой жизни, которую сам для себя создал? Многие годы мне было хорошо с мальчиком и волком. Что же случилось сейчас?

Тут меня посетила другая тревожная мысль. Где же Нед? Я приготовил обед на троих. Нед всегда набрасывался на еду, когда мы возвращались домой из путешествий. Жаль, что он не может справиться с плохим настроением и присоединиться к нам. От Старлинг не укрылось, что я то и дело поглядывал на его нетронутую тарелку.

– Не беспокойся о нем, – недовольно проговорила она. – Он еще мальчишка и не научился собой владеть. Как только проголодается по-настоящему, сразу придет.

Или испортит отличную рыбу, передержав ее над огнем, прозвучал в моем сознании ответ Ночного Волка, когда я связался с ним при помощи Дара.

Они находились на берегу ручья. Нед сделал копьё из палки, а волк прыгнул в воду, чтобы поохотиться между узких берегов. Если рыба шла косяком, зверь без особого труда отбивал одну от стаи, а потом хватал зубами. От холодной воды у волка болели суставы, но он быстро согреется у костра, разведенного мальчиком. С ними все в порядке.

Не беспокойся.

Беспольный совет, но я сделал вид, что последовал ему. Мы закончили есть, и я убрал тарелки. Пока я мыл посуду, Старлинг устроилась возле камина и принялась перебирать струны лютни. Вскоре она запела старую балладу о дочери мельника. Закончив с посудой, я налил себе и ей по чашечке бренди, привезенного из Песчаных пределов, и опустился в кресло возле огня. Старлинг тут же пересела на пол и оперлась спиной о мои колени, продолжая играть. Я наблюдал за тем, как она перебирает струны, – когда-то эти пальчики сломали, чтобы запугать меня. Когда баллада закончилась, я наклонился и поцеловал Старлинг. Она ответила на мой поцелуй и отложила лютню в сторону. Теперь нам ничто не мешало.

Потом Старлинг встала, взяла меня за руки и заставила подняться с кресла. Когда я последовал за ней в спальню, она заметила:

– Ты сегодня какой-то печальный.

Я не стал с ней спорить. Беспольно говорить Старлинг, что она оскорбила мои чувства, – глупо и слишком по-детски. Я же не хотел, чтобы она лгала и убеждала меня, что я все еще молод и красив? Ведь на самом деле она сказала чистую правду. Время оставило на мне свой след. Другого и не следовало ожидать. И все же Старлинг возвращается ко мне. В течение всех этих лет она вновь и вновь приходила сюда и в мою постель. О чем-то это должно говорить.

– Ты хотел мне что-то рассказать, – напомнила она.

– Позднее, – ответил я.

Прошлое цеплялось за меня, но я оторвал его жадные пальцы, твердо решив погрузиться в настоящее. У меня замечательная жизнь. Спокойная, без суеты и ссор. Разве не о такой я всегда мечтал? И я не одинок. Рядом со мной Ночной Волк и Нед, а еще меня навещает Старлинг. Я расстегнул ее жилет и блузу, пока она занималась моей рубашкой. Старлинг обняла меня и потерлась о мою грудь с нескрываемым удовольствием мурлыкающей кошки. Я прижал ее к себе и поцеловал в макушку. Наши отношения были предельно простыми и оттого еще более замечательными. От моего недавно набитого мягкого матраса пахло свежей луговой травой. Мы упали на него. Некоторое время я ни о чем не думал, пытаюсь убедить нас обоих, что я все еще молод.

Потом я задремал. Иногда мне кажется, что именно так, дрейфуя между сном и бодрствованием, человек отдыхает лучше. Разум бродит в сумраке обоих состояний и находит истину, таящуюся в реальности и снах. Здесь, дожидаясь своего часа, обитают мысли и чувства, к восприятию которых мы еще не готовы.

Я проснулся, открыл глаза и оглядел темную спальню, еще не понимая, что сон бежал. Старлинг спала рядом, положив голову мне на грудь. Во сне она сбросила одеяло, и ночь окутала ее обнаженное тело покрывалом тьмы. Я лежал, прислушиваясь к ее дыханию, ощущая запах пота, смешивающийся с ароматом духов, и размышлял о том, что меня разбудило. Я никак не мог найти ответа на свой вопрос, а сон не возвращался. Я выскользнул из объятий Старлинг и встал рядом с постелью. Потом в темноте нашарил рубашку и штаны.

Угли в камине озарили большую комнату тусклым светом, но я не стал там задерживаться. Открыв дверь, я вышел босиком в теплую весеннюю ночь и постоял немного, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. Земля под ногами была твердой и холодной, за прошедшие годы я успел хорошо ее утоптать во время утренних походов за водой. Кроны деревьев смыкались над головой, ночь выдалась безлунной, но ноги и нос прекрасно знали дорогу. Достаточно следовать Дару, чтобы он привел меня к волку. Вскоре я уже заметил оранжевое сияние костра Неда и почувствовал запах жареной рыбы.

Они спали у огня, волк накрыл нос хвостом, а Нед обнимал его за шею. Ночной Волк открыл глаза, когда я подошел к ним, но не пошевелился.

Я же сказал, чтобы ты не беспокоился.

А я и не беспокоился. Просто я пришел к вам.

Нед оставил хворост возле костра. Я бросил несколько веток на тлеющие угли и уселся возле огня. Костер ожил, и я молча смотрел на танцующее пламя. Стало светлее, от огня шло уютное тепло. Я знал, что мальчик проснулся. Невозможно вырасти вместе с волком и не научиться у него чуткому сну. Я ждал.

– Дело не в тебе. Ну, не только в тебе.

Я не повернулся к Неду, когда он заговорил. Некоторые вещи лучше говорить в темноте. Я ждал. Молчание содержит в себе все вопросы, а язык может спросить совсем не то, что нужно.

– Я должен знать, – неожиданно выпалил он.

Сердце у меня сжалось в ожидании вопроса. Я всегда боялся, что Нед задаст его. Не надо было отпускать его на весенний праздник, с тоской подумал я. Если бы мальчик оставался здесь, никто бы не посягнул на мою тайну.

Но он спросил совсем о другом:

– Ты знаешь, что Старлинг замужем?

Вот тут я посмотрел на него, – наверное, Нед прочитал ответ на моем лице. Он закрыл глаза.

– Мне очень жаль, – тихо проговорил он. – Мне бы следовало самому догадаться. Тогда бы я нашел другой способ рассказать тебе об этом.

И в тот же миг нежность женщины, приходящей в мои объятия по своему капризу, и чудесные вечера, проведенные с нею возле огня, полные песен и музыки, и темные веселые глаза – все стало обманчивым и подлым. Я вел себя как самый настоящий болван, проявив юношеское легкоеверие, в мужчине равносильное глупости. Она замужем. У Старлинг есть муж. Она думала, что никто не захочет жениться на ней, ведь она бесплодна. Старлинг говорила, что ей всегда придется добывать себе пропитание песнями, поскольку ни один мужчина не станет о ней заботиться, не говоря уже о детях. Наверное, тогда она верила в собственные слова. Чистым безрассудством было думать, что так будет всегда.

Ночной Волк встал и потянулся. Потом подошел, прилег рядом со мной и положил голову на мое колено.

Я не понимаю. Ты заболел?

Нет. Просто я глуп.

О, ничего нового. Однако ты до сих пор от этого не умер.

Но порой оказывался на краю гибели.

– Расскажи, – попросил я Неда.

Я не хотел ничего слушать, но понимал, что мальчик должен облегчить душу. Нед вздохнул, подошел к нам и уселся рядом с Ночным Волком. Он подобрал сухую ветку и сунул ее кончик в костер.

– Наверное, Старлинг не думала, что я узнаю. Ее муж не живет в Оленьем замке. Он неожиданно приехал, чтобы сделать ей сюрприз и провести вместе с нею праздник.

Веточка загорелась, и он бросил ее в костер, а потом задумчиво погладил Ночного Волка. Я представил себе честного немолодого фермера, который на закате жизни взял замуж женщину-менестреля. Возможно, у него остались дети от первого брака. Похоже, он любит Старлинг, если приехал в Олений замок, чтобы сделать ей сюрприз. Праздник Встречи Весны посвящается тем, кто любит друг друга.

– Его зовут Девин, – продолжал Нед. – И он состоит в дальнем родстве с принцем Дьютифулом. Троюродный кузен или что-то вроде того. Он довольно высок и всегда очень модно одет. И еще у него огромный плащ, отороченный мехом. На запястьях Девин носит серебряные браслеты. Он очень сильный. Во время танцев он поднял Старлинг на руки и так ловко ее перевернул, что все остановились, чтобы посмотреть на них. – Нед говорил, внимательно наблюдая за мной. Мое смятение его заметно успокоило. – Мне бы следовало догадаться, что ты ничего не знаешь. Ты бы не стал обманывать такого замечательного человека.

– Я бы никого не стал обманывать, – пробормотал я. – Во всяком случае, нарочно.

Он облегченно вздохнул:

– Ты учил меня этому. – И он тут же с мальчишеским простодушием выложил, что же потрясло его больше всего: – Я огорчился, когда увидел, как они целуются. Раньше при мне так целовались только вы со Старлинг. И я решил, что она изменяет тебе, но когда услышал, что он ее муж... – Нед склонил голову набок. – Я ужасно расстроился. И решил, что ты знаешь, но тебе все равно. Я подумал, что ты учишь меня благородству, а сам нарушаешь собственные правила. И еще мне показалось, что ты думаешь, будто я не способен понять правду, – и вы со Старлинг смеетесь над моей глупостью. И тогда я усомнился во всем, чему ты меня учил. – Он посмотрел в костер. – Мне казалось, ты меня предал.

Я был рад, что он именно так посмотрел на случившееся. Прежде всего Нед подумал обо мне и нашем разрыве. Пусть он и дальше сам идет по трудному пути познания мира взрослых. А мой собственный разум, поскрипывая, точно несмазанная телега, двинулся в ином направлении. Я изо всех сил сопротивлялся, оттягивая неизбежный вывод. Старлинг вышла замуж. Почему бы и нет? Ей нечего терять, а обрести она может многое. Уютный дом, титул, достаток и обеспеченную старость. Да и лорд не останется внакладе – получив очаровательную жену, знаменитого менестреля, он сможет гордиться Старлинг и купаться в лучах ее славы.

А когда он ей наскучит, она всегда может выйти на дорогу, как и положено менестрелям, и провести несколько дней в моей постели или найти другого не слишком проницательного любовника. Или уже нашла? Почему я решил, что больше у нее никого нет?

– Как ты думаешь, она спит с другими мужчинами?

Да, от недостатка прямоты Нед не страдает. Интересно, какие вопросы он задавал на обратном пути Старлинг?

– Честно говоря, я об этом совсем не думал, – признался я.

Не задумываясь, легче жить. Наверное, я догадывался, что у Старлинг бывают романы с другими мужчинами. Она ведь менестрель – им положено. Так я оправдывал себя, укладывая ее в свою постель. Она никогда не говорила о своих связях, а я не задавал лишних вопросов. Другие ее любовники были гипотетическими существами, безликими и бестелесными. И уж конечно, не связанными с нею браком. Но ведь Старлинг и ее муж поклялись друг другу в верности. И это все меняет.

– Что ты будешь делать?

Хороший вопрос. Я старался не думать об ответе.

– Пока не знаю, – солгал я.

– Старлинг сказала, что это не мое дело, ведь никто не пострадал. Она считала, что я поступлю жестоко, если расскажу тебе. Старлинг все время повторяла, что не хотела делать тебе больно, что ты достаточно страдал. А когда я заявил, что ты имеешь право знать, она ответила, что у тебя есть великое право ничего не знать.

Умный язычок у Старлинг. Она не оставила Неду никаких шансов сохранить душевный покой. Мальчик смотрел на меня разноцветными печальными глазами верного пса и ждал приговора. И я сказал ему правду:

– Я скорее предпочел бы услышать правду от тебя, чем позволить тебе жить с сознанием, что меня обманывают.

– Значит, я сделал тебе больно?

Я покачал головой:

– Я сам сделал себе больно, мальчик.

Так и было. Я не менестрель, и у меня нет права жить как менестрели. Те, кто зарабатывает на жизнь песнями и проворством пальцев, наверное, имеют сердца из кремня. «Легче найти добрую росомаху, чем верного менестреля», – говорится в пословице. Интересно, слышал ли ее муж Старлинг?

– Я думал, ты рассердишься. Она предупреждала, что ты можешь разозлиться и поднять на нее руку.

– И ты ей поверил? – Его слова уязвили меня не меньше, чем известие о замужестве Старлинг.

Он вздрогнул, сделал глубокий вздох и быстро ответил:

– Ну, у тебя крутой нрав. И мне еще не приходилось произносить слова, которые ранили бы тебя. И заставили почувствовать себя глупцом.

Чуткий мальчик. Даже более чуткий, чем я предполагал.

– Да, я разозлился, Нед. На себя.

Он посмотрел в огонь.

– Я чувствую себя эгоистом, потому что мне стало легче.

– Я рад, что ты успокоился. И рад тому, что между нами не осталось недомолвок. А теперь забудем о Старлинг. Расскажи мне о празднике. Как тебе понравился Олений замок?

Он говорил, а я слушал. Нед увидел Баккип, замок и праздник глазами мальчишки, но я понял, что замок и город сильно изменились с тех пор, как я был там в последний раз. Из его описаний стало ясно, что Баккип разросся, отвоевал место у окружающих его утесов и моря – дома строили на сваях. Нед описал плавучие таверны и лавки, поведал мне о торговцах из

Удачного и с островов. Баккип стал важным торговым портом. Когда Нед заговорил о Большом зале в замке и о комнате, в которой он жил в качестве гостя Старлинг, я понял, что и в крепости произошли перемены.

Нед с восторгом рассказывал о коврах и фонтанах, дорогих гобеленах на стенах, мягких креслах и сверкающих люстрах. Его описания напомнили мне особняк Регала в Тредфорде, а мне запомнилась холодная и неприветливая крепость, которую я когда-то называл домом. Наверное, это влияние Чейда и Кетриккен. Старый убийца всегда питал слабость к роскоши, я уже не говорю о его любви к комфорту. Я принял решение никогда не возвращаться в Олений замок. Почему же меня так обескуражили рассказы Неда? Почему перемены так возмущают?

Между тем Нед рассказывал о городах, где они останавливались по дороге. В какой-то момент холодная рука сжала мое сердце.

– Однажды утром, когда мы проезжали мимо Хардиновой Мели, я до смерти перепугался, – начал он.

Я никогда не слышал о таком селении, но знал, что многие рыбаки, покинувшие побережье во время войны с красными кораблями, вернулись и построили новые города, чтобы не отстраиваться среди пепла и руин. Я кивнул, словно понимал, что за деревню имеет в виду мальчик. Наверное, когда я проезжал мимо, там ничего не было. Нед говорил и говорил, глаза его блестели от волнения, и я понял, что он уже забыл о предательстве Старлинг.

– Мы проезжали мимо поселения по дороге на праздник. Ночь мы провели в гостинице – Старлинг спела несколько песен, оплатив ужин и ночлег, и все были так любезны с нами, что мне ужасно понравилась Хардинова Мель. Однако, после того как Старлинг закончила петь и нам принесли ужин, я услышал злобные пересуды о человеке, обладающем Даром. Мол, из-за него коровы перестали телиться. Поначалу я не обратил на эти разговоры внимания. Эти люди явно перебрали пива и просто несут околесицу, подумал я. Нам отвели комнату на верхнем этаже. Я проснулся очень рано – Старлинг еще спала, – тихонько уселся у окна и стал смотреть на прохожих. На площади собирались люди. Наверное, будет ярмарка, решил я. Однако вскоре какие-то мужчины притащили избитую женщину. Они привязали ее к столбу, и я предположил, что ее будут пороть. Затем они принесли корзины с камнями. Тогда я разбудил Старлинг и спросил у нее, что происходит. Она велела мне отойти от окна и сидеть тихо, но я не мог. Я не верил своим глазам; мне казалось, что сейчас кто-нибудь придет и положит конец этому ужасу. Том, эта женщина – она ничего не могла сделать. Какой-то человек подошел к ней и зачитал свиток. Потом он отбежал в сторону, и ее забили камнями.

Нед замолчал. Он знал, что в деревнях жестоко наказывают конокрадов и убийц, слышал о порках и виселицах, но никогда не видел публичной казни. Нед сидел между нами и молчал. По моей спине пробежал холодок. Ночной Волк заскулил, и я положил руку ему на спину.

На ее месте мог оказаться ты.

Я знаю.

– Я подумал, что должен спуститься вниз и помешать им, но мне было очень страшно. Стыдно признаться, но я не мог заставить себя сдвинуться с места. Просто стоял у окна и смотрел, а в женщину летели все новые камни. Она пыталась защитить голову руками. Меня тошнило. И вдруг послышался удивительный звук, словно река хлынула прямо из воздуха. Утреннее небо потемнело, казалось, появились тяжелые тучи, но ветра не было. Слетелись вороны, Том, множество черных птиц. Мне никогда не приходилось видеть столько сразу, и они визгливо кричали, словно нападали на одинокого орла или ястреба.

Птицы примчались с гор и устремились вниз, подобно черному одеялу, развевающемуся на веревке. Они бросились на толпу, я увидел, как ворона вцепилась какой-то женщине в волосы и попыталась выклевать ей глаза. Люди разбежались в разные стороны, с громкими криками отбиваясь от птиц. Шум стоял такой, что лошади, впряженные в чью-то повозку, понесли и бросились прямо в толпу. Люди вопили от ужаса. Даже Старлинг не выдержала и

подскочила к окну. Вскоре улицы опустели, остались только птицы. Вороны сидели повсюду – на крышах, подоконниках и деревьях, так что ветки трещали под их тяжестью. Одаренная исчезла, остались лишь окровавленные веревки на столбе. Прошло еще немного времени, и птицы разом поднялись в воздух. – Нед понизил голос едва ли не до шепота: – Хозяин гостиницы потом сказал, что женщина превратилась в ворону и улетела вместе с ними.

Позднее, обещал я себе. Позднее я поведаю Неду, что это неправда. Наверное, женщина призвала птиц на помощь, чтобы они отвлекли толпу. Одаренные не способны изменять форму. И тогда я скажу ему, что он не трус, что он не мог помочь женщине – его бы просто забили камнями вместе с ней. Позднее. Сейчас его рассказ был подобен яду, вытекающему из раны. Пусть вытечет до конца.

– ... Они называют себя Древняя Кровь, – между тем продолжал Нед. – Хозяин гостиницы сказал, что они много о себе думают. И хотят захватить власть, как в те дни, когда правил принц Полукровка. И если они добьются своего, то отомстят всем нам. Люди, не обладающие магией Дара, станут их рабами. А если кто-то не подчинится, его бросят на растерзание диким зверям. – Его голос понизился до шепота. – Старлинг говорит, что это глупости, что Одаренные совсем не такие, что они хотят одного: чтобы их оставили в покое.

Я неловко кашлянул, удивляясь благодарности, которую вдруг почувствовал к Старлинг.

– Она менестрель, и ей многое известно. Старлинг всю жизнь путешествовала и встречала самых разных людей. Ты можешь ей верить.

Да, над словами Неда стоило поразмыслить. Я с трудом следил за продолжением его рассказа. На него произвела впечатление сказка про Удачный: якобы там выращивают драконов, и скоро каждый город сможет купить себе сторожевое чудовище. Я заверил Неда, что видел настоящих драконов и в подобные истории не стоит верить. А вот новость о том, что война Удачного с Калсидой может перекинуться на Шесть Герцогств, показалась мне куда ближе к действительности.

– Неужели война придет к нам? – спросил Нед.

Он имел лишь смутные, но пугающие воспоминания о войне красных кораблей. Однако для юноши война всегда кажется чем-то захватывающим, вроде весеннего праздника.

– «Рано или поздно, но война с Калсидой грянет», – процитировал я Неду старую поговорку. – И даже если мы не станем воевать с Калсидой, на границе с ней постоянно происходят стычки, я уже не говорю о пиратах и набегах. Но тебе не о чем беспокоиться. Обычно этим с большим энтузиазмом занимаются герцогства Шокс и Риппон. Герцогство Шокс всегда мечтает завладеть частью Калсидийских земель.

Постепенно разговор перешел к более безопасным и прозаическим новостям. Нед рассказал о жонглерах горящими факелами и обнаженными кинжалами, вспоминал лучшие шутки из непристойных кукольных представлений. Он поведал мне о хорошенькой колдунье по имени Джинна, которая продала ему магический амулет против воров и обещала нас как-нибудь навестить. Я расхохотался, когда мальчик признался, что уже через час амулет украл у него какой-то ловкий воришка. Маринованная рыба Неду сначала очень понравилась, но потом он выпил слишком много вина, и его вырвало. Он поклялся, что больше никогда не станет есть такую дрянь. Я не прерывал его рассказы, радуясь, что он наконец может поделиться со мной впечатлениями о Баккипе и Оленьем замке. И все же с каждой новой историей мне становилось все более очевидно, что Неду больше нельзя оставаться со мной. Пришло время найти ему наставника и отправить в самостоятельную жизнь.

На мгновение мне показалось, что я стою на краю бездны. Я должен отдать Неда мастеру, который научит его ремеслу. И вычеркнуть из своей жизни Старлинг. Я не сомневался, что она не будет навещать меня как друга, если мы перестанем делить постель. И все простые радости общения прошедших лет исчезнут. Нед продолжал свои рассказы, его слова утешали меня, точно капли летнего дождя. Мне будет не хватать мальчика.

Я ощутил теплую тяжесть головы волка на своем колене. Он продолжал смотреть в огонь.
Я помню, как ты мечтал о том, чтобы мы жили вдвоем.

Дар не оставляет места для вежливого обмана.

Я никогда не предполагал, что буду так тосковать без своих соплеменников, признался я.

Ночной Волк бросил на меня быстрый взгляд блестящих глаз.

У нас нет других соплеменников. Вот почему нам всегда приходилось нелегко, когда мы пытались связать свою жизнь с другими. Они были волками или людьми. Среди них не попадалось таких, как мы. Даже те, что называют себя Древней Кровью, не имеют такой тесной связи, как мы.

Ночной Волк говорил правду. Я положил руку на его крупную голову и погладил ухо. И попытался ни о чем не думать.

Однако он не успокоился.

Нас ждут перемены, они за горизонтом. Словно большой хищник проник на нашу территорию. Ты чувствуешь?

Я ничего не чувствую.

Но он услышал ложь в моих словах. Ночной Волк тяжело вздохнул.

III. Расставания

Дар – грязная магия, которой чаще всего обладают дети из нечистых семей. И хотя ее нередко связывают с животными, существуют иные источники этого низкого волшебства. Мудрые родители не разрешают ребенку играть с молочными щенками и котятами и не позволяют своим детям спать вместе со зверями. Спящий разум ребенка беззащитен перед вторжением снов животного, в результате дитя начинает воспринимать общение со зверем как язык своего сердца. Часто случается так, что эта магия захватывает целые семьи, не соблюдающие правила. Однако известны случаи появления Одаренного ребенка даже в самых благопристойных семействах. Когда случается подобное несчастье, родители должны укрепить сердце и выполнить свой долг ради спасения остальных детей. Необходимо произвести расследование среди слуг и выявить источник злого влияния, после чего поступить с преступником в строгом соответствии с законами.

Саркогин. «Болезни и недуги»

Вскоре после того, как запели утренние птицы, Нед вновь заснул. Я немного посидел у костра, наблюдая за ним. Черты его лица разгладились. Нед был простым юношей и никогда не любил ссор. Я радовался, что он обрел мир в сердце, рассказав мне о Старлинг. Вот только мой путь к спокойствию будет более тернистым.

Я оставил его спать возле умирающего костра, в теплых лучах восходящего солнца.

– Присмотри за ним, – сказал я Ночному Волку.

Я ощущал, что у волка болят бедра, эхом отвечала моя боль в изуродованной шрамом спине. Нам обоим не стоит ночевать под открытым небом. И все же я бы предпочел спать на влажной земле и не возвращаться в хижину, где меня ждала Старлинг. Впрочем, лучше не откладывать неприятные разговоры, сказал я себе. Походкой глубокого старика я направился домой.

Возле курятника я остановился, чтобы взять свежих яиц. Куры уже проснулись. Петух взлетел на починенную мной крышу, дважды взмахнул крыльями и протяжно закукарекал. Утро, да... Одно из тех, которые лучше бы не наступали.

Войдя в хижину, я подбросил дров в камин и поставил вариться яйца. Потом взял последний каравай хлеба, сыр, что привез мне Чейд, и травяной чай. Старлинг никогда не была ранней пташкой. У меня оставалось еще много времени, чтобы обдумать, что я ей скажу, а о чем умолчу. Пока я приводил комнату в порядок – главным образом складывая разбросанные ею вещи, – в моем сознании промелькнули последние годы. Мы знали друг друга больше десяти лет. Точнее, я *думал*, что знаю ее. Затем я назвал себя лжецом. Я действительно хорошо знал эту женщину. Подобрал ее небрежно брошенный плащ, я ощутил аромат Старлинг. Прекрасная шерсть, отметил я. Муж заботится, чтобы у нее было все самое лучшее. Самое ужасное, что поступок Старлинг совсем меня не удивил. И я укорял себя за то, что не предвидел такого поворота событий.

В течение шести лет после Очищения Бакка я ни с кем не поддерживал отношений. Не встречался с людьми, знавшими меня в Баккипе и Оленьем замке. Мое существование в качестве Видящего, ученика Чейда и незаконнорожденного сына принца Чивэла, закончилось. Я превратился в Тома Баджерлока, целиком и полностью погрузившись в новую жизнь. Мне удалось исполнить свою давнюю мечту: я отправился в путешествие вдвоем с волком. И только с ним советовался, как поступить. Мне удалось найти подобие мира в своей душе. Конечно, я

скучал по людям, которых любил и которых оставил в Оленьем замке. Иногда мне их ужасно не хватало. Однако я наконец освободился от прошлого. Голодный человек может мечтать о горячем мясе с подливкой, отдавая должное хлебу и сыру. Я создал для себя новую жизнь, и если в ней не было вещей, дорогих моему сердцу прежде, взамен я получил простые радости, которых не знал раньше. Я не роптал.

Затем, туманным утром, примерно через год после того, как я поселился в хижине, поблизости от развалин Кузницы, мы с Ночным Волком вернулись с охоты, и нас поджидали перемены. Годовалый олень оттягивал мне плечи, болела старая рана на спине. Я пытался решить, стоит ли тратить силы и греть воду для ванны, когда услышал стук подкованного копыта о камень. Я аккуратно опустил добычу на землю, мы с Ночным Волком обошли хижину по большой дуге и увидели оседланную лошадь, привязанную к дереву возле двери. Всадник, скорее всего, был в доме. Лошадь слегка повела ушами – она заметила меня, но так и не решила, стоит ли ей чего-то опасаться.

Подожди немного, мой брат. Если лошадь почует волка, она заржет от страха. А если я буду двигаться тихо, то успею взглянуть на незваного гостя прежде, чем он получит предупреждение.

Ночной Волк бесшумно скрылся в клубящемся тумане. Я обошел нашу хижину и осторожно приблизился к одной из стен. Внутри кто-то был. Вор? Я слышал, как он стучит посудой, наливает воду. Потом положил в камин полено. Я в недоумении сдвинул брови. Тот, кто забрался в хижину, чувствовал себя там как дома. Через мгновение я услышал, как невидимый голос запел старую песню, и сердце мучительно сжалось в груди. Несмотря на прошедшие годы, я узнал голос Старлинг.

Воющая сука, подтвердил Ночной Волк.

Он уловил ее запах. Как и всегда, я поморщился – мне никогда не нравилось, как волк называл менестреля.

Я войду первым.

Хотя я узнал гостью, тревога не покидала меня. Старлинг оказалась тут не случайно. Она меня выследила. Зачем? Что ей от меня нужно?

– Старлинг, – сказал я, распахивая дверь.

Она повернулась ко мне с чайником в руке. Наши глаза встретились.

– Фитц! – радостно воскликнула она и бросилась мне на шею.

Старлинг обняла меня, и через несколько мгновений я ответил на ее объятия. Она крепко прижалась ко мне. Как и большинство уроженок Бакка, она была невысокой и смуглой, но в ее руках ощущалась сила. Она уткнулась в мое плечо, и я видел только ее макушку, но не лицо.

– Привет... – неуверенно ответил я.

Старлинг подняла голову и посмотрела мне в глаза.

– Привет? – возмущенно переспросила она и рассмеялась моей растерянности. – Привет?

Старлинг поставила чайник на стол, взяла мое лицо в свои ладони и поцеловала. Я только что вернулся домой с холода. Ощущение ее теплых губ на моих губах показалось мне удивительно приятным. К тому же прошло так много времени с тех пор, как я последний раз держал женщину в объятиях. Казалось, сама жизнь вновь обнимает меня. Ее запах пьянил. Меня бросило в жар, сердце забилося быстрее. Я с трудом оторвался от ее губ.

– Старлинг... – начал я.

– Нет, – непреклонно ответила она, заглянула через мое плечо, взяла за руки и потянула в спальню.

Я совершенно потерял дар речи. Она остановилась возле моей постели и начала расстегивать рубашку. Я продолжал потрясенно смотреть на нее, а она рассмеялась и быстро сняла с меня куртку.

– Не нужно говорить, – предупредила она и, взяв мою холодную руку, положила на свою обнаженную грудь.

В этот момент Ночной Волк плечом открыл дверь и вбежал в хижину; пахло холодом. Мгновение он смотрел на нас. Затем встряхнулся, и во все стороны полетели брызги. Теперь пришел черед Старлинг замереть на месте.

– Волк. А я и забыла... Он все еще с тобой?

– Да, мы все еще вместе. Конечно.

Я попытался убрать руки от ее груди, но она удержала мою ладонь.

– Ну, пожалуй, я не против. – Она слегка смутилась. – Но должен ли он... находиться здесь?

Ночной Волк еще раз встряхнулся, посмотрел на Старлинг и отвел глаза. В хижине стало холодно не только из-за открытой двери.

Мясо промерзнет, если я буду тебя ждать.

Тогда не жди, обиженно ответил я.

Он выскользнул в дверь и исчез в тумане. И я почувствовал, как он закрывает от меня свой разум. Ревность? Или такт? Я пересек комнату и захлопнул дверь. И так и остался стоять у порога, встревоженный реакцией Ночного Волка. Старлинг подошла сзади и обняла меня, а когда я повернулся, она уже была совершенно обнажена. Мне не пришлось принимать никакого решения. Наша близость была подобна ночи, опускающейся на землю.

Теперь я начинаю думать, что Старлинг заранее все спланировала. И все же я не уверен. Она вошла в мою жизнь так же легко, как путник срывает придорожную ягоду. Сладкий плод попался ему на глаза – почему бы не полакомиться? Мы стали любовниками, но никто из нас никогда не говорил о любви, словно это было невозможно. Любил ли я ее сейчас, после стольких лет встреч и расставаний?

Размышления на эту тему вызывали такие же жуткие ощущения, какие охватили меня, когда я перебирал предметы, привезенные Чейдом из моей прежней жизни. Когда-то подобные мысли казались мне чрезвычайно важными. Вопросы любви, чести и долга... Я любил Молли, но любила ли Молли меня? Любил ли я ее больше, чем моего короля, и что было для меня важнее: Молли или долг? В юности я мучился над этими вопросами, но со Старлинг я никогда их себе не задавал. До сегодняшнего дня.

И вновь, как и раньше, ответы от меня ускользали. Я любил Старлинг, но не как женщину, а как привычную часть моего существования. Потерять ее было все равно что лишиться очага в доме. Я привык рассчитывать на ее исчезающее и вновь появляющееся тепло. Но я понимал, что должен сказать Старлинг о прекращении наших отношений. Ужас заставил меня стиснуть зубы, и я вдруг вспомнил, как мучительно медленно тянулось время, пока целитель вытаскивал наконечник стрелы из моей спины. Я знал, какая боль меня ждет.

Я услышал шорох одеяла – Старлинг проснулась. Потом раздались ее легкие шаги. Я не повернулся, продолжая наливать воду в чайник. Мне вдруг стало не под силу на нее посмотреть. Она не подошла и не прикоснулась ко мне.

После короткой паузы Старлинг заговорила:

– Значит, Нед тебе все рассказал.

– Да, – ровным голосом ответил я.

– И ты решил разорвать все, что нас связывает.

Я не нашел что сказать.

– Ты сменил имя, но после стольких лет нисколько не изменился. – Теперь ее голос наполнился гневом. – Том Баджерлок такой же ханжа, каким был Фитц Чивэл Видящий.

– Не нужно, – предупредил я ее, имея в виду не тон, а имя.

Мы потратили немало сил, чтобы Нед не знал о моем прошлом. И я понял, что Старлинг отнюдь не случайно произнесла вслух мое прежнее имя.

– Не буду, – заверила меня Старлинг, но я видел, что она всего лишь спрятала кинжал в ножны. – Просто я напомнила тебе, что ты ведешь две жизни и у тебя неплохо получается. Почему же ты недоволен мной?

– Я смотрю на это иначе. Сейчас у меня есть только одна жизнь. И я не намерен вставать на пути твоего мужа. Или ты хочешь сказать, что он знает о моем существовании и ему все равно?

– Напротив. Ему ничего не известно, поэтому он не страдает. И если ты немного пораскинешь мозгами, то поймешь, что это практически одно и то же.

– Только не для меня.

– Ну, довольно долго так было и для тебя. Пока Нед все не испортил. Ты навязал свои жесткие принципы совсем молодому парню. Надеюсь, ты ужасно собой гордишься, вырастив еще одного блюстителя морали, подобного себе. – Ее слова походили на пощечину.

Старлинг принялась быстро ходить по комнате, собирая свои вещи. Наконец я нашел в себе мужество повернуться к ней. Она раскраснелась и даже не успела причесать волосы после сна. На ней была надета лишь моя рубашка, доходящая ей до бедер. Когда я повернулся, Старлинг остановилась и посмотрела на меня. А потом расправила плечи и гордо вскинула голову, словно хотела показать мне, от чего я отказываюсь.

– Кому было плохо от наших отношений? – спросила она.

– Твоему мужу, если бы он узнал о них, – спокойно ответил я. – Нед рассказал мне, что он из аристократического рода. Слухи могут причинить ему больше вреда, чем удар кинжала. Подумай о его чести, о том, что станут говорить о его доме. Не делай из него старого дурака, живущего с красивой молодой женщиной. . .

– Старого дурака? – Она заметно удивилась. – Я не понимаю. . . Нед сказал тебе, что он старый?

Теперь пришел мой черед удивляться.

– Он сказал, что твой муж замечательный человек. . .

– Замечательный, но не старый. Совсем наоборот. – Она улыбнулась гордой и смущенной улыбкой. – Ему двадцать четыре года, Фитц. Прекрасный танцор и сильный, как молодой бык. Неужели ты мог подумать, что я соглашусь греть бок старому лорду?

А я отчего-то именно так и решил.

– Я подумал. . .

Старлинг вызывающе вздернула подбородок, словно я ее унизил.

– Он красив и обаятелен, ему под силу соблазнить любую женщину. Однако он выбрал меня. И я его люблю – по-своему. Он заставляет меня чувствовать себя молодой, желанной и способной на настоящую страсть.

– А какой ты чувствуешь себя, когда имеешь дело со мной? – невольно вырвалось у меня – и я тут же пожалел о своем вопросе.

Старлинг задумалась.

– С тобой мне спокойно и удобно, – ответила она, ничуть не заботясь о моих чувствах. – Ты принимаешь меня и ценишь. – Она неожиданно улыбнулась, и мне стало больно. – Ты для меня – приключение. Я чувствую себя щедрой – ведь ты получаешь то, что никто другой дать не хочет. И еще кое-что. Я словно певчая птица, навестившая воробья.

– Ты сказала правду, – не стал спорить я и отвернулся к окну. – Но теперь все кончилось, Старлинг. Навсегда. Быть может, ты считаешь, что я веду жалкую жизнь, – но она моя. И я не собираюсь воровать крошки с чужого стола. У меня еще осталась гордость.

– Ты не можешь ее себе позволить, – резко сказала она, откидывая волосы с лица. – Оглянись, Фитц. Ты уже дюжину лет живешь один – и чего ты добился? Хижина в лесу и горстка цыплят. Чем ты можешь утешиться, где найдешь душевное тепло? У тебя есть только я. Возможно, я уделяю тебе лишь малую часть своей жизни, но я – единственный свет, озаряющий

твои дни. – Она заговорила жестче. – Крошки с чужого стола лучше голода. Ты нуждаешься во мне.

– Нед. Ночной Волк, – холодно напомнил я.

Она отмахнулась:

– Сирота, которого я привела к тебе, и дряхлый волк.

Пренебрежение, с которым она говорила о них, не только оскорбило меня, но и заставило понять, что мы по-разному смотрим на многие вещи. Быть может, если бы мы постоянно жили вместе, разногласия проявились бы давно. Но перерывы в отношениях не способствовали философским дискуссиям, да и практических вопросов нам не приходилось решать. Мы встречались, когда того хотела Старлинг. Она делила со мной стол и постель, пела и смотрела, как я работаю по дому, но не разделяла моей жизни. Наши мелкие размолвки забывались от одного ее визита до другого. Она привела ко мне Неда, словно он был заблудившийся котенок, и с тех пор мальчик абсолютно не занимал ее мыслей. Нынешняя ссора не только разорвала ниточку, что нас связывала, но и показала, какой тонкой была эта нить. И я чувствовал себя дважды опустошенным. В памяти всплыли горькие слова из прежней жизни.

Шут предупреждал меня: «Она не испытывает подлинной привязанности к Фитцу, ты же понимаешь, ей важно, что она знала Фитца Чивэла и может рассказывать об этом». Возможно, несмотря на прошедшие годы, для нее ничего не изменилось.

Я сдержался и промолчал, но Старлинг приняла мое молчание за сомнение. Она сделала глубокий вдох и устало улыбнулась мне:

– О Фитц. Мы нужны друг другу, хотя сами не хотим в этом признаться. – Она тихонько вздохнула. – Собери к столу. Мне нужно одеться. Нельзя обсуждать такие вещи с утра, на пустой желудок.

На меня снизошли спокойствие и терпение. Пока Старлинг одевалась, я приготовил завтрак. Я понимал, что решение принято. Казалось, слова Неда, произнесенные вчера у костра, задули горевшую во мне свечу. Мои чувства к Старлинг изменились. Мы сидели за одним столом, и она пыталась делать вид, что все по-прежнему, но я размышлял о другом. Вероятно, я в последний раз наблюдал, как она покачивает кружку, чтобы чай побыстрее остыл, или разминает хлеб во время беседы. Я не мешал ей, и она болтала о всяких пустяках, стараясь, однако, вызвать интерес к себе. И чем больше Старлинг говорила, тем сильнее отдалялась от меня. Я смотрел на нее, и у меня возникло странное чувство, будто я о чем-то забыл, что-то упустил. Она по очереди откусывала сыр и хлеб.

И вдруг я все понял – точно холодная капля воды проползла по спине.

– Ты знала, что Чейд собирается меня навестить.

Она на мгновение опоздала удивленно приподнять брови.

– Чейд? Приезжал к тебе?

Я думал, что некоторые навыки позабыты мной навсегда. Способы мышления, которым терпеливо учил меня искусный наставник на заре моей юности. Умение просеивать факты и вновь собирать их, переходя к правильным выводам, минуя бестолковые предположения. Начать с самых простых вещей. Старлинг ничего не сказала относительно сыра. А для нас с мальчиком любой сыр – роскошь, не говоря уже об изысканном лакомстве, которое привез Чейд. Ей следовало удивиться, заметив сыр на моем столе, однако она промолчала. Вчера Старлинг ничего не сказала по поводу бренди из Песчаных пределов. Дорогие продукты не вызвали у нее удивления. Меня поразила и обрадовала быстрота, с которой мой разум охватывал открывшиеся факты.

– Раньше ты никогда не предлагала взять с собой Неда. А сейчас увезла его в Баккип, чтобы Чейд мог поговорить со мной наедине. – Тут мне в голову пришла еще одна мрачная мысль. – На случай, если ему пришлось бы меня убить. Зачем ему живые свидетели?

– Фитц! – укоризненно воскликнула Старлинг.

Но я ее не слушал. Камешки мыслей вызвали лавину заключений.

– Все эти годы ты приглядывала за мной по его поручению, не так ли? Скажи мне. Ты и Баррича с Неттл навещаешь несколько раз в год?

Старлинг холодно посмотрела на меня, ничего не отрицая.

– Мне пришлось их отыскать, чтобы передать Барричу лошадей. Ты же сам хотел.

Да. Мой разум мчался дальше. Лошади послужили прекрасным предлогом для знакомства. От любого другого дара Баррич отказался бы. Но Крепыш принадлежал ему – подарок от Верити. Старлинг сказала старику, что королева прислала еще и Уголька, в знак благодарности за труды на благо Видящих. Я смотрел на свою бывшую любовницу и ждал новых откровений. Она была менестрелем и любила поговорить. Мне оставалось лишь молчать.

Старлинг положила хлеб на стол.

– Когда я бываю неподалеку, то действительно к ним заезжаю. После возвращения в Олений замок, если Чейд знает, что я навещала Баррича, он о нем спрашивает. Он и о тебе задает вопросы.

– А Шут? Тебе известно, где он живет?

– Нет. – Старлинг ответила почти мгновенно, и я ей поверил. Но она менестрель, для нее ценность секретов состоит в том, чтобы их выдавать. И она не удержалась, добавив: – Но мне кажется, что Баррич знает. Пару раз я видела у Неттл дорогие игрушки – Баррич не мог бы их себе позволить. Одна кукла напомнила мне марионеток Шута. А еще я видела ожерелье из деревянных бусинок – на каждой искусно вырезано человеческое лицо.

Любопытная информация, но я не подал виду, что она меня заинтересовала. Потом я прямо задал вопрос, который занимал меня больше всего:

– Почему Чейд считает меня угрозой для Видящих? Только по этой причине он мог меня убить.

Она с жалостью посмотрела на меня:

– Неужели ты думаешь, что Чейд в состоянии тебя убить? И что я могла для этого увести мальчика?

– Я знаю Чейда.

– А он знает тебя. – Ее слова прозвучали как обвинение. – Однажды он сказал мне, что ты никому не доверяешь до конца. Он говорил, что желание и боязнь довериться кому-то разъедают твою душу. Нет, полагаю, Чейд просто хотел поговорить с тобой наедине и выяснить, как ты живешь после стольких лет разлуки.

Теперь она говорила как менестрель, рассказывающий очередную историю. Получалось, что я поступал жестоко, столько лет избегая Оленьего замка и не общаясь со своими друзьями. На самом деле я лишь спасал свою жизнь.

– А о чем Чейд с тобой разговаривал? – небрежно спросила Старлинг.

Я спокойно посмотрел ей в глаза.

– Мне кажется, ты и сама прекрасно знаешь, – ответил я, но тут у меня оставались некоторые сомнения.

Выражение ее лица изменилось, и я представил себе, о чем думает Старлинг. Похоже, Чейд скрыл от нее истинную цель своей поездки. Она была умна и знала все, что требовалось. Оставалось только дожидаться, пока она сделает правильные выводы.

– Древняя Кровь... – задумчиво проговорила она. – Угроза Полукровок.

В моей жизни бывало много случаев, когда я был вынужден скрывать удивление. Но сейчас мне пришлось труднее всего. Старлинг внимательно наблюдала за выражением моего лица, продолжая говорить:

– Неприятности начались довольно давно, а сейчас положение ухудшилось. На празднике Встречи Весны, в ночь Менестрелей, когда все выступают для своего монарха, один странствующий музыкант спел старую песню о принце Полукровке. Ты ее помнишь?

Я помнил. В ней рассказывалось о принцессе, которую унес Одаренный оборотень, принявший форму жеребца. Как только они остались одни, он превратился в человека и соблазнил девушку. У нее родился сын пестрой масти, как и его отец. При помощи предательства и обмана внебрачный сын взошел на трон. Его правление отличалось жестокостью, он взял на службу многих людей, владеющих магией Дара. Все королевство страдало до тех пор, пока не появился его кузен, с чистой кровью Видящих, и не сплотил шестерых благородных сыновей для борьбы с Полукровкой. В день летнего солнцестояния, когда могущество Полукровки ослабло, они напали на него и убили. Злого короля повесили, а потом тело разрезали на куски и сожгли над водой, чтобы его дух унесло подальше от дома и он не сумел найти прибежище в теле какого-нибудь животного. Способ, описанный в старой песне, стал общепринятым в борьбе с Одаренными. Регал был очень разочарован, когда ему не удалось расправиться со мной так же.

– Не самая любимая моя песня, – заметил я.

– Я тебя понимаю. Однако Слек спел ее удачно, ему много хлопали – его голос не заслуживает таких оваций, дрожит в конце каждой фразы. Некоторым это нравится, но на самом деле дрожь означает, что певец плохо владеет голосом... – Старлинг спохватилась, сообразив, что отвлеклась от темы. – В последнее время многие настроены против Одаренных. По Баккипу гуляют дикие слухи. Я слышала, что в одном поселении повесили, а потом сожгли Одаренного мужчину, после чего за четыре дня и четыре ночи у них погибли все овцы. Они падали и умирали в полях. Говорят, что так его семья отомстила за смерть родича. Но когда селяне попытались добраться до родни казненного, оказалось, что те давно ушли. Однако на дверях дома остался свиток с одной лишь фразой: «Вы это заслужили». Были и другие эпизоды.

Я посмотрел ей в глаза.

– Нед рассказал мне, – признался я.

Старлинг коротко кивнула, встала и отошла от стола. Менестрель до кончиков ногтей, она собиралась поведать мне историю, и ей требовалась сцена.

– После того как Слек спел «Принца Полукровку», вышел другой менестрель, очень молодой, – возможно, именно в возрасте крылась причина его глупости. Он снял шляпу перед королевой Кетриккен и сказал, что споет новую песню. Когда юный менестрель заявил, что слышал эту балладу в деревне, где живут Одаренные, по толпе пробежал ропот. До многих доходили слухи о подобных поселениях, но никто не видел человека, побывавшего там.

– Когда установилась тишина, он исполнил балладу, которой мне не доводилось слышать прежде. Мелодию он позаимствовал, но слова были новыми, однако сырыми, как и его голос. – Старлинг склонила голову и задумчиво посмотрела на меня. – Он пел о внебрачном сыне принца Чивэла. В балладе описывались деяния бастарда, предшествовавшие разоблачению позорного Дара. Он даже украл несколько фраз из моей «Башни острова Олений Рог», ты представляешь, каков нахал! В песне рассказывалось, что сын Видящего был благословлен Древней Кровью и королевской – и он не умер в тюрьме. Получалось, что внебрачный сын Чивэла жив и сохранил верность семье отца. Менестрель рассказал, что, когда принц Верити Истина уехал на поиски Элдерлингов, бастард восстал из могилы и отправился на помощь своему законному королю.

– Менестрель нарисовал впечатляющую картину спасения короля Верити, – продолжала Старлинг. – Он спел о том, как оживший герой показал Верити сад каменных драконов, которых можно пробудить ради спасения Шести Герцогств. Ну, по крайней мере в его последних словах присутствовала доля правды. Я глубоко задумалась, хотя к концу баллады менестрель заметно охрип.

Она замолчала, ожидая моей реакции, но я потерял дар речи. Старлинг пожала плечами и язвительно заметила:

– Если ты хотел, чтобы о тех днях сложили песню, мог бы подумать обо мне. Ты же знаешь, я там была. Более того, я пришла туда именно по этой причине. И я гораздо лучший менестрель, чем тот мальчик. – Ее голос был полон зависти и обиды.

– Ты должна понимать, что я не имею никакого отношения к этой песне. Более того, я не хочу, чтобы люди ее слушали.

– Ну, тут тебе не о чем тревожиться, – с глубоким удовлетворением ответила менестрель. – С тех пор я ни разу не слышала той баллады. Она получилась неудачной, мелодия не соответствовала теме, слова неблагозвучны...

– Старлинг.

– Ну ладно. У песни традиционный героический конец. Если короне Видящих потребуется помощь, чистый сердцем бастард, наделенный магией Дара, вернется, чтобы спасти королевство. Когда он допел, одни принялись выкрикивать в адрес менестреля оскорбления, а другие заявили, что он сам обладает Даром и его следует сжечь. Королева Кетриккен велела всем замолчать, но в конце вечера он не получил кошелька с деньгами, как другие менестрели.

Я молчал, не желая высказывать свое мнение. Старлинг не дождалась моего ответа, и ей пришлось добавить:

– Впрочем, юный менестрель исчез, когда пришло время одаривать тех, кто доставил королеве удовольствие. Она назвала его имя первым, но никто не знал, куда он пропал. Его звали Тагссон – мне никогда не доводилось слышать его имя раньше.

Сын Тага, внук Ривера, мог бы сказать я ей. Ривер и Таг были достойными воинами гвардии Верити. Моя память вернулась на много лет назад, и перед глазами возникло лицо Тага, когда он опустился на колени в Каменном саду возле Врат Смерти. Да, наверное, для него это выглядело именно так, когда Верити выступил из-за гладкого монолита Силы и оказался в кольце колеблющегося света костра. Таг узнал своего короля, несмотря на лишения, перенесенные Верити. Он заявил о своей верности, и Верити отправил его обратно в Олений замок, чтобы он рассказал всем о возвращении законного государя. Теперь я практически уверен, что Верити появился в замке раньше Тага. Крылья дракона много быстрее пешего воина.

Однако я не догадывался, что Таг меня узнал. Кто мог предвидеть, что он будет рассказывать о тех событиях, а его сын окажется менестрелем?

– Вижу, ты его знаешь, – заметила Старлинг.

Я посмотрел на нее и обнаружил, что она не сводит с меня жадных глаз.

– Я не знаю никакого Тагссона, – со вздохом ответил я. – Боюсь, я размышлял о том, что ты сказала раньше. Ты говорила, среди Одаренных растет беспокойство. Почему?

Она приподняла бровь:

– Мне казалось, тебе это известно лучше, чем мне.

– Я веду одинокую жизнь, Старлинг. Ты для меня единственный источник новостей. – Теперь пришел мой черед пристально посмотреть на нее. – А об этом ты никогда не рассказывала.

Она отвернулась – возможно, решила утаить от меня эти сведения? Или Чейд просил ее сохранить тайну? Или Старлинг просто обо всем позабыла после приема, который ей оказали на празднике?

– Не слишком приятная история. Пожалуй, она началась полтора года назад... или два. У меня возникло ощущение, что я все чаще слышу об Одаренных, которых постигло наказание. Или об их гибели. Ты же знаешь, как ведет себя простой народ, Фитц. Пока шла война с красными кораблями, они были по горло сыты кровью и убийствами. Но после того как врага изгнали, жизнь стала понемногу налаживаться. Восстанавливались разрушенные дома, поля начали приносить урожай, росли стада – пришло время взглянуть на своих соседей. В людях вновь проснулась зависть. Мне кажется, Регал пробудил в Шести Герцогствах жажду крови,

когда создал Королевский Круг и ввел поединки для разрешения споров. Даже не знаю, когда нам удастся избавиться от его наследия.

Она заставила меня вспомнить кошмары прошлого. Королевский Круг в Тредфорде, животные в клетках и застарелый запах крови, споры, решавшиеся поединком... воспоминания накатили на меня отвратительной волной, оставив тошноту.

– Два года назад... да, – продолжала Старлинг, принимаясь расхаживать по комнате. – Именно тогда с новой силой вспыхнула ненависть к Одаренным. Королева выступала против – наверное, в память о тебе. Народ любит Кетриккен, за время ее правления наша жизнь переменялась к лучшему, но ненависть и злобу трудно искоренить. Живущие в маленьких деревнях люди считают, что королева ничего не знает об их обычаях – ведь она родилась в Горном Королевстве. В результате, хотя Кетриккен всячески выступает против преследования Одаренных, их продолжают травить. Наконец, в местечке Тренари, в Фарроу, примерно полтора года назад произошел ужасный случай. Вот как рассказывали об этом в Баккипе: девушка, связанная Даром с лисой, разрешала своему зверю охотиться где угодно. Кровь домашних животных проливалась чуть ли не каждый день.

– С лисой? – прервал я Старлинг.

– Да, довольно редкий случай. К тому же девушка происходила из бедной семьи. Как мог крестьянский ребенок заполучить такое животное? Поползли слухи. Больше всего страдали владельцы домашней птицы в окрестностях Тренари, но возмущение вырвалось наружу, кто-то забрался на птичий двор лорда Доплина и пообедал его певчими птицами и привезенными издалека индюшками. Он послал охотников за девушкой и лисой, виновными, по слухам, в случившемся. Их поймали и привели к лорду Доплину. Обвиняемая поклялась, что лиса здесь ни при чем и что она сама не владеет Даром, но говорят, когда лису стали пытаться раскаленным железом, девушка кричала так же громко, как зверь. Затем, чтобы доказать их связь, Доплин приказал вырвать девушке ногти на руках и ногах, и лиса кричала вместе с ней.

– Перестань! – ошеломленно попросил я.

Перед моими глазами возникла ужасная картина.

– Я постараюсь закончить побыстрее. Они умерли в мучениях. Но на следующую ночь были убиты другие певчие птицы Доплина, и старый охотник сказал, что это ласка, а не лиса, поскольку ласка пьет кровь, а лиса разорвала бы птиц на кусочки. Несправедливость и жестокость, проявленные лордом Доплином, заставили Одаренных выступить против него. На следующий день Доплина укусила его собственная собака. Тогда он приказал прикончить собаку и мальчика-псаря. Лорд заявил, что одна из его лошадей взбесилась, когда он проходил мимо нее в конюшне, и попыталась ударить его копытом. Двоих конюхов сожгли над водой. А еще Доплин жаловался, что огромные рои мух стали залетать на кухню и в его пищу постоянно попадают мушиные трупки...

Я покачал головой:

– Это его воображение – Одаренные на такое не способны.

Старлинг пожала плечами:

– Так или иначе, но после того, как он замучил до смерти еще несколько слуг, остальные обратились за правосудием к королеве. И она послала туда Чейда.

Я откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Понятно. Старый убийца по-прежнему остается вершителем правосудия Видящих. Интересно, кто стал его помощником?

– И что произошло? – спросил я, словно сам не знал ответа.

– Чейд нашел простое решение. Именем королевы он запретил Доплину содержать лошадей, соколов, собак и других животных в своем особняке. Более того, лорд и все обитатели его замка лишились права есть мясо и рыбу в течение года.

– Представляю, какими безрадостными стали его владения.

– Менестрели говорят, что у Доплина теперь практически не бывает гостей, слуг осталось совсем мало, а другие лорды перестали его уважать, поскольку он больше не устраивает приемов и балов. К тому же Чейд заставил его выплатить выкуп за кровь не только семьям убитых слуг, но и родителям девушки с лисой.

– И они его взяли?

– Семьи слуг взяли. Решение было справедливым. А семья девушки исчезла – то ли они сбежали, то ли погибли, никто не знает. Тогда Чейд потребовал, чтобы выкуп передали в казну королевы, чтобы его сохранили на случай, если семья вернется. – Старлинг пожала плечами. – Кажется, Чейд положил конец конфликту. Однако с тех пор подобные случаи участились. Одаренных не только преследуют, их убивают.

Я нахмурился:

– Не понимаю, почему народ не успокоился. Доплина наказали справедливо.

– Некоторые считают, что наказание было слишком жестоким, но Чейд стоял на своем. Должна добавить, что он на этом не остановился. Вскоре после окончания истории с лордом Доплином все Шесть Герцогств получили свитки от королевы Кетриккен, в которых говорилось, что Одаренные ни в чем не повинны и преследовать нужно только тех, кто использует свои таланты во вред людям. Герцогам следовало запретить своим лордам убивать Одаренных без суда и следствия. Естественно, эдикт приняли не слишком благосклонно. К тому же после смерти человека всегда можно найти следы его вины. Указ королевы только навредил Одаренным – их стали ненавидеть еще сильнее.

– Однако эдикт немного успокоил Одаренных, – говорила Старлинг. – Они не собирались молча терпеть гонения. Иногда они успевали спасти своих друзей, но гораздо чаще мстили палачам. Почти всякий раз, когда казнили Одаренного, с палачами что-нибудь случалось. Умирал домашний скот, или детей кусали большие крысы. И всегда месть имела непосредственное отношение к животным. В одной деревне, питавшейся почти исключительно рыбой, река неожиданно опустела. Рыбаки возвращались без улова. Начался голод.

– Чепуха. Люди путают случайные капризы природы со злым умыслом. Магия Дара не может сотворить такое.

Я был абсолютно уверен в своей правоте. Старлинг презрительно глянула на меня:

– Почему же тогда Полукровки берут на себя ответственность за подобные преступления?

– Полукровки? Кто такие Полукровки?

Старлинг пожала плечами:

– Никто не знает. Они скрываются, но у дверей постоянных дворов или на деревьях появляются послания аристократам. Смысл их всегда неизменен: «Такой-то человек убит несправедливо, лишь за то, что обладал магией Древней Крови. Наш гнев падет на ваши головы. Когда вернется принц Полукровка, он вас не пощадит». А вместо подписи – рисунок жеребца-полукровки. Народ полон ненависти.

– Королева отказалась послать гвардию, чтобы выследить Полукровок. В последнее время стал распространяться слух, что сама Кетриккен виновна в участившихся казнях Одаренных, поскольку ее жестокая расправа над лордом Доплином вселила в Древнюю Кровь уверенность в безнаказанности. – Увидев гримасу на моем лице, Старлинг напомнила: – Менестрель лишь повторяет то, что слышит. Не я сочиняю слухи, и не я заставляю людей говорить глупости. – Она подошла ко мне сзади и положила руки на плечи. Ее щека оказалась совсем рядом с моей, и Старлинг тихо сказала: – После стольких лет нашего знакомства ты знаешь, что я не считаю тебя нечистым. – Она поцеловала меня в щеку.

Наш разговор сильно поколебал мою решимость. Лишь чудом я удержался от того, чтобы заключить Старлинг в объятия. Я неловко поднялся, поскольку она стояла за моим стулом. Когда она попыталась обнять меня, я заставил себя отстраниться.

– Ты не моя, – спокойно напомнил я.

– Но я не принадлежу и ему! – неожиданно воскликнула Старлинг, и ее черные глаза вспыхнули гневом. – Я сама себе хозяйка и сама решаю, кому достанется мое тело. Я не вижу никакого вреда в том, что делю его между вами. Ты знаешь, что у меня не может быть детей. В противном случае я бы давно родила. Так какая разница, кто еще бывает в моей постели?

Она всегда быстро соображала, да и язык у Старлинг был прекрасно подвешен. У меня не нашлось достойного ответа. Поэтому я воспользовался ее собственными словами:

– Но я принадлежу лишь себе и сам решаю, с кем делить постель. И я не стану этого делать с женой другого мужчины.

Только теперь Старлинг наконец мне поверила. Я аккуратно сложил ее вещи у камина. Она опустилась возле них на колени, схватила седельную сумку и принялась с яростью записывать туда свои пожитки.

– Сама не знаю, зачем я с тобой связалась, – пробормотала она.

На свое несчастье, Нед выбрал именно это мгновение, чтобы войти в хижину. За ним следовал волк. Увидев сердитое лицо Старлинг, юноша повернулся ко мне.

– Может быть, мне уйти? – спросил он.

– Нет! – рявкнула Старлинг. – Тебе лучше остаться. Это меня он вышвыривает вон. Благодаря тебе. А тебе следует подумать, что с тобой стало бы, если бы я оставила тебя в куче отбросов. Я не заслужила такой неблагодарности!

Глаза мальчика широко раскрылись. Даже обман Старлинг не вызвал у меня такого гнева, как сейчас, когда она причинила боль Неду. Он затравленно посмотрел, словно ожидал удара и от меня, и выбежал из дома. Ночной Волк бросил в мою сторону мрачный взгляд и последовал за ним.

Я скоро приду, но сначала я должен закончить здесь.

Лучше тебе было ничего не начинать.

Я промолчал, поскольку Ночной Волк был совершенно прав. Старлинг сердито глянула на меня, я ответил ей тем же – и на ее лице промелькнул страх. Я скрестил руки на груди.

– Тебе лучше уйти, – холодно сказал я.

Ее настороженный взгляд был для меня не меньшим оскорблением, чем резкие слова в адрес Неда. Я вышел из хижины, чтобы заняться лошадью. Прекрасный скакун, превосходное седло – несомненно, подарок мужа. Животное почувствовало мое возбуждение и нетерпеливо загарцевало, пока я его седлал. Тогда я сделал глубокий вздох и постарался взять себя в руки. Положив ладонь на холку лошади, я попытался ее успокоить. И сумел вернуть самообладание, поглаживая гладкую шею. Кобыла повернулась и ткнула носом в мою рубашку. Я вздохнул:

– Позаботься о ней, ладно? Ведь у нее ветер в голове.

У меня не было связи с этим благородным животным, поэтому мои слова оставались для кобылы лишь успокаивающими, но лишеными смысла звуками. Я почувствовал, что она признала во мне хозяина. Я подвел лошадь к двери и отошел в сторону, не выпуская из рук поводьев. Через мгновение Старлинг вышла на крыльцо.

– Не можешь дождаться моего отъезда? – с горечью проговорила она, швырнув на спину лошади седельные сумки.

– Неправда, и ты сама это прекрасно знаешь, – ответил я.

Я старался говорить спокойно. Сдерживаемая боль пересилила гнев на собственную доверчивость и на Старлинг, которая меня использовала. Наша связь не имела ничего общего с нежной любовью. Скорее ее следовало назвать дружбой, включающей общую постель и взаимное доверие. Предательство друга отличается от обмана любовницы лишь силой боли, но не сутью. И я вдруг понял, что только что солгал Старлинг, – мне ужасно хотелось, чтобы она побыстрее уехала. Ее присутствие было подобно застрявшей в теле стреле. Рана не заживет, пока стрела не извлечена.

Тем не менее я попытался найти слова, которые могли хоть что-то спасти. Однако мне ничего не шло в голову, и я молча стоял, когда Старлинг выхватила поводья из моих рук и вскочила в седло. Потом она посмотрела на меня сверху вниз. Не сомневаюсь, что ей было больно, но на лице отражался лишь гнев – ведь я пошел наперекор ее воле. Она покачала головой:

– Ты мог бы кем-то стать. Тебе дали шанс, несмотря на позорное рождение. Ты мог что-то значить. Но ты выбрал другой путь. Помни об этом. Ты сделал выбор.

Она заставила лошадь развернуться, резко натянув повод. Затем пришпорила ее и рысью поскакала к дороге. Я смотрел ей вслед. Она не оглянулась. Несмотря на боль, я не испытывал сожаления из-за того, что мы расстались. Наоборот, мне вдруг показалось, что все только начинается. Я содрогнулся, словно за спиной стоял Шут, прошептавший мне в ухо: «Неужели ты ничего не чувствуешь? Перекресток, вихрь, поворот... Отсюда все дороги изменятся».

Я повернулся, но за спиной никого не было. Я посмотрел на небо. С юга набежали темные тучи. Кроны деревьев уже кренились под налетевшими порывами ветра. Старлинг попадет под проливной дождь. Я сказал себе, что не испытываю злорадства, и отправился на поиски Неда.

IV. Колдунья

«В тех краях жила колдунья по имени Силва Копперлиф, чьи амулеты были такими сильными, что действовали в течение многих лет, продолжая защищать своих владельцев. Говорят, что она создала для Балдрика Видящего замечательное решето, которое очищало всю проходящую через него воду. Прекрасное подспорье для короля, ведь ему приходится постоянно опасаться ядов.

Над воротами окруженного стенами города Эклси колдунья повесила амулет против чумы, в течение многих лет в амбарах не водились крысы, а в конюшнях не появлялись блохи и другие насекомые. Город процветал под защитой амулета, пока старейшины не решили прорубить вторые ворота, чтобы расширить торговлю. И тогда хворь беспрепятственно вошла в город, и все люди умерли от второй волны кровавой чумы».

Селкин. «Путешествия по Шести Герцогствам»

Середина лета прошла для нас с Недом, как и в последние семь лет. Мы ухаживали за садом, домашней птицей, солили и коптили рыбу на зиму. Один день сменялся другим, работы было столько, что по вечерам мы буквально валялись с ног. Отъезд Старлинг погасил пожар, который разжег в моей душе визит Чейда.

Я обсудил с Недом его будущее. Он с удивившим меня энтузиазмом говорил о столяре-краснодеревщике из Баккипа, чья работа привела его в восхищение. Я сделал вид, что пропустил его слова мимо ушей, поскольку мне совсем не хотелось отправляться в Баккип, но Нед пришел к выводу, что я просто не в состоянии заплатить высокую цену, которую потребует Гиндаст. Тут он, скорее всего, был прав. Когда я спросил у Неда относительно других столяров, он со вздохом ответил, что есть еще корабель в городке Рубленый Фьорд, чью работу часто хвалят. Возможно, он попытается счастья у него. Конечно, этому корабелу далеко до столяра из Баккипа. Я с тоской подумал, что мальчик пытается ограничивать свои мечты в соответствии с глубиной моих карманов. Однако ученичество Неда определит всю его дальнейшую жизнь. Я не хотел, чтобы недостаток денег вынудил его заниматься нелюбимым делом.

И все же, несмотря на интерес Неда, мы обсуждали его будущее ученичество лишь во время поздних разговоров у камина. Мне удалось собрать кое-какие деньги. Я даже сказал, что мы можем есть поменьше яиц, чтобы у нас появилось побольше цыплят, которых можно продать на рынке. Однако я сомневался, хватит ли наших сбережений, чтобы внести Гиндасту требуемую плату. Конечно, крепкая спина и мозолистые руки могут купить юноше место ученика, но истинные мастера требуют за обучение солидных денег. Так принято в Бакке. Секреты ремесла никто не отдает даром. Если родители любят своих детей, они либо обучат их своему делу, либо хорошо заплатят достойным мастерам. Несмотря на наш скромный достаток, я твердо решил определить Неда в хорошее место. Именно в этом причина задержки, говорил я себе, – нужно собрать побольше денег. И дело вовсе не в том, что я не хочу отпускать мальчика.

Волк не спрашивал про путешествие, о котором я говорил раньше. По-моему, он вздохнул с облегчением. Иногда наступали дни, когда мне казалось, что слова Старлинг превратили меня в старика. С моим зверем годы обошлись жестоко. Я подозревал, что для волка он очень стар, хотя и не знал, сколько обычно живут его соплеменники. Быть может, иногда говорил я себе, именно наша связь придает ему сил. Однажды мне даже пришло в голову, что он забрал годы моей жизни, чтобы продлить свою. Но думал я об этом без малейшей злобы – мне очень хотелось верить, что у нас впереди еще много времени. Когда Нед начнет обучение, у меня останется только Ночной Волк.

Некоторое время я ждал, что Чейд нанесет мне повторный визит, но дни шли за днями, а на тропе, ведущей к нашей хижине, никто не появлялся. Я дважды ездил с мальчиком на рынок, мы продавали оперившихся цыплят, чернила, краски, редкие корни и лекарственные растения. Ночной Волк охотно оставался дома, поскольку не любил долгих прогулок по пыльным дорогам и шума рынка. В толпе я и сам чувствовал себя неуютно, но у меня не было выбора. Однако мы выручили гораздо меньше денег, чем я рассчитывал, – люди здесь предпочитали обмен и не привыкли расплачиваться монетой. И все же меня приятно удивило, что многие помнят Тома Баджерлока и радостно приветствуют.

Во время второй поездки на рынок мы встретились с колдуньей, про которую рассказывал Нед после визита в Баккип. Мы разложили наши товары на тележке, запряженной пони. Прошло несколько часов, и появилась колдунья, которая весело помахала рукой Неду. Я стоял в стороне, наблюдая за их разговором. Он с восторгом говорил о красоте Джинны, – оказалось, что Нед не ошибся, но я с удивлением обнаружил, что она ближе по возрасту ко мне, чем к нему. Я предполагал, что он увлекся Джинной, но она оказалась женщиной средних лет, с карими глазами, множеством веснушек и вьющимися золотисто-каштановыми волосами. Фигура у нее была округлой и пышной, как и положено зрелой женщине. Когда Нед поведал ей, что амулет против воров тут же украли, она весело рассмеялась. А потом объяснила, что именно на это ее оберег и рассчитан. Вор украл амулет, но не тронул кошелек Неда.

Когда мальчик стал оглядываться по сторонам, чтобы познакомить нас, она уже и сама меня увидела. Джинна смотрела на меня с легкой тревогой, как на отца, увидевшего новую подругу своего сына. Я улыбнулся и пожелал ей удачи, и она успокоилась, улыбнулась мне в ответ. Когда колдунья подошла поближе, я заметил, что она щурится, – наверное, зрение Джинны не отличалось остротой.

Она привезла свои товары на рынок и разложила на коврике в тени нашей тележки. Нед помог ей аккуратно расставить амулеты и снадобья, и они принялись весело торговать, обмениваясь новостями. Я слышал, как Нед рассказывает ей о своих планах отправиться учиться. Тут я окончательно понял, как сильно ему хочется попасть к столяру-краснодеревщику в Баккипе, а не к корабелу из Рубленого Фьорда. И стал размышлять, как это устроить: что, если попросить Чейда провести переговоры? Согласится ли он мне помочь? Что попросит в качестве ответной услуги? Из глубоких раздумий меня вывел Нед, ткнув локтем под ребра.

– Том! – запротестовал он, и я понял, что умудрился каким-то образом его смутить.

– Да?

– Видишь, я же тебе говорил, что он не будет против! – воскликнул Нед.

– Тогда большое вам спасибо, если вы уверены, что я не доставлю вам неудобств, – сказала Джинна. – Путь неблизкий, а расстояния между постоянными дворами слишком велики, да и платить за комнату приходится немало.

Я кивнул, но только через несколько минут сообразил, что Нед предложил ей кров в нашей хижине, когда колдунья в следующий раз будет проходить мимо нас. Мне оставалось лишь тихонько вздохнуть. Нед любил редких гостей, но я по-прежнему относился к новым людям с опаской. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем мои тайны перестанут угрожать моей жизни?

Я улыбался и кивал, но в разговоре почти не участвовал. Через некоторое время я обнаружил, что изучаю колдунью по системе Чейда, но довольно быстро понял, что Джинна ничего от нас не скрывает.

Впрочем, я по-прежнему ничего о ней не знал. На любом рынке можно встретить колдуний и колдунов. Однако народ относится к их волшебству без особого почтения – совсем не так, как к людям, владеющим Силой. К тому же в отличие от Одаренных их никогда не преследовали. Большинство относилось к ним терпимо, но с некоторым сомнением. Некоторые колдуны часто оказывались настоящими шарлатанами. Они ловко вытаскивали яйца из

ушей восхищенных зрителей, предсказывали им огромные богатства, молочницам обещали богатеньких женихов, продавали приворотное зелье – обычный настой на лаванде и ромашке – или приносящие удачу амулеты из кроличьих лапок. В целом совершенно безобидные жулики.

Однако Джинна была не из таких. Она не привлекала покупателей пустой болтовней, да и не носила вуаль и фальшивые драгоценности, как многие ее коллеги по ремеслу. Джинна была одета в простую зеленую куртку, штаны из оленьей кожи и мягкие туфли. Выставленные на продажу амулеты лежали в мешочках, сшитых из ткани разного цвета: розовые для любовных талисманов, красные для разжигания страсти, зеленые для хорошего урожая и другие, смысл которых оставался для меня загадкой. Она также торговала пакетиками с сушеными травами. Большинство из них я знал, кроме того, все они были правильно подписаны: гладкая кора вяза от воспаленного горла, листья малины от утренней тошноты. Вместе с лекарственными растениями Джинна продавала какие-то кристаллы, усиливающие их действие. Я подозревал, что это соль или сахар. На нескольких фаянсовых блюдах колдунья разложила полированные диски из нефрита, яшмы и слоновой кости, с начертанными на них рунами удачи, плодородия или спокойствия духа. Они стоили дешевле, чем амулеты, поскольку являлись лишь общими пожеланиями, но за пару лишних медных монеток Джинна «настраивала» их по желанию покупателя.

Она вела довольно успешную торговлю. До полудня ей удалось продать несколько амулетов, и трижды с ней расплачивались серебром. Если в товаре Джинны и содержалась магия, я не сумел ее уловить при помощи Силы или Дара. Однажды мне удалось разглядеть амулет: хитрое сочетание блестящих бусин и маленьких деревянных прутиков, украшенных пучками перьев. Джинна продала его человеку, желавшему привести в свой дом женщину, – он собирался жениться. Высокий, сильный крестьянин примерно моих лет и по-своему симпатичный. Я мысленно пожелал ему успеха.

После полудня появился Бейлор. Он приехал на телеге, запряженной быком, чтобы продать шесть связанных поросят. Я был с ним едва знаком, хотя он являлся нашим ближайшим соседом. Мы довольно редко встречались. Осенью мы иногда совершали обмен – нам доставалась свинина, а он получал цыплят, копченую рыбу или нашу работу. Бейлор был невысок, но крепок и очень подозрителен. Вместо приветствия он одарил нас хмурым взглядом. Затем, хотя рядом с нами почти не осталось места, втиснул свою телегу по соседству. Его появление не вызвало у меня радости. Одаренные всегда сочувствуют живым тварям. Я научился не пускать в себя чувства животных, но полностью закрыться мне никогда не удавалось. И я прекрасно знал, что его бык страдает из-за плохо пригнанной сбруи, не говоря уже об ужасе связанных поросят.

Поэтому мои слова прозвучали не слишком искренне:

– Рад встрече с тобой, Бейлор. Какие хорошие поросята. Тебе бы следовало их напоить, чтобы они получше выглядели, – тогда удастся выручить за них больше.

Он бросил на меня равнодушный взгляд:

– Сейчас их лучше не трогать, стоит ослабить путы – и они разбегутся. К тому же они превратятся в мясо еще до заката.

Я с трудом заставил себя промолчать. Дар – настоящее проклятие. Ужасно наблюдать равнодушную жестокость людей. Многие рассуждают о дикости и злобе животных. Но куда хуже презрительное отношение к ним человека.

Я бы с удовольствием закончил разговор, но Бейлор принялся разглядывать наши товары. Потом презрительно фыркнул, словно не понимая, зачем мы вообще приехали на рынок.

– Да, помет получился удачным, но в нем было еще три поросенка, – заявил он, пытаясь поймать мой взгляд.

Бейлор замолчал, ожидая ответа. Наши глаза встретились.

– Вас посетила удача, – сказал я, не понимая, к чему он клонит.

– Да, но три поросенка исчезли.

– Какая жалость, – посочувствовал я, но он не спускал с меня глаз, и я добавил: – Им удалось сбежать?

Он кивнул:

– Их было десять, а потом осталось только семь.

Я покачал головой:

– Сочувствую.

Он сделал шаг ко мне.

– Ты и твой парень. Вы их не видели? Иногда моя свинья забредала к вашему ручью.

– Нет.

Я повернулся к Неду. Он явно встревожился. Я заметил, что Джинна и ее покупатель замолчали, их внимание привлек напряженный голос Бейлора. Я ненавижу оказываться в центре внимания, кровь закипела в моих жилах, но я спокойно спросил:

– Нед, ты не видел трех поросят Бейлора?

– Разве что их следы или кучки дерьма, – мрачно ответил он.

Он стоял совершенно неподвижно, словно любой жест мог навлечь на него опасность.

Я повернулся к Бейлору.

– Сожалею, – сказал я.

– Ну, – угрюмо проговорил он, – получается как-то странно, верно? Мне хорошо известно, что ты со своим парнем и собакой часто лазаешь по горам. Вы бы могли что-нибудь заметить. – В его последнем замечании мне послышалась злоба. – А вам хорошо известно, что они принадлежат мне. И что их нельзя взять просто так. – Он продолжал пристально за мной наблюдать.

Я пожал плечами, стараясь сохранять спокойствие. Но на нас уже начали обращать внимание. Бейлор оглядел смотрящих на нас людей, а потом его маленькие глазки вновь устались на меня.

– Значит, ты точно не видел моих поросят? Тебе на глаза не попался ни один из них и ты не скормил их своей собаке?

Я огляделся по сторонам. Лицо Неда пошло красными пятнами. Джинна заметно смутилась. И хотя обвинение в воровстве не было прямым, я чувствовал, как тает мое терпение. Несколько раз глубоко вздохнув, я все же заговорил спокойно:

– Я не видел твоих свиней, Бейлор.

– Ты уверен? – Он сделал шаг ко мне, приняв мою вежливость за податливость. – Понимаешь, это очень странно – ведь пропали аж три поросенка! Ну, одного мог сожрать волк, но трех разом? Ты точно их не видел?

Я стоял, опираясь на край тележки. Выпрямившись во весь рост, я расставил ноги пошире. Мне становилось все труднее контролировать свою ярость.

Однажды, много лет назад, меня жестоко избили, я едва не умер. После такого опыта характер человека меняется. Некоторые начинают всячески избегать любого физического контакта и никогда не оказывают сопротивления. Довольно долго меня преследовал унижительный страх. Однако жизнь помогла мне от него избавиться. Человек, который нападает первым, обычно побеждает. Теперь я стал именно таким.

– Я устал от твоих вопросов. – В моем голосе появились новые интонации.

Вокруг собрались любопытные. Теперь молчали не только Джинна и ее покупатель, торговец сыром, сын пекаря с подносом, полным свежих булок, – все смотрели на нас разинув рот. Нед застыл на месте, широко раскрыв глаза, румянец его сменился бледностью. Но самыми разительными оказались перемены в лице Бейлора – словно перед ним возник медведь с оскаленной пастью. Он отступил на шаг и отвел взгляд.

– Ладно, кончено, если ты их не видел...

– Да, я их не видел, – перебил я, и шум рынка стих; я смотрел только на Бейлора. И я сделал шаг к нему.

– Ладно. – Он отступил еще на шаг и нырнул за свою телегу, так что между нами оказался его бык. – Я и в мыслях не держал, что ты имеешь какое-то отношение к пропаже поросят. Не сомневаюсь, что ты бы вернул их мне. Я просто хотел, чтобы ты знал. Ведь странно, что пропали сразу три поросенка, верно? Я должен был сказать тебе – вдруг у тебя пропадают цыплята. – Из его голоса исчезли примирительные нотки, и он стал похож на заговорщика. – Скорее всего, в наших горах появились Одаренные, вот они и крадут наш скот. Ведь им не надо бегать за поросятами, достаточно поманить – и скотина уйдет к ним. Все знают, что они на это способны. Скорее всего...

Мое терпение лопнуло, но мне удалось направить свою ярость в слова.

– Весьма возможно, что поросята сорвались с крутого берега и течение унесло их, или они просто потерялись. В горах водятся лисы и росوماхи. Если хочешь, чтобы твой скот не пострадал, нужно лучше за ним присматривать.

– У меня весной пропал теленок, – неожиданно вмешался торговец сыром. – Потом куда-то запропастилась стельная корова, которая вернулась домой пустая. – Он покачал головой. – А теленка так никто и не видел. Однако я нашел затоптанный костер.

– Одаренные, – с умным видом заметил сын пекаря. – Недавно одну мерзавку поймали возле Хардиновой Мели, но она сумела сбежать. Никто не знает, где она теперь. Или где жила раньше! – И его глаза засверкали, словно в предвкушении травли.

– Ну, тогда все понятно! – воскликнул Бейлор и бросил торжествующий взгляд в мою сторону, но тут же отвернулся, увидев выражение моего лица. – Вот тебе и объяснение, Том Баджерлок. Мне хотелось только одного: предупредить тебя, как и положено добрым соседям. Так что присматривай получше за своими цыплятами. – И он многозначительно покачал головой, а торговец сыром согласно закивал в ответ.

– Мой кузен живет в Хардиновой Мели. Он видел, как эта Одаренная шлюха отравила крылья и улетела. Веревки упали с ее плеч, и она спаслась.

Я даже не повернул головы в сторону говорящего. Зеваки потеряли к нам интерес и занялись своими делами, но все принялись делиться слухами о преступлениях Одаренных. Я остался стоять в одиночестве под палящим солнцем – совсем как злополучные поросята в телеге Бейлора. Сердце мучительно колотилось в груди. Момент, когда я мог убить Бейлора, прошел – так минует лихорадка, когда болезнь отступает. Я заметил, как Нед вытер рукавом пот со лба. Джинна положила руку ему на плечо и что-то негромко сказала. Он покачал головой, закусив побелевшие губы. Потом посмотрел на меня и неуверенно улыбнулся. Все закончилось.

Но слухи продолжали курсировать по рынку. Люди были готовы объединиться против общего врага. К горлу подкатила тошнота, мне стало стыдно, что я молчу и не выступаю против очевидной несправедливости. Вместо этого я взял повод Клевера.

– Пойду напою пони, а ты займись торговлей, Нед, – сказал я.

Мальчик молча кивнул. Я чувствовал, что он не сводил с меня глаз, пока я уводил Клевера. Водопой занял много времени – я не торопился. Когда я вернулся, Бейлор улыбнулся и приветствовал меня. Я сумел ответить лишь кивком. Вскоре подошел мясник и купил всех поросят Бейлора с условием, что тот довезет их до лавки. Когда бык с натертой шеей и несчастные поросята уехали, я облегченно вздохнул. Спина болела от напряжения.

– Симпатичный у вас сосед, – заметила Джинна.

Нед громко рассмеялся, даже я сумел улыбнуться. Позднее мы разделили с Джинной трапезу – крутые яйца, хлеб и соленую рыбу. У нее нашелся мешочек с сушеными яблоками и колбаса. Мы устроили настоящий пикник, а когда я расхохотался над одной из шуток Неда, Джинна заставила меня покраснеть.

– Ты кажешься злым человеком, когда хмуришься, Том Баджерлок. А когда ты сжимаешь кулаки, мне не хочется иметь с тобой дело. Но стоит тебе рассмеяться или улыбнуться, твои глаза говорят, что ты совсем не такой.

Нед захихикал, заметив мое смущение, и мы прекрасно провели остаток дня за дружеской болтовней. Когда стало темнеть, выяснилось, что Джинна выручила немало денег. Ее запас берегов заметно уменьшился.

– Скоро я вернусь в Баккип, чтобы сделать новые амулеты. Мне гораздо больше нравится эта работа, чем торговля, хотя я люблю путешествовать и встречать новых людей, – призналась она, складывая непроданный товар.

Мы с Недом обменяли большую часть товаров на полезные в хозяйстве вещи, но денег выручили совсем немного. Он постарался не выдать своего разочарования, но в его глазах я увидел тревогу. Что, если наших денег окажется недостаточно даже для ученичества у корабеля? Должен признаться, меня и самого одолели сомнения.

Однако мы не стали говорить о своих тревогах вслух. Переночевав в тележке, чтобы сэкономить, на следующее утро мы отправились домой. Джинна пришла попрощаться с нами, и Нед напомнил, что мы готовы дать ей приют. Колдунья обещала воспользоваться нашим гостеприимством, но с сомнением посмотрела на меня, словно не была уверена в моей искренности. Мне пришлось кивнуть, улыбнуться и подтвердить приглашение.

Обратная дорога прошла очень приятно. В небе появились легкие облака, свежий ветерок нес прохладу. Мы лакомились медовыми сотами, которые Нед получил в обмен на цыплят, болтали о разной чепухе: я сказал, что рынок стал гораздо больше с тех пор, как я в первый раз побывал там, и что на дороге нам гораздо чаще, чем в прошлом году, попадаются путники. Ни один из нас не упомянул о Бейлоре. Потом мы миновали развилку – отсюда шла дорога на Кузницу. Колея успела зарости травой. Нед спросил, когда люди снова там поселятся. «Надеюсь, что не скоро, – ответил я, – но рано или поздно железная руда приведет сюда кого-то с короткой памятью».

Потом наш разговор перекинулся на события в Кузнице во время войны красных кораблей. Я пересказывал их Неду, как если бы сам слышал от других. Не стану утверждать, что это доставило мне удовольствие, но мальчику необходимо знать историю. Жители Шести Герцогств должны помнить о тех событиях, и я вновь дал себе слово попытаться написать историю того времени. Я вспомнил о нескольких неудачных попытках, о свитках, сложенных на полках над моим письменным столом, – кто знает, сумею ли я закончить свой труд?

Неожиданный вопрос Неда оторвал меня от размышлений.

– Скажи, Том, я – ублюдок, оставшийся от нашествия красных кораблей?

Я даже рот раскрыл от удивления. В разноцветных глазах мальчика я прочитал такую знакомую боль! Недотепа – так назвала его мать. Старлинг нашла его в небольшой деревне, среди мусора. Никто не хотел признавать мальчика. Вот и все, что мне было известно о его происхождении.

– Не знаю, Нед, – честно ответил я. – Возможно, ты сын одного из наших врагов. – Я не смог произнести вслух ненавистное слово.

Он смотрел прямо перед собой, продолжая шагать по дороге.

– Старлинг так сказала. Да и возраст у меня подходящий. Возможно, именно по этой причине никто, кроме тебя, не согласился принять меня в свой дом. Мне бы хотелось знать правду о своем происхождении.

– Я понимаю, – ответил я, чтобы не молчать.

Он дважды кивнул, а потом добавил:

– Когда я предупредил Старлинг, что должен рассказать тебе о ее муже, она сказала, что у меня такое же безжалостное сердце, как у моего насильника-отца.

Мне вдруг ужасно захотелось, чтобы он был поменьше, – тогда бы я смог его обнять. Я положил руку ему на плечо и заставил остановиться. Пони продолжал брести вперед. Я не стал заглядывать Неду в глаза и постарался говорить не слишком серьезно:

– Я хочу сделать тебе подарок, сын. Мне потребовалось двадцать лет, чтобы его получить, так что оцени тот факт, что тебе он достанется в столь юном возрасте. – Я сделал глубокий вдох. – Не имеет никакого значения, кто твой отец. Твои родители произвели тебя на свет, но человека из себя ты делаешь сам. – Мальчик посмотрел на меня, и я не отвел взгляда. – А теперь идем домой.

Мы пошли дальше, и некоторое время я не убирал руку, пока Нед не похлопал меня по плечу. Тогда я его отпустил, позволив спокойно обдумать мои слова. Больше я ничего не мог для него сделать. Если бы сейчас мне попалась Старлинг, ей бы довелось услышать много неприятных вещей.

Мы еще не добрались до хижины, когда спустилась ночь, однако взошла луна, да и дорогу мы хорошо знали. Старый пони мирно трусил вперед, стук его копыт и скрежет тележки создавали странную музыку. Начался теплый летний дождь, прибил пыль и принес прохладу. Неподалеку от дома нас встретил Ночной Волк – словно совершенно случайно оказался здесь. Мы дружно шагали рядом, мальчик молчал, а мы с волком беседовали при помощи Дара. Наш обмен новостями был подобен долгому вдоху. Ночной Волк не понимал моих тревог о будущем Неда.

Он может охотиться и умеет ловить рыбу. Что еще ему нужно? Зачем отсылать его в другую стаю, чтобы он учился их жизни? Мы станем слабее, лишившись его силы. Ты и я не становимся моложе.

Брат мой, возможно, это главная причина, по которой нам следует с ним расстаться. Он должен найти собственный путь в жизни, чтобы к тому времени, когда он встретит подругу, Нед мог позаботиться о ней и детях.

А как же мы с тобой? Разве мы не поможем ему? Мы всегда можем присмотреть за его детьшинами, пока он охотится, или добавить свою долю. Разве мы не одна стая?

У людей другие обычаи.

Такой ответ я давал ему тысячу раз за годы, проведенные вместе. Теперь я знал, как он их понимает. Человеческие обычаи бессмысленны, и он не станет тратить время, чтобы в них вникать.

А что будет с нами, когда он уйдет?

Я уже говорил тебе. Возможно, мы вновь отправимся в путешествие.

Ах да. Оставим уютное логово и надежный запас пищи. Столь же глупо, как отсылать мальчика.

Я ничего не ответил, поскольку Ночной Волк сказал правду. Возможно, вызванное посещением Чейда беспокойство было последним вздохом моей молодости. Быть может, мне следовало купить у Джинны амулет, помогающий найти жену. Время от времени я об этом размышлял, но этот способ казался мне слишком примитивным. Я знал, что некоторые так и поступают и им удается найти женщину или мужчину, чьи устремления более или менее совпадают с их собственными, а привычки не слишком раздражают. Из такого партнерства иногда вырастает любовь. Но для человека, пережившего волнения настоящей любви, такой путь казался невозможным. Нечестно просить другую женщину превратиться в тень Молли. За годы нашего общения со Старлинг мне и в голову не приходило предложить ей стать моей женой. Я задумался: возможно, Старлинг на это рассчитывала? Затем мои сомнения исчезли, и я мрачно улыбнулся. Нет. Старлинг обескуражило бы мое предложение; наверное, она нашла бы его смешным.

Последняя часть нашего пути прошла в полной темноте, поскольку узкая дорога по обе стороны заросла деревьями. С листьев падали крупные капли дождя, телега медленно ползла вперед.

– Зря мы не прихватили фонарь, – заметил Нед, и я с ним согласился.

Наш домик темным силуэтом выделялся на поляне, окутанной ночным сумраком.

Я зашел в дом, зажег камин и занес все, что нам удалось обменять на рынке. Нед взял фонарь и занялся пони. Ночной Волк тут же устроился поближе к огню, но так, чтобы не загорелась шерсть. Я повесил чайник и положил несколько вырученных монет к тем, что мы скопили для Неда, и с грустью признался самому себе, что этого не хватит, чтобы отправить его учиться. Даже если мы с ним найдемся к кому-нибудь до конца лета, ничего не изменится. Да и не могли мы оба уйти из дома – ведь тогда наши цыплята перемерут без надлежащего ухода. А если один из нас станет сезонным рабочим, необходимая сумма наберется лишь за год или даже больше.

– Нужно было давным-давно начать копить деньги, – мрачно заметил я, когда вошел Нед.

Он поставил фонарь на полку, а потом опустился на стул. Я кивком показал ему на чайник, который стоял на столе, чтобы он налил себе чая. Между нами лежала жалкая кучка монет.

– Чего сейчас жалеть, – проговорил он и взял свою чашку. – Придется начинать с того, что есть.

– Именно. Как ты думаешь, вы с Ночным Волком справитесь здесь без меня, если я наймусь к кому-нибудь на работу?

– А почему ты должен наниматься на работу? – спросил он и спокойно посмотрел мне в глаза. – Ведь деньги нужны на *мое* обучение.

Мне стало немного не по себе. Я мог сказать: «Потому что я старше и сильнее и смогу заработать больше», но это было неправдой. Нед за последнее время стал почти таким же широкоплечим, как я, а что касается тяжелой работы, пожалуй, мог легко меня переплюнуть. Он с сочувствием ухмыльнулся, видя, что я наконец понял то, что давно было ему очевидно.

– Потому что я хотел бы сделать это для тебя, – тихо ответил я, и он кивнул, прекрасно понимая, что на самом деле значат мои слова.

– Ты уже и так дал мне столько, что я никогда с тобой не расплачусь. Благодаря тебе я теперь могу сам о себе позаботиться.

После этих слов мы отправились спать, и я улыбался, смежая веки. Гордость, которую мы испытываем за наших детей, пропитана чудовищным тщеславием. Я растил Неда, никогда особенно не задумываясь о том, чему я его учу и как объясняю, что такое настоящий мужчина. И вот наступает день, когда юноша смотрит мне в глаза и говорит, что может сам о себе позаботиться, а мое сердце наполняется восторгом, словно я с успехом выполнил возложенную на меня трудную миссию. Мальчик вырос, сказал я себе, продолжая улыбаться.

Возможно, размышления о жизни ослабили мою защиту больше, чем обычно, и ночью мне приснился сон, навеянный Силой. Такие сны посещали меня время от времени, дразнящие и не утоляющие жажды, поскольку они не подчинялись контролю и позволяли увидеть лишь обрывки разных картин, но не давали удовлетворения, которое дарует настоящий контакт. Однако этот сон переполняли возможности – я следовал за единичным сознанием, а не выхватывал отдельные мысли разных людей.

Он больше напоминал воспоминание, чем видение. В этом сне я, словно привидение, парил в Большом зале Оленьего замка, заполненном элегантными людьми в роскошных одеждах. Играла музыка, и я видел танцующие пары, но сам медленно двигался между группами беседующих о чем-то придворных. Кое-кто поворачивался в мою сторону, кивал мне, но мой взгляд ни на секунду не задерживался на их лицах. Я не хотел здесь находиться; и они меня не интересовали. На мгновение я заметил водопад роскошных медных волос. Девушка стояла ко мне спиной. На худой руке, которую она подняла, чтобы нервно поправить волосы, я раз-

глядел несколько колец. Увидев меня, она присела в глубоком реверансе, я ей поклонился, поздоровался, а затем смешался с толпой. Я чувствовал, что она смотрит мне вслед, и это меня раздражало.

Но еще больше я разозлился, увидев высокого, элегантно одетого Чейда, который стоял на возвышении за креслом королевы. Он тоже за мной наблюдал. Потом наклонился и что-то прошептал на ухо Кетриккен, и она посмотрела на меня. Едва заметным жестом королева подозвала меня, и у меня замерло сердце. Неужели моя жизнь никогда не будет мне принадлежать и я не смогу делать то, что мне нравится? Медленно, словно в тумане, я повиновался зову королевы.

И тут, как это часто случается, мой сон изменился. Я лежал на одеяле около камина. Мне было скучно. Как же это несправедливо. Там, внизу, они танцуют, едят, а я должен оставаться здесь... мой сон изменил направление, будто подул легкий ветерок и по воде пробежала рябь. Нет, не так, мне не скучно, просто я ничего не делаю. Я медленно выпустил когти и принялся их разглядывать. Под одним из них я заметил перышко птицы, вытащил его, затем вылизал лапу и задремал у огня.

Что это было? – сонно спросил Ночной Волк, но, чтобы ему ответить, пришлось бы приложить определенное усилие, а мне страшно не хотелось шевелиться.

Я зарычал на него, а потом снова уснул.

Утром я немного подумал о своем сне, но быстро забыл о нем, посчитав смесью обрывков Силы, своих детских воспоминаний об Оленьем замке и беспокойства за Неда. Занимаясь привычными делами, я обратил внимание на то, что у нас осталось совсем мало дров. Значит, нужно пополнить запасы – не только чтобы готовить еду и не мерзнуть по ночам, но и потому, что пришла пора позаботиться о предстоящей зиме.

Заплечная сумка Неда, собранная наполовину, стояла у двери. Сам паренек вымылся и привел себя в порядок. С трудом скрывая возбуждение, он улыбнулся мне, когда накладывал в тарелки кашу. Я уселся на свое место за столом, он устроился напротив.

– Сегодня? – спросил я, стараясь скрыть огорчение.

– К чему зря тянуть? – мягко проговорил он. – На рынке я слышал, что в Кормене пора убирать сено. Это два дня пути.

Я неохотно кивнул, сказать мне было нечего, я понимал, что он прав. А ему не терпелось поскорее отправиться в путь. Пусть уходит, уговаривал я себя, прогоняя прочь возражения, готовые сорваться с языка.

– Действительно, откладывать не стоит, – с трудом выдавил я из себя.

Нед воспринял мои слова как благословение и принялся рассуждать о том, что после Кормена, скорее всего, пойдет в Дивден, – может быть, там ему удастся найти какую-нибудь работу.

– Дивден?

– В трех днях пути от Кормена. Помнишь, Джинна нам про него рассказывала? Она говорила, что ячменные поля там – будто океан, волнующийся под ветром. Вот я и подумал, что там может подвернуться что-нибудь подходящее.

– Звучит неплохо, – не стал спорить я. – А потом вернешься домой?

– Если больше не будет работы, – кивнув, ответил Нед.

– Ну конечно. Если больше не будет работы.

Через несколько часов Нед ушел. Я заставил его взять с собой побольше еды и дал на всякий случай несколько монет. Его раздражали мои советы и предупреждения о необходимости соблюдать осторожность. Он сказал, что будет спать у дороги и не станет останавливаться на постоянных дворах. И еще напомнил, что солдаты королевы Кетриккен патрулируют дороги и разбойники опасаются на них появляться. К тому же Нед заметил, что для воров он не представляет никакого интереса – взять с него нечего. По просьбе Ночного Волка я спросил, не

возьмет ли он его с собой. Нед улыбнулся и задержался около двери, чтобы почесать волка за ухом.

– Он уже староват для таких приключений, – мягко проговорил мальчик. – Оставайтесь лучше вдвоем, будете друг за другом присматривать, пока я не вернусь.

Вот мы и стояли вдвоем и смотрели, как мальчик вышел на тропу, ведущую на большую дорогу, а я пытался вспомнить, был ли сам когда-нибудь так невероятно молод и уверен в себе. Впрочем, к моим грустным мыслям примешивалась гордость за Неда, которого я вырастил.

Заполнить делами остаток дня оказалось непривычно трудно. У меня было полно работы, но я не мог заставить себя заняться чем-нибудь полезным. Пару раз я приходил в себя, обнаружив, что стою и тупо таращусь в пространство. Дважды я подходил к скалам лишь затем, чтобы посмотреть на море, и один раз вышел на дорогу и принялся вглядываться сначала в один ее конец, потом в другой. В воздухе даже не осталось пыли после того, как ушел наш мальчик. Повсюду, куда ни кинешь взгляд, царили тишина и покой. Волк печально таскался за мной, я брался за разные дела и бросал их на полпути, прислушивался, ждал – сам не зная чего. Потом начал рубить и складывать дрова в поленницу, но неожиданно остановился и, стараясь не думать, вогнал топор в большой пень, взял рубашку, набросил ее на потные плечи и зашагал в сторону скал.

Неожиданно на пути встал Ночной Волк.

Что ты делаешь?

Хочу немного отдохнуть.

Ничего подобного. Ты идешь на скалы. К Силе.

Я вытер руки о штаны, мои мысли еще не обрели определенной формы.

Мне хотелось немного подышать свежим воздухом.

Как только ты туда придешь, ты попытаешься использовать Силу. Я чувствую твой голод. Прошу тебя, мой брат, не делай этого.

В его мыслях появились жалобные нотки. Я еще ни разу не видел, чтобы он так отчаянно хотел меня отговорить от чего-то, и это меня озадачило.

– Ну хорошо, не буду, если ты так сильно беспокоишься.

Я вытащил топор и снова взялся за работу, но через некоторое время сообразил, что машу топором с такой яростью, словно передо мной заклятый враг. Тогда я оставил его и принялся за нудное занятие, которое страшно не любил, – стал раскладывать дрова, чтобы они хорошенько высохли. Когда все было сделано, я снова взял рубашку и не раздумывая зашагал к скалам. Волк мгновенно встал у меня на пути.

Не делай этого.

Сказал же, что не буду.

Я обошел его, не обращая внимания на раздражение, которое меня охватило, и решил заняться прополкой огорода. Потом принес с реки воды и наполнил до краев кухонную бочку, вырыл новую яму для туалета, засыпал чистой землей старую... Иными словами, я набрасывался на работу, словно летний пожар, пожирающий сухой луг. Спину и руки нестерпимо ломило – не только от усталости, давали о себе знать старые раны, но я боялся остановиться. Зов Силы не стихал, упорно не желая оставить меня в покое.

Когда наступил вечер, мы с волком отправились ловить на ужин рыбу. Готовить еду для одного человека глупо, но я заставил себя сделать приличный ужин и все съел. Затем я вымыл грязную посуду и уселся отдохнуть. Впереди меня ждал долгий пустой вечер. Тогда я достал бумагу и чернила, но не смог хотя бы что-нибудь написать. Мысли не хотели выстраиваться, в них царил самый настоящий хаос. Наконец я вынул кучу вещей, которые давно требовалось починить, и принялся упрямо зашивать и ставить заплатки на всем, что попадалось под руку.

Когда в глазах начало рябить, я отправился спать. Я лежал на спине, прикрыв рукой глаза, и старался не обращать внимания на острые иглы, терзавшие душу. Ночной Волк тяжело

вздыхнул и улегся рядом с моей кроватью. Я положил ему на голову руку, раздумывая над тем, в какой момент наше затворничество превратилось в одиночество.

Тебя гложет не одиночество.

Что я мог на это сказать? Ночь была ужасной, и на рассвете я с трудом заставил себя подняться. Следующие несколько дней я по утрам рубил ольху для коптильни, а днем ловил рыбу, которую мы заготавливали на зиму. Волк с аппетитом поглощал требуху, но все равно постоянно бросал плотоядные взгляды на куски красной рыбы, которую я солил и вешал на крючки над маленьким огнем. Я добавил немного свежих ольховых веток, чтобы было побольше дыма, а потом плотно закрыл дверь. Когда спустился вечер, я отмывал руки в бочке с дождевой водой, пытаюсь отделаться от рыбной чешуи и засохшей соли, как вдруг Ночной Волк повернул голову в сторону тропы.

Кто-то идет.

Нед?

Во мне вспыхнула надежда.

Нет.

Меня самого удивило, как сильно я огорчился. Я услышал отражение моих чувств в мыслях волка. Мы оба вглядывались в окутанную тенями тропу и вскоре увидели Джинну. Она на мгновение остановилась, видимо, ее испугали наши напряженные взгляды, затем приветственно подняла руку:

– Здравствуй, Том Баджерлок! Я решила воспользоваться твоим приглашением.

Подружка Неда, объяснил я Ночному Волку, который остался стоять на месте, настороженно разглядывая нашу гостью, когда я шагнул ей навстречу.

– Добро пожаловать. Не думал так скоро тебя увидеть, – сказал я и тут же почувствовал, что мои слова прозвучали не слишком вежливо. – Нежданная радость всегда бывает самой приятной, – добавил я, чтобы хоть как-то исправить положение, но понял, что изысканная галантность тоже здесь не к месту.

Неужели я разучился общаться с людьми?

Впрочем, Джинна улыбнулась, и я почувствовал себя увереннее.

– Мне редко приходится сталкиваться с честностью, оправленной в столь приятные слова, Том Баджерлок. Вода холодная?

Не дожидаясь ответа, Джинна, развязывая на ходу шейный платок, направилась к бочке с дождевой водой. Она двигалась с уверенностью женщины, которая много времени проводит на дорогах, она явно устала, но не более того. Огромная торба на спине казалась ее естественным продолжением. Джинна намочила платок и вытерла пыль с лица и рук. Затем еще раз опустила его в воду и вымыла шею.

– Вот так-то лучше, – с удовлетворением вздохнув, заявила она, а потом, повернувшись ко мне, улыбнулась, и в уголках ее глаз появились привычные морщинки. – В конце трудного дня я всегда завидую людям вроде тебя, у которых спокойная жизнь и собственный дом.

– Могу тебя заверить, что люди вроде меня часто завидуют тем, кто много путешествует. Заходи в дом, отдохни. Я как раз собирался готовить ужин.

– Большое спасибо.

Джинна пошла за мной к дому, Ночной Волк следовал за нами на некотором расстоянии. Не поворачиваясь и не глядя на него, Джинна заметила:

– Довольно странно, ты держишь волка вместо сторожевой собаки.

Я часто врал людям, что Ночной Волк – собака, очень похожая на волка. Однако вдруг понял, что обижу Джинну, если попытаюсь обмануть и ее. Я сказал ей правду:

– Я взял его, когда он был еще детенышем, и он стал моим верным другом и спутником.

– Да, Нед мне рассказывал. А еще – что волк не любит, когда на него смотрят незнакомые люди, но подойдет, когда составит обо мне собственное мнение. Ой, я, как всегда, начала

рассказывать с середины. Несколько дней назад я встретила на дороге Неда. У него прекрасное настроение, он уверен, что непременно найдет работу и все у него будет хорошо. Я тоже так думаю. Мальчик обладает таким поразительным обаянием, что мне трудно представить кого-нибудь, кто сможет перед ним устоять. Он несколько раз повторил, что мне здесь будут рады, и не обманул.

Джинна вошла вслед за мной в дом, сбросила свою торбу, поставила ее на пол, прислонив к стене, затем выпрямилась и со стоном потянулась.

– Ну, что будем готовить? Я тебе помогу, не могу сидеть без дела на кухне. Рыба? У меня есть отличная приправа. Найдется толстостенный горшок с плотной крышкой?

Легко и естественно она взяла на себя половину забот по приготовлению ужина. Я не делил кухонные заботы с женщиной с тех пор, как провел год среди Одаренных, но даже и тогда Холли, как правило, помалкивала. Джинна постоянно что-то говорила, гремела кастрюлями и сковородками, наполнив дом дружеской болтовней и уютом. Она обладала поразительной способностью – вошла в мои владения и брала вещи так, что я не чувствовал неловкости или смущения. Я связался с Ночным Волком, он вошел в дом и занял свое обычное место у стола. Джинна совершенно спокойно отнеслась к его настороженным взглядам и, как будто так и заведено, бросала ему обрезки, которые он ловко ловил. Вскоре рыба, приправленная травами, тушилась в горшке, а я отправился в огород, где набрал молодой морковки и зелени, пока Джинна жарила в жире толстые ломти хлеба.

Ужин появился на столе будто сам собой, без всяких усилий с нашей стороны. Джинна не забыла поджарить кусочек хлеба и для Ночного Волка, хотя, думаю, он съел его из вежливости, а не потому, что был голоден. Рыба получилась мягкой и душистой, а в сочетании с разговорами показалась мне просто восхитительной. Впрочем, Джинна болтала не все время, ее истории всегда требовали ответа, и она слушала меня так же внимательно, как и ела. Мы быстро убрали грязную посуду, а когда я принес бренди, привезенный из Песчаных пределов, Джинна с восторгом воскликнула:

– Чудесное завершение прекрасного ужина!

Взяв стаканчик с бренди, она отошла к камину. Огонь, на котором мы готовили, почти погас, и она подбросила еще несколько поленьев, скорее для того, чтобы в комнате стало светлее, и уселась на пол рядом с волком. Ночной Волк даже ухом не повел. Джинна пригубила бренди, а потом повела рукой со стаканом, указывая в сторону моего заваленного бумагами стола, который было видно в открытую дверь.

– Я знала, что ты делаешь чернила и краски, но похоже, ты еще ими и пользуешься. Ты писарь?

– Что-то вроде того, – пожав плечами, ответил я. – Ничего изысканного, хотя иногда я делаю простые иллюстрации. Почерк у меня приличный, не более, но мне нравится записывать то, что удается узнать, когда появляется возможность.

– Для тех, кто умеет читать, – проговорила Джинна.

– Верно, – согласился я.

Она склонила голову набок и улыбнулась:

– Не могу сказать, что одобряю тебя.

Меня удивило не то, что она возражала против подобных вещей, а то, как мило она высказала свое мнение.

– Почему?

– Мне кажется, знание не должно быть доступным. Я думаю, его нужно заслужить. Например, мастер может передать его своему самому достойному ученику, а записывать на бумагу, чтобы оно стало достоянием любого, кому попадется на глаза...

– Должен признаться, что похожие сомнения появляются и у меня, – ответил я, подумав о свитках, посвященных Силе, которые изучает сейчас Чейд. – Однако мне известен случай,

когда мастера неожиданно настигла смерть и все ее знания ушли вместе с ней, она не успела передать их самому достойному ученику. Гибель одного человека отняла опыт, накопленный несколькими поколениями.

Джинна некоторое время молчала.

– Печальная история, – признала она наконец. – Несмотря на то что великие мастера делятся с другими людьми своим искусством, самые главные секреты они берегут для лучших учеников.

– Возьмем тебя, – продолжал я, воспользовавшись полученным преимуществом в споре. – Ты занимаешься делом, которое скорее можно назвать искусством. У тебя полно тайн и умений, которыми ты делишься только с теми, кто практикует защитную магию. Насколько я понимаю, ученика у тебя нет. Однако могу побиться об заклад, что у тебя имеются собственные секреты, которые умрут с тобой, если тебе не суждено дожить до завтрашнего дня.

Она довольно долго на меня смотрела, затем сделала еще глоток бренди.

– Очень неприятная мысль, – грустно проговорила она. – Но видишь ли, Том, я неграмотна и не смогу перенести свои знания на бумагу, если мне не поможет кто-нибудь вроде тебя. Но и в этом случае я не буду уверена, что ты записал то, что я знаю, а не то, как ты понял мои слова. Половина тренировки ученика состоит в том, чтобы воспитанник запомнил все, что ты говоришь, а не то, что, как ему кажется, ты сказала.

– Ты права, – пришлось согласиться мне.

Мне часто казалось, что я понимаю наставления Чейда, а потом, когда я пытался смешать собственные настойки, у меня ничего не выходило или случались ужасные вещи. Мне снова стало не по себе – я представил, как Чейд учит принца Дьютифула по свиткам, в которых описывается Сила. Станет ли он наставлять его, используя опыт какого-нибудь мастера, запечатленный на бумаге, или внесет в свои уроки собственное понимание магии? Я заставил себя отбросить тревожные мысли. Я никому ничего не должен. Я предупредил Чейда, больше я ничем не могу им помочь.

После этого разговор как-то сам по себе увял, и Джинна отправилась спать в постель Неда, а мы с Ночным Волком пошли закрыть на ночь сарай с цыплятами и сделать обход наших владений. Стояла тихая летняя ночь, и вокруг нас царили безмолвие и покой. Я бросил последний тоскливый взгляд в сторону скал, – наверное, в свете луны кажется, будто волны украшены серебряным кружевом пены. Я запретил себе даже думать об этом и почувствовал облегчение Ночного Волка. Мы добавили еще несколько зеленых веток ольхи в огонь в коптильне.

– Пора спать, – сказал я.

Раньше в такие ночи мы вместе охотились.

Точно. Хорошая ночь для охоты. Дичь в свете луны чувствует себя плохо, и ее легко увидеть.

Однако он последовал за мной, когда я повернул к дому. Несмотря на наши воспоминания, мы оба понимали, что перестали быть сильными молодыми волками. Мы не испытывали голода, в доме было тепло, а отдых облегчит боль в суставах Ночного Волка. На сегодня с него хватит и снов про охоту.

Я проснулся утром, услышав, как Джинна наливает в чайник воду. Когда я вышел в кухню, она уже поставила его кипятиться над огнем, разведенным в очаге. Продолжая нарезать хлеб, она посмотрела на меня через плечо и сказала:

– Надеюсь, ты не сердишься, что я здесь хозяйничаю.

– Нисколько, – ответил я, хотя и чувствовал себя немного непривычно.

Когда я проведал домашнюю птицу и вернулся со свежими яйцами, на столе стоял горячий завтрак. Мы поели, и Джинна помогла мне все убрать.

Поблагодарив меня за гостеприимство, она сказала:

– Прежде чем уйти, я хочу предложить тебе обмен. Я могу дать тебе пару амулетов за желтые и синие чернила.

Я обрадовался, что Джинна решила немного задержаться, мне нравилась ее компания, да и защитная магия всегда интересовала. Мне представилась прекрасная возможность вблизи увидеть инструменты, которыми Джинна пользовалась в своем ремесле. Сначала мы отправились в сарай, где у меня стоял рабочий стол, и я достал для нее баночки желтых, синих и немного красных чернил. Когда я закрыл их деревянными пробками, а потом воском, она объяснила мне, что цвета усиливают действие некоторых амулетов, но она еще не слишком хорошо в этом разбирается и только изучает новую для себя область применения магии. Я кивнул, но не стал задавать вопросы – хотя ужасно хотелось. Я посчитал, что это будет не слишком вежливо с моей стороны.

Мы вернулись в дом, и Джинна поставила баночки с красками на стол, а потом открыла сумку и разложила амулеты в мешочках.

– Ну и что же ты выберешь, Том Баджерлок? – улыбнувшись, спросила она. – У меня есть амулеты для цветения садов, удачи на охоте, здоровых детей... это вам не нужно, убираю обратно. А вот что может оказаться полезным.

Она развернула амулет, и Ночной Волк тихо зарычал, шерсть вздыбилась у него на загривке, он подошел к двери и открыл ее носом. Я вдруг понял, что тоже пячусь от амулета, который она мне предлагает. Короткие деревянные палочки были расписаны яркими черными символами и связаны друг с другом под диковинными углами. Внутри там и сям виднелись отвратительного вида бусины и вырванные клочья шерсти. Амулет вызвал у меня острое неприятие и страх. Я бы бежал от него, если бы смог оторвать взгляд. Неожиданно я почувствовал, что прижался спиной к стене, понимая, что есть другой, более надежный способ спастись, только вот не мог вспомнить какой.

– Прости меня. – Слова Джинны, произнесенные очень мягко, долетали до меня словно издалека.

Я заморгал, и неприятный предмет исчез, Джинна спрятала его в мешочек и убрала. За дверью Ночной Волк перестал рычать и жалобно заскулил. А у меня возникло ощущение, будто я выплыл из-под воды на поверхность.

– Я не подумала, – извинилась Джинна, поглубже засовывая амулет в сумку. – Он предназначен для отпугивания хищников от сараев, где живут цыплята и овцы, – пояснила она.

Я понял, что снова могу дышать. Джинна не смотрела мне в глаза – она догадалась, что я обладаю Даром. И как же она использует свое знание? Испугается и навлечет на меня смерть? Я представил себе, как Нед возвращается и находит сгоревший дотла дом.

Неожиданно Джинна подняла голову и встретилась со мной глазами, словно прочитала мои мысли.

– Человек таков, каким он родился. Он ничего не может с этим поделать.

– Да, – пробормотал я в ответ, стыдясь облегчения, которое испытал.

Мне удалось отойти от стены и приблизиться к столу. Джинна на меня не смотрела, она что-то искала в своей сумке, как будто ничего особенного не произошло.

– В таком случае давай подыщем тебе что-нибудь получше.

Она принялась перебирать мешочки с амулетами, останавливаясь время от времени, чтобы прощупать их содержимое и вспомнить, что там лежит. В конце концов она выбрала зеленый и положила его на стол.

– Возьми вот этот. Повесишь в огороде, чтобы у тебя все лучше росло.

Я молча кивнул, поскольку еще не до конца избавился от пережитого страха. Несколько мгновений назад я сомневался в силе ее амулетов. Теперь же боялся их. Я сжал зубы, стараясь взять себя в руки, когда она достала садовый амулет, посмотрел на него – и ничего не произо-

шло. Тогда я решился взглянуть Джинне в глаза и увидел там сочувствие. Она ласково мне улыбнулась, будто пыталась поддержать в трудную минуту.

– Дай руку, я должна настроить амулет на тебя. Затем мы вынесем его на улицу и повесим в огороде. Он действует на растения и на садовника одновременно. Ведь именно человек, обрабатывающий землю, заставляет ее плодоносить. Дай руки.

Джинна устроилась около стола и протянула ко мне руки ладонями вверх. После минутного колебания я уселся на стул напротив и положил руки на ее ладони.

– Не так. Жизнь и привычки человека написаны у него на ладонях.

Я послушно перевернул руки. Когда я был учеником Чейда, он объяснял мне, как узнать о прошлом человека по его рукам, но мы не занимались с ним предсказаниями. Мозоли от меча отличаются от тех, что остаются на ладонях писца или крестьянина. Джинна склонилась над моими руками и принялась их внимательно изучать. А я тем временем думал о том, сумеет ли она разглядеть на них следы от топора или весла или еще какие-нибудь приметы моей прошлой жизни. Когда она на меня посмотрела, меня поразило ее лицо – на нем появилась грустная улыбка.

– Ты очень необычный человек, Том Баджерлок! Глядя на твои руки, я бы сказала, что они принадлежат двум разным людям. Считается, что левая рассказывает о том, с чем ты родился, а правая – кем стал. Но я редко видела две такие разные руки. Смотри, что говорит эта, – мальчик с добрым сердцем, впечатлительный, ранимый юноша. А потом... На левой руке линия жизни обрывается. – Джинна выпустила мою правую руку и провела пальцем по линии жизни до того места, где она заканчивалась. – Если бы тебе было столько же лет, сколько Неду, я бы сказала, что смотрю на молодого человека, который должен скоро умереть. Но поскольку ты сидишь тут передо мной, а на твоей правой ладони отлично видна длинная линия жизни, мы и будем ее изучать. Согласен? – Джинна взяла мою правую руку в обе ладони.

– Пожалуй, – смущенно согласился я с ней.

Меня несколько вывели из равновесия ее слова, но не только. Мягкое, теплое прикосновение ее рук заставило меня посмотреть на Джинну как на женщину, и я отреагировал на свое открытие, точно неоперившийся юнец. Я принялся ерзать на стуле, и по лицу Джинны скользнула понимающая улыбка, от которой я смутился еще сильнее.

– Итак. Ты, я вижу, прекрасный садовник, хорошо знаешь травы и их назначение.

Я произнес что-то нечленораздельное. Джинна видела мой сад и огород и вполне могла сделать вывод, что я неплохо в этом разбираюсь. Она некоторое время разглядывала мою правую руку, потом провела большим пальцем по менее заметным линиям, словно пыталась их разглядеть, затем мягко показала, как я должен сложить пальцы, чтобы ей было лучше видно.

– У тебя очень непростые руки, Том. – Джинна нахмурилась и снова сравнила мои ладони. – Левая говорит, что в той короткой жизни у тебя была нежная любовь, которая закончилась с твоей смертью. Однако на правой я вижу, что любовь то появляется, то исчезает в течение всех прожитых тобой лет. Верное тебе сердце было далеко от тебя, но скоро оно вернется...

Она подняла на меня свои ясные карие глаза, чтобы проверить, права ли она. Я лишь пожал плечами. Неужели Нед рассказал Джинне про Старлинг? Впрочем, вряд ли ее можно назвать верным сердцем. Когда Джинна поняла, что я не собираюсь ничего говорить, она снова занялась моей ладонью.

– Посмотри вот сюда. Видишь? Гнев и страх, соединенные темной цепью... она следует по всей линии жизни, словно черная тень.

Я постарался прогнать неприятные мысли, которые вызвали у меня ее слова, и наклонился вперед, чтобы посмотреть на свою ладонь.

– Может быть, это самая обычная грязь, – предположил я.

Джинна фыркнула и покачала головой. Но больше не стала изучать мою руку, просто накрыла ее своей и посмотрела мне в глаза:

– Мне еще не приходилось видеть таких разных рук у одного человека. Подозреваю, что временами ты и сам не знаешь, кто ты такой.

– Думаю, каждому человеку приходится задавать себе этот вопрос. – Я вдруг понял, что мне трудно смотреть в ее близорукие глаза.

– Хм-м. Но возможно, у тебя гораздо больше причин – причем веских, – чтобы спрашивать себя об этом. Ну ладно. – Джинна вздохнула. – Давай посмотрим, что я могу для тебя сделать.

Она выпустила мои руки, и я тут же их убрал и незаметно потер под столом, как будто хотел стереть прикосновение ее мягких щекочущих пальцев. Колдунья взяла свой амулет, повертела его, а затем развязала шнурок. Поменяв порядок бусин, добавила еще одну – коричневую, которую достала из сумки, и снова завязала. Потом Джинна взяла баночку с желтыми чернилами, окунула в нее тонкую кисточку, нарисовала несколько рун и принялась разглядывать свою работу.

– Когда я приду к вам в следующий раз, – сказала она, – надеюсь, ты скажешь, что у вас выдался очень удачный год, а растения, которые плодоносят над землей, там, где на них падают лучи солнца, превзошли все твои ожидания. – Она подула на амулет, чтобы высушить чернила, и убрала в сумку кисточку и банку. – Идем, повесим амулет в огороде.

Когда мы вышли из дома, она велела мне срезать рогатину длиной примерно в мой рост. Вернувшись, я обнаружил, что Джинна вырыла ямку в юго-восточном углу огорода, я поставил шест так, как она показала, и засыпал ямку землей. Когда налетел порыв ветра, бусинки мелодично затрещали, и тут же запел маленький колокольчик. Джинна прикоснулась к колокольчику пальцем.

– Он отпугивает некоторых птиц.

– Спасибо.

– Не за что. Здесь хорошее место для моих амулетов. Я с удовольствием их оставляю. А когда я приду в следующий раз, посмотрю, как они тебе помогают.

Джинна второй раз сказала, что придет еще. Во мне проснулись остатки манер, усвоенных при дворе.

– Когда ты придешь ко мне в следующий раз, тебе будут рады не меньше, чем сейчас. Буду ждать тебя с нетерпением.

Джинна улыбнулась, и на щеках ее появились симпатичные ямочки.

– Спасибо, Том. Я обязательно к вам еще раз загляну. – Она склонила голову набок и вдруг заговорила с неожиданной для меня сердечностью: – Я знаю, ты одинокий человек, Том. Так будет не всегда. Мне известно, что сначала ты не верил в мои заклинания. Ты продолжаешь сомневаться в том, что я увидела на твоей ладони. Но я знаю, что не ошиблась. Единственная и самая истинная любовь проходит через всю твою жизнь. Любовь к тебе вернется. Не сомневайся в этом.

Карие глаза Джинны встретились с моими, и я увидел в них такую уверенность, что не смог ни засмеяться, ни рассердиться на нее. И потому я просто молча кивнул. Она надела котомку на плечи и зашагала по тропинке, а я стоял и смотрел ей вслед. Меня взволновали ее слова, и в мое сердце попытались закрасться давно утерянные надежды, но я прогнал их прочь. Молли и Баррич принадлежат друг другу. В их жизни для меня не осталось места.

Я распрямил плечи, вспомнив, что у меня полно дел – сложить дрова, закоптить рыбу, починить крышу... Сегодня выдался отличный летний денек, и нужно его использовать, потому что даже теплым летом не следует забывать о том, что скоро придет зима.

V. Смуглый человек

В древних рукописях, найденных на территориях, которые в дальнейшем стали Шестью Герцогствами, говорится, что Дар не всегда был презираемым видом магии. Впрочем, эти свидетельства обрывочны, а точность переводов древних манускриптов часто подвергается сомнениям. Но большинство мастеров-писарей соглашаются с тем, что было время, когда существовали целые поселения, где люди рождались Одаренными и часто пользовались этой магией. В некоторых свитках утверждается, будто они являлись исконными жителями этих земель. Видимо, поэтому Одаренные называют себя Древней Кровью.

В те времена эти земли были не слишком густо заселены, и те, кто на них обитал, жили по большей части за счет охоты и дикой природы и не занимались возделыванием земли. Возможно, тогда связь между человеком и диким зверем не казалась столь необычной, поскольку люди, добывая себе пропитание, не слишком отличались от хищников.

Даже в более поздних свидетельствах редко встречаются упоминания о том, чтобы Одаренных убивали. Тот факт, что о них вообще писали, говорит об их необычности, ведь необычное достойно истории. Только после короткого правления короля Чарджера, которого называли принц Полукровка, в рукописях начали появляться утверждения, что Дар навлекает на человека, им владеющего, позор и человек этот заслуживает смертной казни. И тогда по всей стране прокатилась волна казней. Имеются даже свидетельства о том, что гибли целые деревни. После этого либо людей с Древней Кровью стало меньше, либо они опасались признаваться в том, что природа наградила их Даром.

Теплые летние дни сменяли друг друга, словно синие и зеленые бусины, нанизанные на нитку. У меня не было причин жаловаться на жизнь. Я работал в саду, подлатал дом, который давно нуждался в ремонте, а по утрам и в сумерках охотился с Ночным Волком. Мои дни были заполнены простыми заботами. Погода стояла прекрасная. Когда я работал, меня грело солнце, а легкий ветер обдувал лицо, если я выбирался на скалы по вечерам, земля в саду радовала своими дарами. Мир и покой были готовы снизойти на меня, но я не подпускал их к себе.

Порой я чувствовал себя почти счастливым. Посадки в огороде буйно шли в рост, бобы наливались силой, а горох упорно карабкался к солнцу. У меня было мясо – столько, что я даже смог запасти кое-что на зиму, а дом с каждым днем становился все чище и уютнее. Я гордился своими достижениями. Но иногда я обнаруживал, что стою около амулета Джинны в саду, задумчиво перебираю бусины и смотрю на дорогу. Я ждал. Ждать возвращения Неда было не так трудно, пока я не понимал, что жду его, но это ожидание стало аллегорией всей моей жизни. Мне пришлось спросить себя – а что будет, когда он вернется? Если он заработает достаточно денег, он снова уйдет. И это то, на что я должен надеяться. Потому что если ему не удастся накопить необходимую сумму, мне придется искать другой способ ее собрать. Но я буду продолжать ждать. Ожидание его возвращения превратится в ожидание того времени, когда он меня снова покинет.

А что потом? Потом... что-нибудь еще, подсказывало мне сердце. Но я никак не мог сообразить, что же меня беспокоит, откуда взялась тревога, которая гложет душу. В такие дни работа валилась из рук, и мне казалось, что весь мир против меня. Тогда волк со вздохом вставал и подходил ко мне. Оттолкнув носом мою руку, он клал свою большую голову мне на колени.

Перестань тосковать. Ты портишь радость сегодняшнего дня, заглядывая в завтра. Мальчик вернется, когда вернется. Ну что ты грустишь? С нами, с тобой и со мной, все в порядке. Завтра все равно наступит – причем гораздо быстрее, чем ты думаешь.

Я знал, что он прав, и обычно стряхивал дурное настроение и принимался за работу. Должен признаться, что один раз я спустился к скамейке у моря, сел на нее и долго смотрел на воду. И даже не пытался использовать Силу. Возможно, прошедшие годы помогли мне понять, что справиться с одиночеством он мне все равно не поможет.

Погода по-прежнему стояла великолепная, и я каждое утро получал от природы чудесный свежий солнечный дар. Однако, раздумывая я, вынимая рыбу из коптильни, настоящим сокровищем стали вечера. Дела сделаны, можно и отдохнуть. Иногда, когда я позволял себе это, я чувствовал удовлетворение. Рыба закоптилась так, как я любил: с жесткой корочкой и достаточно мягкая внутри, чтобы сохранить вкус и аромат. Я положил последний кусок в сетку. В доме на потолочной балке уже висели четыре такие сетки. На зиму хватит. Волк наблюдал за тем, как я вошел в дом и забрался на стол, чтобы повесить последнюю.

– Давай встанем завтра пораньше, – сказал я, не оборачиваясь, – и поищем кабана.

Я не терял никакого кабана. А ты?

Я удивленно посмотрел на волка. Он отказался идти на охоту, да, с шуточками, но все-таки отказался, а я ожидал, что он будет счастлив. Лично я не люблю охотиться на кабанов, слишком много требуется сил, чтобы справиться со столь могучим противником. Я хотел порадовать волка. В последнее время я заметил, что он стал каким-то скучным и ко всему равнодушным, – наверное, ему не хватало Неда. Из мальчика получился отличный товарищ, с которым Ночной Волк с радостью ходил на охоту. Боюсь, по сравнению с Недом я для него староват. Я знал, что он почувствовал мое удивление, но ушел в свои мысли, оставив на поверхности лишь легкий, окутанный дымкой след.

– Ты плохо себя чувствуешь? – с беспокойством спросил я.

Волк резко повернулся к двери.

Кто-то идет.

– Нед? – Я быстро спрыгнул со стола и бросился к двери.

На лошади.

Я оставил дверь слегка приоткрытой, волк подошел и выглянул, наострив уши. Я встал у него за спиной. Через несколько минут я услышал ровный топот копыт.

Старлинг?

Нет, не Воющая Сука.

Он не скрывал своего облегчения, что это не Старлинг. Мне стало немного обидно. Я только недавно понял, как сильно Ночной Волк ее не любил. Я ничего не сказал вслух и даже не послал ему никакой мысли, но он все равно понял, бросил на меня извиняющийся взгляд и быстро ускользнул из дома.

А я вышел на крыльцо и стал ждать, прислушиваясь к топоту копыт. Хорошая лошадь. Даже сейчас, в конце дня, она была полна сил и энергии. Когда появились всадник и лошадь, я затаил дыхание, увидев столь благородное животное. Чистокровный белый скакун с белоснежной шелковистой гривой и хвостом, словно только что расчесанными конюшенным мальчиком. Черные ленточки, вплетенные в гриву, великолепно сочетались с черно-серебряной упряжью. Лошадка была не слишком крупной, но в том, как она прыдала ушами, почуяв волка, который бежал вдоль лесной тропинки, я сразу почувствовал характер. Она его не боялась и начала выше поднимать копыта, словно предупреждала, что у нее хватит сил либо с ним сразиться, либо убежать.

Всадник был достоин своей лошади. Он прямо сидел в седле, и я почувствовал, что этот человек и его скакун прекрасно друг друга понимают. Его черный костюм, отделанный серебром, дополняли черные сапоги. Мрачное сочетание, если бы вышивка серебром не укра-

шала летний плащ и кружевные белые манжеты. Серебряная лента стягивала волосы, чтобы не падали на глаза, черные перчатки облегали руки, точно вторая кожа. Моим глазам предстал стройный молодой человек, глядя на которого сразу становилось ясно, что природа наградила его легкостью движений и силой. Позолоченные солнцем кожа и волосы, тонкие черты лица – смуглый незнакомец приближался ко мне совершенно безмолвно, только ровно стучали по земле копыта лошади. Оказавшись совсем близко от меня, всадник едва уловимым движением руки остановил скакуна, но остался в седле, глядя на меня своими янтарными глазами. Затем он улыбнулся.

И у меня защемило сердце.

Я облизнул губы, но не смог выдавить из себя ни единого слова. Сердце говорило мне одно, а глаза – совсем другое. Медленно улыбка сползла с лица моего гостя, и на ее месте появилась неподвижная маска. Когда он заговорил, слова прозвучали тихо, ровно, без намека на чувства.

– Ты даже не хочешь со мной поздороваться, Фитц?

Я открыл рот, затем беспомощно развел руки в стороны. Мой жест сказал ему все то, что я не мог выразить словами, и его лицо снова озарила улыбка. Он сиял, словно в его душе горел яркий огонь. Мой гость потянулся ко мне, но тут из леса появился Ночной Волк, и лошадь, испугавшись, метнулась в сторону. Шут покинул седло быстрее, чем собирался, однако ему все равно удалось спрыгнуть на землю и устоять на ногах. Лошадь отошла, но мы не обратили на нее внимания. Я быстро сбежал с крыльца, поймал Шута и прижал к себе, а волк скакал вокруг нас, точно легкомысленный щенок.

– Шут, – задыхаясь, проговорил я. – Неужели это ты? Не может быть, нет... Ладно, мне все равно.

Он обнял меня и прижал к себе так сильно, что серьга Баррича впилась мне в шею. Мы довольно долго так стояли, Шут не отпускал меня, словно влюбленная женщина; волку наконец это надоело, и он влез между нами. Тогда Шут опустился на одно колено, прямо в пыль, – похоже, ему было плевать на свой роскошный костюм – и обхватил волка за шею.

– Ночной Волк! – радостно прошептал он. – Я не думал, что увижу тебя. Как же я рад, старина! – И, вытирая слезы, он спрятал лицо в густой шерсти зверя.

Это вовсе не уронило его в моих глазах, потому что по моим щекам тоже катились слезы, на которые я не обращал внимания.

В следующее мгновение Шут вскочил на ноги таким знакомым движением, которое я видел множество раз в своей прошлой жизни. Потом он положил мне руку на затылок, как делал раньше, и прижался ко мне лбом. От него пахло медом и абрикосовым бренди. Неужели перед нашей встречей он решил немного поддержать свой дух спиртным? Через несколько минут Шут отодвинулся от меня, но руки не убрал. Он смотрел на меня, заметил белую прядь в волосах, пробежал глазами по знакомым шрамам на лице. Я тоже не мог отвести от него взгляда: меня поразило не то, как сильно он изменился, превратившись из белокожего заморыща в смуглого красавца, а как раз наоборот – то, что он *совсем* не изменился. Он выглядел так же молодо, как пятнадцать лет назад, когда я видел его в последний раз, – и ни единой морщины на лице.

– Ну, – откашлявшись, проговорил Шут, – ты не собираешься пригласить меня в дом?

– Собираюсь, конечно. Только сначала займемся твоей лошадью, – осипшим голосом ответил я.

Его широкая ухмылка словно стерла разделявшие нас годы.

– А ты ничуть не изменился, Фитц. Ты всегда первым делом заботился о лошадях.

– Не изменился? – Я покачал головой, глядя на него. – Это ты не постарел ни на один день. А что касается остального... – Я снова покачал головой и направился к его лошади. Она

сделала шаг назад, как будто не хотела подпускать меня к себе. – Ты стал золотым, Шут. И одет так же роскошно, как когда-то одевался Регал. Я тебя даже не сразу узнал.

Он с облегчением вздохнул и рассмеялся:

– Значит, я зря испугался, решив, что ты не хочешь меня видеть?

Такой вопрос даже не заслуживал, чтобы на него отвечали, и я пропустил его мимо ушей, снова шагнув к лошади. Она отвернулась, чтобы я не мог дотянуться до поводьев, стараясь не выпускать из вида волка. Я заметил, что Шут с интересом за нами наблюдает.

– Ночной Волк, ты мне мешаешь – и прекрасно это знаешь, – сердито проворчал я.

Волк опустил голову и наградил меня лукавым взглядом, но перестал дразнить лошадь.

Если бы ты мне не мешал, я бы и сам мог загнать ее в сарай.

Шут склонил голову набок и вопросительно на нас посмотрел. Я почувствовал, как от него исходит понимание, ускользающее и едва заметное, тонкое, словно остро отточенный клинок, и тут же забыл про лошадь. Инстинктивно я прикоснулся к метке, которую он оставил много лет назад, – серебристые отпечатки пальцев у меня на запястье, которые давным-давно потускнели и стали серебристо-серыми. Шут снова улыбнулся, поднял руку в перчатке и указал на меня пальцем, как будто хотел освежить метку.

– Все прошедшие годы, – сказал он, и его голос показался мне таким же золотистым, как и его кожа, – ты был со мной, словно я касался тебя кончиками пальцев. Даже когда нас разделяли годы и моря. Я всегда тебя слышал и чувствовал, точно легкий аромат, принесенный ветром. Разве ты не знал?

Я сделал глубокий вдох, понимая, что мой ответ может причинить ему боль.

– Нет, – тихо сказал я. – Мне очень жаль. Я слишком часто чувствовал себя одиноким, если не считать, конечно, Ночного Волка. Сколько раз я сидел на скалах, пытаюсь прикоснуться к кому-нибудь, но никто никогда мне не отвечал.

Шут тряхнул головой, услышав мои слова.

– Если бы я по-настоящему владел Силой, ты бы знал о моем присутствии. Знал бы, что я с тобой, – но я не мог произнести ни слова.

Я и сам не понимал почему, но от его слов мне стало легче. И тут он издал необычный звук – нечто среднее между птичьей трелью и кудахтаньем, и его лошадь сейчас же к нему подошла и уткнулась носом в ладонь. Шут передал мне поводья, прекрасно понимая, что мне ужасно хочется вскочить в седло.

– Возьми ее. Поезжай до конца тропы и возвращайся назад. Могу побиться об заклад, тебе еще ни разу в жизни не приходилось сидеть верхом на такой лошади.

Как только поводья оказались у меня в руках, кобыла подошла ко мне, прижалась носом к груди и начала принюхиваться, словно запоминала мой запах. Затем она подняла голову и ткнула мне в подбородок, как будто пыталась заставить принять заманчивое предложение Шута.

– А вам известно, сколько времени я вообще не сидел в седле? – спросил я их обоих.

– Очень долго. Ну же, давай не тяни, – уговаривал меня Шут.

Он, словно мальчишка, хотел поделиться со мной радостью обладания столь замечательным существом, и мое сердце отозвалось на его щедрость. Я понял, что не важно, сколько лет и какие расстояния пролегли между нами, наши отношения не изменились.

Я не стал дожидаться нового приглашения, вставил ногу в стремя и вскочил в седло и тут же увидел, несмотря на прошедшие годы, разницу между этой кобылой и моей старушкой Угольком. Лошадь Шута была меньше, миниатюрнее, тоньше – и я чувствовал себя неуклюжей деревенщиной, когда тронул пятками бока, направляя ее вперед, а затем легким движением поводьев показал, что она должна повернуться. Потом я чуть переместил свой вес и натянул поводья, и кобыла тут же послушно отступила назад. На моем лице расцвела идиотская улыбка.

– Она была бы гордостью Оленьего замка, когда конюшни Баррича славились по всем Шести Герцогствам, – сказал я.

Я положил руку на холку кобылы и почувствовал пляшущее пламя ее живого ума. Она меня не боялась, лишь испытывала любопытство. Волк сидел на пороге и с серьезным видом за мной наблюдал.

– Поезжай по тропе, – сказал Шут, тоже улыбаясь. – И не особенно ее придерживай, пусть покажет, на что способна.

– Как ее зовут?

– Малта. Я купил ее в Шоксе по дороге сюда и сам придумал имя.

Я кивнул. В Шоксе выращивали небольших легких лошадей для путешествий по широким равнинам. Такую лошадь совсем просто содержать, она мало ест и отличается выносливостью. Я чуть наклонился вперед и проговорил:

– Малта.

Лошадь услышала обещание в моем голосе и помчалась вперед.

Если она и устала после целого дня пути, я этого не почувствовал. Наоборот, казалось, что она радуется возможности размяться после бесконечной дороги. Мы промчались под нависшими над дорогой ветвями деревьев, копыта выбивали ровный музыкальный ритм на утопанной земле, отзываясь мелодичной песней в моем сердце.

Там, где тропа выходила на большую дорогу, я натянул поводья – лошадь дышала ровно, словно ни капельки не устала от безумной скачки. Она лишь выгнула шею, как будто хотела показать мне, что готова мчаться дальше. Мы остановились, и я оглядел дорогу. Меня поразило, как сильно изменился мой взгляд на окружающий мир, когда я посмотрел на него под другим углом зрения. Я сидел на великолепном скакуне, а дорога, точно тонкая лента, убегала вдаль. День клонился к вечеру, но даже в мягком свете сумерек передо мной в окутанных голубыми тенями холмах и высоких горах, прочертивших горизонт, раскрывались тысячи возможностей. Я вдруг увидел мир. Я не шевелился, оглядывая дорогу, которая могла привести меня в Баккип, как, впрочем, в любое другое место, – стоило мне только пожелать. Моя тихая жизнь с Недом вдруг показалась мне тягостной, стала давить на плечи, словно старая, изношенная кожа. Мне мучительно захотелось сбросить ее, как это делают змеи, и, будто родившись заново, выйти в открытый мир.

Малта тряхнула головой, и в воздух взметнулась белая шелковистая грива, украшенная ленточками, – я понял, что уже долго сижу не шевелясь, глядя в пространство перед собой. Солнце целовалось с горизонтом. Лошадь, не обращая внимания на зажатые в моей руке поводья, сделала несколько шагов. Она показывала мне норы – ей хотелось помчаться по дороге навстречу неизвестности или вернуться домой. Ей наскучило стоять на месте. И потому я выбрал компромиссное решение – повернул ее к дому, но отпустил поводья. Малта выбрала ровный, ритмичный галоп, и вскоре мы оказались возле моего домика, из двери которого выглядывал Шут.

– Я поставил чайник, – доложил он. – Принеси мою седельную сумку, ладно? В ней кофе из Удачного.

Я устроил Малту в сарае рядом с пони и дал свежей воды и сена. Впрочем, его оказалось не слишком много. Пони любил поесть и с удовольствием пасся на поросшем жидким кустарником склоне холма за домом. Роскошная лошадь Шута странно смотрелась на фоне простых серых стен моего сарая. Когда я подошел к дому, уже почти совсем стемнело, внутри уютно горел очаг и слышался грохот кастрюль. Я вошел и положил седельную сумку на стол, обратив внимание, что волк лежит у огня, чтобы просушить влажную шерсть, а Шут осторожно его обходит, занимаясь чайником. На мгновение мне показалось, будто я снова оказался в маленькой хижине Шута в горах, лечушь от старых ран, а он защищает меня от остального мира. Сей-

час, как и тогда, он создавал вокруг себя ощущение реальности, дарил мне успокоение, став маленьким островком тепла, окруженным сиянием огня в камине и запахом пекущегося хлеба.

Шут повернулся ко мне, и в его золотистых глазах отразилось пламя, теплый свет озарил лицо, запутался в волосах. Я только покачал головой:

– За несколько минут, пока садилось солнце, ты показал мне весь мир, каким его видит человек, сидящий на лошади, и его душу внутри моего собственного дома.

– О друг мой, – только и сказал он, но большего и не требовалось.

Мы едины.

Шут задумчиво склонил голову набок. У него был вид человека, который пытается вспомнить что-то очень важное. Мы с волком переглянулись, и я понял, что зверь прав. Шут вернул нам целостность – будто склеил осколки разбитого горшка так искусно, что и трещин не видно. Если визит Чейда пробудил во мне вопросы и тоску, то присутствие Шута стало утешением, дарило удовлетворение и несло в себе ответы.

Он, не смущаясь, сходил в мой огород, а потом в кладовую, и теперь в котелке варилась картошка с морковкой и бело-розовой репой. Свежая рыба, присыпанная базиликом, тушилась в сковороде под крышкой, которая весело постукивала, словно отплясывая праздничный танец. Когда я удивленно кивнул в сторону сковороды, Шут просто сказал:

– Волк вспомнил, что я люблю рыбу.

Ночной Волк прижал уши и показал мне язык. Горячие булочки и черничное варенье ждали нас на десерт. Шут достал бренди – то, что из Песчаных пределов, – и поставил бутылку на стол.

Затем он вытащил из своей седельной сумки мешочек с коричневыми кофейными зернами, которые маслянисто поблескивали в свете огня.

– А ну-ка, понюхай, – велел он и тут же заставил меня молоть зерна, а сам налил воды в последнюю пустую кастрюльку и повесил ее над огнем.

Мы почти не разговаривали. Шут тихонько что-то напевал, трещали дрова в камине, по-прежнему радостно стучала крышка на сковороде, время от времени с шипением в огонь проливался соус. Я прислушивался к уютным домашним звукам и молча молот кофе. Мы словно повисли в пространстве и времени, радуясь настоящему, забыв о прошлом и не задумываясь о будущем. Этот вечер навсегда остался для меня одним из самых дорогих воспоминаний, словно золотистое бренди в хрустальных бокалах.

С поразительным мастерством, мне недоступным, Шут умудрился готовить одновременно несколько блюд – ароматный кофе варился рядом с рыбой и овощами, а булочки лежали под чистым полотенцем – чтобы не остыли. Мы вместе уселись за стол, и Шут выделил кусок тушеной рыбы волку, тот ее съел, хотя предпочел бы, чтобы она была сырой и холодной. Мы не стали закрывать дверь в дом, и к нам заглядывали звезды, высыпавшие на ночное небо.

Грязную посуду мы убрали, но решили заняться ею позже, а сами вышли на крыльцо с чашками кофе в руках. Я впервые попробовал этот чужеземный напиток. Мне показалось, что на запах он лучше, чем на вкус, но я сразу почувствовал, как у меня прояснилось в голове. Как-то так получилось, что, продолжая держать в руках кружки с еще теплым кофе, мы вместе спустились к ручью. Волк долго пил холодную воду, а потом мы отправились назад и остановились в саду. Шут перебирал бусины на амулете Джинны, а я рассказал ему, как она его мне подарила. Затем он легонько тронул пальцем колокольчик, и нежное позвякивание нарушило ночную тишину. Мы сходили к его лошади, и я закрыл дверь в сарай с курами, чтобы ночью к ним никто не забрался. После этого мы медленно вернулись к дому, и я уселся на крыльцо. Не говоря ни слова, Шут отнес мою пустую кружку в дом.

Когда он вернулся, в кружке плескалось бренди. Шут опустил на крыльцо рядом со мной, волк устроился с другой стороны. Я сделал глоток бренди и погладил зверя по голове.

– Я не навещал тебя столько, сколько мог вынести, – вздохнув, сказал Шут, и его слова прозвучали как извинение.

– Когда бы ты ко мне ни приехал, я был бы рад тебя видеть, – удивленно ответил я. – Как же часто я задавал себе вопрос, что с тобой стало.

Шут серьезно кивнул:

– Я не приезжал, надеясь, что ты наконец обретишь мир и радость.

– И я их обрел, – заверил я его. – Я доволен своей жизнью.

– А теперь я вернулся, чтобы все это у тебя отнять, – сказал он, не глядя на меня.

Он смотрел в ночь, в тени, окутавшие деревья. Потом принялся болтать ногами, точно мальчишка, и сделал глоток бренди.

Сердце сжалось у меня в груди, я думал, что он приехал, чтобы просто повидаться.

– Значит, тебя послал Чейд? – осторожно спросил я. – Просить меня вернуться в Олений замок? Я уже дал ему ответ.

– Правда? – Шут помолчал немного и принялся задумчиво болтать бренди в стакане. – Мне следовало догадаться, что он уже здесь побывал. Нет, друг мой, я не видел Чейда много лет. Но то, что он к тебе явился, подтверждает мои худшие опасения. Пришло время, когда Белый Пророк снова должен прибегнуть к помощи Изменяющего. Поверь мне, если бы был другой путь, если бы я мог оставить тебе мир и покой, я бы так и сделал. Честное слово.

– Чего ты от меня хочешь? – едва слышно прошептал я.

Но его ответ был таким же неясным и уклончивым, как если бы он по-прежнему оставался шутом короля Шрюда, а я бастардом, внуком короля.

– Мне нужно от тебя то, что было нужно всегда, с тех самых пор, как я узнал о твоём существовании. Если я хочу изменить течение времени и вывести мир на верный путь, заставив его свернуть с того, по которому он сейчас идет, мне потребуется твоя помощь. Твоя жизнь – это что-то вроде палки, которая нужна мне, чтобы выгнать будущее из норы.

Он посмотрел на мое недовольное лицо и рассмеялся.

– Я пытаюсь, Фитц, правда пытаюсь. Я стараюсь говорить как можно понятнее, но ты все равно не поверишь тому, что услышишь. Я прибыл в Шесть Герцогств к королю Шрюду много лет назад, чтобы предотвратить катастрофу. Я не знал, что нужно делать, только понимал, что должен. И что я обнаружил? Тебя. Бастарда, да, но наследника династии Видящих. В разных вариантах будущего, которые я видел, тебя не было, однако, когда я вспомнил предсказания моего народа, ты фигурировал в них, во всех до единого. В намеках и дополнительных упоминаниях – я всюду встречал тебя.

И потому я постарался сделать все, что было в моих силах, чтобы защитить тебя, спасти от смерти, – впрочем, главным образом мои попытки сводились к тому, чтобы привлечь твое внимание к опасности, которая тебе угрожала. Я, подобно улитке, пробирался сквозь туман по узкому сияющему следу предвидения. И действовал, исходя из знания о том, что должен предотвратить катастрофу, а вовсе не пытаюсь что-нибудь создать. Мы обманули будущее – все его возможные варианты. Я посылал тебя навстречу опасности и вырывал из лап смерти, не думая о причиненной тебе боли, и твоих шрамах, и твоих несбывшихся мечтах. Однако ты справился, а когда страшные события в Бакке остались в прошлом, династия Видящих получила наследника. Благодаря тебе. И неожиданно у меня возникло чувство, будто я забрался на горный пик, возвышающийся над долиной, окутанной туманом. Нет, я не мог разглядеть того, что он скрывал, но словно парил над ним и видел вдалеке горные кряжи нового, возможного будущего. Будущего, зависящего от тебя.

Шут посмотрел на меня своими золотистыми глазами, которые, казалось, сияли в тусклом свете, падающем из открытой двери. Он просто на меня смотрел, и я почувствовал себя старым, а шрам от стрелы, попавшей мне в спину, вдруг так отчаянно занял, что я на мгно-

вание перестал дышать. А потом меня охватило темно-алое предчувствие, сродни страшной, мучительной боли. Я сказал себе, что просто слишком долго сидел в одном положении.

– Ну? – спросил Шут и посмотрел мне в лицо.

В его глазах я увидел выражение, похожее на голод.

– Я бы выпил еще бренди, – признался я, потому что каким-то непостижимым образом моя кружка опустела.

Он осушил свою и взял у меня из рук пустую кружку. Когда он поднялся, мы с волком последовали за ним в дом. Шут покопался в своей сумке и вытащил пустую на четверть бутылку. Я снова отбросил мысль, которая уже во второй раз пришла в голову: похоже, Шут волновался перед нашей встречей и пытался укрепить свою решимость при помощи спиртного. Он вынул пробку и наполнил наши кружки. А мне стало интересно, чего именно он боялся – самой встречи или того, что ему придется мне сказать. Наши с Недом стулья стояли у камина, но я и Шут опустились на пол у затухающего огня. Тяжело вздохнув, волк растянулся между нами и положил голову мне на колени. Я погладил его и неожиданно ощутил боль зверя. Тогда я провел рукой по его спине и принялся мягко массировать суставы. Ночной Волк тихонько зарычал, мои прикосновения заставили боль отступить – впрочем, не слишком.

Очень плохо?

Не твое дело.

Очень даже мое.

Если боль разделить, она не становится меньше.

А я в этом не уверен.

– Он стареет, – вмешался Шут в наш разговор.

– Я тоже, – напомнил ему я. – А ты выглядишь таким же молодым, каким был пятнадцать лет назад.

– На самом деле я значительно старше вас обоих, взятых вместе. И сегодня мои годы тяжелым грузом давят на плечи. – Словно в доказательство своих слов, Шут легко подтянул колени к груди и положил на них подбородок, обхватив ноги руками.

Если бы ты выпил эльфийской коры, тебе стало бы легче.

Огради меня от своих глупостей и продолжай растирать мои суставы.

По губам Шута скользнула мимолетная улыбка.

– Я почти вас слышу. Словно комар жужжит мне в ухо или забытая мысль пытается вдруг всплыть в памяти. А еще – будто я пытаюсь вспомнить приятный вкус, легкий, едва различимый аромат на ветру. – Он посмотрел мне в глаза и добавил: – И тогда мне становится ужасно одиноко.

– Извини, – сказал я, потому что не смог придумать ничего лучше.

Мы разговаривали с Ночным Волком вовсе не затем, чтобы исключить его из нашей компании. Просто мы стали единым целым и не могли этим ни с кем делиться.

А когда-то могли, напомнил мне Ночной Волк. Когда-то могли. И это было здорово.

Мне кажется, я не смотрел на руку Шута. Возможно, он гораздо ближе к нам, чем сам думает, потому что он тут же стащил с нее тончайшую перчатку.

Я увидел изящную руку с тонкими пальцами. Однажды он случайно прикоснулся ими к рукам Верити, наполненным Силой. Это прикосновение посеребрило его пальцы и подарило осязательную Силу – Шут мог узнать историю любой вещи, просто потрогав ее рукой.

Тогда я посмотрел на собственное запястье – там, где к нему прикоснулись его пальцы, до сих пор остались едва различимые серые отпечатки. Некоторое время наши сознания были соединены так, будто он, Ночной Волк и я стали настоящими магами Силы. Но серебро на пальцах Шута погасло, так же как и отпечатки на моем запястье, а с ними и ослабла наша связь.

Шут поднял один тонкий палец, словно хотел меня о чем-то предупредить. Затем повернул ко мне ладонь, как будто предлагал невидимый дар. Я закрыл глаза, чтобы справиться с искушением, и покачал головой.

– Это не слишком разумно, – с трудом выдавил из себя я.

– А Шут должен быть существом разумным, верно?

– Ты всегда оставался самым разумным человеком из всех, кого я встречал. – Я открыл глаза и встретил его серьезный взгляд. – Знаешь, Шут, я хочу этого так сильно, что тебе и не снилось. Убери. Пожалуйста.

– Если ты уверен... нет, жестокий вопрос. Смотри, она спряталась. – Он надел перчатку и сцепил руки.

– Спасибо.

Я сделал огромный глоток из своей кружки, ощутил вкус летнего сада и услышал жужжание пчел, резвящихся вокруг созревших и упавших на землю фруктов. Мед и аромат абрикосов. Потрясающий, ни с чем не сравнимый букет.

– Никогда не пробовал ничего подобного, – сказал я, радуясь тому, что можно переменить тему разговора.

– Да. Боюсь, я себя слишком балую. Впрочем, теперь я могу себе это позволить. В Удачном имеется прекрасный запас, а хозяин ждет от меня письма с распоряжением, куда его отправить.

Я искоса на него посмотрел, пытаюсь понять, шутит он или нет, и увидел, что он совершенно серьезен. Прекрасная одежда, великолепная породистая лошадь, экзотический кофе из Удачного, а теперь еще и это...

– Ты богат? – предположил я.

– Это слишком мягко сказано. – На золотистых щеках появился смущенный румянец, словно Шут стыдился признать, что я прав.

– Рассказывай! – с улыбкой потребовал я, искренне радуясь тому, что ему повезло в жизни.

– Слишком длинная история, – покачав головой, ответил Шут. – Давай я попытаюсь рассказать ее вкратце. Мои друзья настояли на том, что я должен разделить внезапно свалившееся на них сказочное состояние. Сомневаюсь, что они понимали, сколько стоит то, что они заставили меня взять. В одном торговом городке, далеко на юге, у меня есть приятельница. Она продает эти редкие вещи по максимальным ценам, которые можно за них выручить, а в Удачный посылает бумаги и счета. – Шут печально покачал головой, словно его возмущала удача, выпавшая на его долю. – Мне кажется, сколько бы я ни тратил, становится только больше.

– Как же я за тебя рад, – сказал я искренне.

– Я знал, что ты будешь рад, – улыбнулся Шут. – Но, понимаешь, ничего не изменилось. Моя судьба остается прежней, и не важно, на чем я сплю – на простынях с вышивкой золотом или на соломенном тюфяке. И твоя тоже.

Итак, мы вернулись к тому, с чего начали. Я собрал все свои силы и твердость.

– Нет, Шут, – решительно сказал я. – Я больше не желаю иметь никакого отношения к политическим интригам Оленьего замка. У меня теперь своя собственная жизнь, и она здесь.

Он склонил голову набок, и на его лице заиграла улыбка, напомнившая мне прежнего шута-насмешника.

– Ну, Фитц, твоя беда в том, что у тебя всегда была собственная жизнь. И своя судьба. А насчет того, что она здесь... – Он быстро оглядел мою комнату. – *Здесь* – это место, где ты стоишь в настоящий момент. Или сидишь. – Шут тяжело вздохнул. – Я приехал не для того, чтобы увести тебя за собой, Фитц. Время привело меня сюда. И тебя. Так же точно оно заставило Чейда приехать к тебе и вызвало все произошедшие с тобой недавно перемены. Разве я не прав?

Он был прав. Это лето стало огромной петлей, запутавшей всю мою гладкую, спокойную жизнь. Я ничего ему не сказал, да он и не ждал от меня ответа. Он его знал. Шут откинулся назад и вытянул перед собой длинные стройные ноги. Он несколько минут задумчиво покусывал большой палец, потом прислонился головой к стулу и закрыл глаза.

– Ты однажды приснился мне, – неожиданно сказал я то, о чем говорить не собирался. Он открыл один желтый, кошачий глаз.

– Мне кажется, давным-давно у нас уже был похожий разговор.

– Нет. Тут совсем другое. Я только сейчас понял, что это был ты. Впрочем, может быть, знал и тогда.

Ночь выдалась беспокойной, много лет назад, а когда я проснулся, сон не желал уходить. Я понимал, что он имеет какое-то значение, но то, что я видел, казалось мне таким глупым, что я никак не мог понять какое.

– Понимаешь, я не знал, что ты стал золотым. Но сейчас ты откинулся назад и закрыл глаза... Ты – или кто-то другой – лежал на грубом деревянном полу. Над тобой наклонился какой-то человек, и я почувствовал, что он хочет причинить тебе вред. Поэтому я... Я набросился на него, воспользовавшись Даром так, как не делал этого много лет. Резко, с животной силой оттолкнул его, а потом подчинил себе, воспользовавшись магией, которой он не понимал, но которую ненавидел. Ненависть в нем была равна страху.

Шут молчал, дожидаясь продолжения.

– Я оттолкнул его от тебя. Он был в ярости, ненавидел тебя, хотел причинить боль. Но я надавил на его сознание и приказал привести людей, которые тебе помогут. Он должен был сказать кому-нибудь, что ты в беде. Он противился тому, что я с ним делал, но не мог не подчиниться.

– Потому что ты использовал еще и Силу, – тихо проговорил Шут.

– Возможно, – неохотно признал я.

Естественно, весь следующий день у меня отчаянно болела голова, а все мое существо тосковало по Силе. Я много думал, и мне стало не по себе. Я пытался убедить себя, что не могу использовать Силу таким образом. В моей памяти всплыли кое-какие сны, но они были другими, и я прогнал их. Нет, убедил я себя, они другие.

– Это случилось на палубе корабля, – тихо сказал Шут. – Вполне вероятно, спас мне жизнь. – Он вздохнул. – Я так и подумал, что произошло нечто подобное. Мне было непонятно, почему он не избавился от меня, когда ему представилась такая возможность. Порой, оказавшись в одиночестве, я смеялся над собой за то, что не желаю расставаться с надеждой. За то, что верю, будто значу для кого-то так много и он, этот кто-то, отправился во сне ко мне на помощь.

– Зря ты сомневался, – пробормотал я.

– Правда?

Я услышал в его вопросе намек на вызов, и он посмотрел на меня таким испытующим взглядом, какого до сих пор ни разу на меня не обращал. Я не понимал, отчего в его глазах появились страдание и надежда. Ему было что-то от меня нужно, но я не знал что. Я попытался найти какие-то слова, но, прежде чем я их придумал, момент прошел, Шут отвернулся, словно освобождая меня от необходимости выполнить его просьбу. Когда он снова на меня посмотрел, выражение его глаз изменилось, и он заговорил о другом:

– Итак, что произошло после моего бегства?

Его вопрос застал меня врасплох.

– Я подумал... но ты сказал, что не видел Чейда много лет. Тогда как ты меня нашел?

Вместо ответа Шут закрыл глаза и соединил перед собой указательные пальцы левой и правой руки. Потом открыл глаза и улыбнулся. Я знал, что он ничего не скажет.

– Даже не знаю, с чего начать.

– А я знаю. Еще бренди.

Шут легко поднялся на ноги, и я протянул ему свою пустую кружку. Положив руку на голову Ночного Волка, я почувствовал, что зверь парит между сном и явью. Если у него и болели суставы, он сумел это от меня скрыть. В последнее время он все лучше и лучше прятал от меня свои мысли. Я никак не мог понять, почему он отгораживает меня от своей боли.

А ты хочешь поделиться со мной своей болью в спине? Оставь меня в покое и перестань пытаться взять на себя мои заботы. Не все беды в мире принадлежат тебе.

Ночной Волк убрал голову с моего колена и, тяжело вздохнув, растянулся в полный рост у камина. А в следующее мгновение я почувствовал, что между нами будто упал занавес, – я больше не слышал своего старого друга.

Я медленно поднялся на ноги, держась за поясницу, которая отчаянно болела. Волк прав. Порой бессмысленно пытаться разделить боль с другим живым существом. Шут снова наполнил наши кружки абрикосовым бренди, и я уселся за стол, поставив свою кружку перед собой. А он принялся расхаживать по комнате, не выпуская кружки из рук, остановился перед незавершенной картой Шести Герцогств, которую рисовал Верити и которая теперь висела у меня на стене, заглянул в угол, где раньше спал Нед, и в конце концов прислонился спиной к двери в мою спальню. Когда у меня в доме появился Нед, я добавил еще одну комнату, которую назвал своим кабинетом. В ней был маленький камин, стояли стол и шкаф для свитков. Шут остановился около двери, а затем смело вошел внутрь. Я за ним наблюдал, и у меня возникло ощущение, будто я смотрю на кота, исследующего незнакомый дом. Он ни к чему не прикасался, но все замечал.

– Как много свитков, – проговорил он.

– Я пытаюсь написать историю Шести Герцогств, – сказал я громко, чтобы он меня услышал. – Много лет назад, когда я был еще мальчишкой, эта мысль пришла в голову Пейшенс и Федврону. Нужно же чем-то заниматься вечерами.

– Понятно. Можно посмотреть?

Я кивнул. Шут уселся возле моего стола и развернул свиток, посвященный игре в камни.

– Ах да, помню.

– Чейд сказал, что хотел бы его почитать, когда я закончу. Время от времени я ему кое-что посылал со Старлинг, но после того, как мы расстались в горах, встретился с ним только месяц назад.

– Понятно. Значит, ты виделся со Старлинг.

Шут сидел ко мне спиной, и я не знал, какое выражение появилось у него на лице. Они со Старлинг не слишком ладили и на время не слишком охотно заключили перемирие, но я всегда оставался для них главным яблоком раздора. Шут никогда не одобрял моей дружбы со Старлинг и не верил, что эту женщину по-настоящему заботит мое благополучие. От этого мне еще труднее было сказать ему, что он оказался прав.

– Да, я встречался со Старлинг. Время от времени, в течение семи или восьми лет. Это она привезла ко мне Неда лет семь назад. Ему недавно исполнилось пятнадцать. Сейчас его нет дома, он отправился на сезонные работы в надежде скопить денег, чтобы стать учеником краснодеревщика. Для мальчишки у него неплохо получается. Стол и шкаф для свитков он сделал сам. Однако я сомневаюсь, что из него выйдет хороший столяр, ему не хватает терпения в отделке деталей. Но ему хочется пойти учиться к одному краснодеревщику в Баккипе. Его зовут Гиндаст, и он настоящий мастер своего дела. Даже я о нем слышал. Если бы я знал, что Нед выберет его, я бы постарался отложить побольше, но...

– Старлинг? – вопрос Шута вернул меня к действительности.

Мне было очень нелегко ответить на его вопрос.

– Она вышла замуж. Не знаю, как давно. Мальчик узнал об этом, когда она взяла его с собой в Баккип на праздник Встречи Весны. Вернувшись домой, он мне все рассказал. – Я

пожал плечами. – Пришлось положить конец нашим отношениям. Старлинг понимала, что Нед не станет скрывать от меня правду, но тем не менее ужасно разозлилась. Она хотела оставить все как есть, ведь ее муж ничего не ведал.

– В этом вся Старлинг. – Голос Шута прозвучал на удивление спокойно, словно он рассуждал о насекомых, напавших на мой сад. Затем он повернулся на стуле, чтобы взглянуть на меня. – Ты в порядке?

– У меня было полно дел, – откашлявшись, ответил я. – И я о ней не думал.

– Потому что у нее нет совести, а ты считаешь, что один во всем виноват. Старлинг обладает поразительной способностью перекладывать свою вину на других. Какие красивые красные чернила. Где ты их взял?

– Сам сделал.

– Правда?

Любопытный, точно мальчишка, Шут вытащил пробку из бутылки, стоящей у меня на столе, и засунул в нее мизинец, а потом принялся разглядывать алое пятно на пальце.

– Я сохранил серьгу Баррича, – неожиданно сказал он, – решил не отдавать ее Молли.

– Понятно. Хорошо, что не отдал. Они не должны знать, что я жив.

– Ага, вот я и получил ответ на один из вопросов. – Шут вытащил из внутреннего кармана белоснежный платок и стер чернила с пальца. – Итак, ты расскажешь все по порядку или мне придется силой вытаскивать из тебя мелкие детали, из которых потом сложится цельная картина?

Я вздохнул, мне ужасно не хотелось ничего вспоминать. Чейда интересовали события, связанные с династией Видящих. Шута занимало еще и многое другое. Я понимал, что он должен знать, как прошли последние пятнадцать лет моей жизни, даже если я сам мечтал о них забыть.

– Я попытаюсь. Но я устал, мы выпили слишком много бренди, да и событий произошло столько, что за один вечер не расскажешь.

Шут откинулся на спинку стула.

– Ты полагаешь, я завтра утром уеду?

– Я так подумал, – осторожно ответил я, наблюдая за его лицом. – Но надеялся, что ты у меня задержишься.

Он поверил мне на слово.

– Очень хорошо. Потому что ты правильно надеялся. Ладно, иди спать, Фитц. Я лягу на кровать мальчика. А завтра мы попытаемся заполнить событиями те пятнадцать лет, что не виделись.

Абрикосовое бренди Шута оказалось забористойей того, что привез мне Чейд, а может быть, я устал больше, чем обычно. Покачиваясь, я отправился в свою комнату, стянул рубашку и повалился на кровать. Я лежал, комната медленно вращалась вокруг меня, а я прислушивался к легким шагам Шута в соседней комнате. Он погасил свечи и закрыл дверь на засов. Возможно, никто другой, кроме меня, не заметил бы, что он не слишком твердо держится на ногах. Потом он уселся в мое кресло и вытянул к огню ноги. Волк заскулил и поменял во сне положение. Я мягко прикоснулся к его сознанию, он спал и был всем доволен.

Я закрыл глаза, и комната бешено завертелась, тогда я чуть-чуть приподнял веки и взглянул на Шута. Он сидел совершенно неподвижно и смотрел в огонь, тени от которого оживляли его черты. Казалось, будто отблески пламени позолотили его лицо и глаза, но я знал, что это не так.

Мне было трудно поверить, что передо мной не тот прежний озорной шут, который служил королю Шрюду и защищал его столько лет. Если не считать цвета кожи, тело Шута несколько не изменилось. Изящные руки с длинными пальцами лежали на подлокотниках, волосы, когда-то белые и легкие, точно пух одуванчика, были сейчас зачесаны назад и убраны

в золотистую косу. Огонь камина словно ласкал аристократический профиль. Его нынешний великолепный костюм по сочетанию цветов отдаленно напоминал прежний черно-белый шутовской наряд, но я мог бы побиться об заклад, что он больше никогда не будет носить колокольчиков и ленточек и не возьмет в руки скипетр, увенчанный крысиной головой. Теперь жизнь Шута принадлежала только ему самому. Я попытался представить его в роли богатого человека, который может жить и путешествовать так, как ему заблагорассудится. Неожиданно в голову пришла новая мысль, которая вывела меня из задумчивости.

– Шут! – крикнул я в темноту.

– Что? – Он не открыл глаз, но то, как он быстро ответил, означало, что он еще не успел заснуть.

– Ты ведь больше не шут. Как тебя теперь называют?

Едва уловимая улыбка коснулась его губ.

– Кто и когда и как меня называет?

В его голосе я уловил знакомые шутовские интонации. Я знал, что, если я попытаюсь разделить его вопрос на составные части, он впутает меня в словесную акробатику, а я так и не получу от него ответа. И потому я не попался на его удочку, просто взял и повторил вопрос.

– Я больше не должен звать тебя Шутом. Как ты хочешь, чтобы я тебя называл?

– Ха, как я хочу, чтобы *ты* меня называл? Понятно. Вот это правильно поставленный вопрос. – Насмешка в его тоне звучала музыкой, легкой и приятной.

Я помолчал и сформулировал свой вопрос как можно проще:

– Как твое настоящее имя?

– Ах. – Он вдруг стал серьезным и медленно вздохнул. – Мое имя. Ты имеешь в виду, как меня назвала мать, когда я родился?

– Да, – ответил я и затаил дыхание.

Шут редко говорил о своем детстве, и я вдруг понял, что прошу у него очень многого. Я подумал о древней магии имени: если я знаю твое истинное имя, я обладаю над тобой властью. Если я назвал тебе свое, я даровал тебе эту власть. Я часто задавал Шуту прямые вопросы и, как и прежде, одновременно боялся и с нетерпением ждал ответа.

– И если я тебе его открою, ты будешь им меня называть? – спросил он таким тоном, что я понял: необходимо как следует взвесить свой ответ.

Я задумался. Его имя принадлежит только ему, и не мое дело выбалтывать его кому ни попадя.

– Только когда мы одни. И только если ты захочешь, – серьезно проговорил я, считая свои слова торжественной клятвой, которую нельзя нарушить.

Шут повернулся ко мне лицом, на котором был написан восторг.

– Я захочу, – заверил он меня.

– Ну? – повторил я свой вопрос, неожиданно мне стало не по себе, показалось, что он снова меня перехитрил.

– Имя, которое дала мне мать, я отдаю тебе, ты можешь меня им называть, когда мы вдвоем. – Он снова вздохнул и снова отвернулся к огню, потом закрыл глаза, но его ухмылка стала еще шире. – Любимый. Она называла меня только так – Любимый.

– Шут! – запротестовал я.

Он весело рассмеялся, явно наслаждаясь происходящим.

– Но она так меня называла, – настаивал он на своем.

– Шут, я серьезно.

Комната начала медленно вращаться вокруг меня, и я понял, что, если скоро не засну, меня вытошнит.

– А ты думаешь, я шучу? – Он издал театральный вздох. – Ну, если не можешь называть меня Любимый, тогда, полагаю, тебе придется продолжать называть меня Шут. Потому что я всегда останусь для тебя Шутом, Фитц.

– Том Баджерлок.

– Что?

– Теперь я Том Баджерлок. Меня все знают под этим именем.

Он помолчал немного, а потом решительно заявил:

– А я – нет. Если ты настаиваешь на том, чтобы мы с тобой сейчас взяли себе новые имена, я буду называть тебя Любимый. И тогда ты будешь звать меня Шут. – Он открыл глаза и откинул голову назад, чтобы взглянуть на меня. Изобразив на лице дурацкую улыбку влюбленного, тяжело вздохнул и сказал:

– Спокойной ночи, Любимый. Мы слишком долго не виделись.

Я капитулировал, зная, что разговаривать с ним, когда он в таком настроении, бесполезно.

– Спокойной ночи, Шут.

Я устроился поудобнее и закрыл глаза. Может быть, он мне и ответил, но я его не слышал, мгновенно провалившись в сон.

VI. Спокойные годы

Я родился бастардом и первые шесть лет жизни провел в Горном Королевстве со своей матерью. Я почти ничего не помню о том времени. Когда мне было шесть лет, дед отвел меня в форт Мунсей, где передал дяде по отцу, Верити из династии Видящих. Известие о моем существовании стало личным и политическим крахом отца, который отказался от своего права на трон Видящих и отошел от придворной жизни. Сначала меня передали заботам Баррича, главного конюшего Оленьего замка. Позже король Шрюд посчитал необходимым потребовать от меня клятвы верности и сделал учеником придворного убийцы. Со смертью Шрюда вследствие предательства его младшего сына Регала я стал служить Верити. Я последовал за ним и оставался верен ему до тех пор, пока не стал свидетелем того, как он излил свою жизнь и сущность в дракона, вырезанного из камня. Так Верити ожил в образе дракона, и так были спасены Шесть Герцогств от набегов красных кораблей, приплывших с Внешних островов. Верити в обличье дракона привел древних драконов Элдерлингов, и они очистили Шесть Герцогств от захватчиков. После всего случившегося я, будучи физически и душевно ранен, покинул двор и общество на пятнадцать лет. Я считал, что никогда туда не вернусь.

За эти годы я попытался написать историю Шести Герцогств и собственной жизни. Еще мне удалось получить и изучить множество письменных документов, посвященных самым разным предметам. Я занимался ими затем, чтобы узнать правду. Я стремился отыскать и соединить вместе фрагменты головоломки, которая объяснила бы, почему моя жизнь сложилась так, как она сложилась. Однако чем больше манускриптов я просматривал, чем больше мыслей поверял бумаге, тем упрямее истина от меня ускользала. Жизнь вдалеке от мира показала мне, что ни один человек не может узнать всей правды. Все, во что я когда-то поверил, то, как понимал свою деятельность, само время освещало по-иному. Ясные и четкие предметы погружались в тень, а детали, которые я считал мелкими и незначительными, оказывались важными и достойными пристального внимания.

Баррич, главный конюший, человек, вырастивший меня, однажды предупредил: «Когда отрезаешь от правды кусочки, чтобы окружающие не считали тебя дураком, в конце концов оказывается, что ты самый настоящий болван». На собственном опыте я убедился в том, что он был совершенно прав. Но даже если человек не старается сознательно утаить какие-то детали и на протяжении многих лет честно и без прикрас рассказывает о каком-нибудь событии, он вдруг может обнаружить, что лгал. Эта ложь возникает не намеренно, а потому, что, когда он писал свою историю, он мог не знать каких-то фактов или не понимал важности незначительных происшествий. Вряд ли кому-нибудь понравится оказаться в таком положении, но человек, утверждающий, что с ним ничего подобного никогда не случилось, нагромождает одну ложь на другую.

Мои попытки написать историю Шести Герцогств основывались на устных свидетельствах и старых манускриптах, к которым я имел доступ. Я прекрасно понимал, что могу излагать факты, став жертвой заблуждений других людей. Но не подозревал, что рассказ о моей собственной жизни может страдать от точно таких же недостатков. Я обнаружил, что правда – это дерево, которое растет из опыта

человека. Дитя видит желудь своей каждодневной жизни, взрослый смотрит на дуб.

Никто не может вернуться в детство. Но в жизни каждого человека возникают периоды, когда на короткое время к нему возвращается ощущение, что мир – это чудесное место, а сам он бессмертен. Когда ты юн, тебе кажется, что любую ошибку можно исправить. Шут вернул мне мой прежний оптимизм и веру в светлое будущее, и в те дни, что он провел с нами, даже волк вел себя как шаловливый щенок.

Шут несколько не нарушил распорядок нашей жизни, и мне не пришлось к нему приспособливаться. Он просто стал жить с нами, взяв на себя часть моей работы. Он всегда вставал раньше меня. Я просыпался и обнаруживал, что двери в мою комнату и кабинет, а часто и входная открыты. Лежа на кровати, я видел, что он сидит скрестив ноги, точно портной, на стуле у моего стола. Он успевал умыться и одеться, до того как я открывал глаза. На второй день он расстался со своим элегантным костюмом и теперь ходил в более практичных жилетках и штанах, а по вечерам надевал халат. Стоило мне проснуться, он сразу это чувствовал и поворачивался ко мне, прежде чем я успевал что-нибудь сказать. Шут всегда читал – свитки и документы, которые я с таким трудом добывал, или мои записи. Он чуть приподнимал одну бровь и аккуратно убирал записи туда, откуда взял. Если бы он захотел, он бы легко мог изучать мои труды так, что я бы об этом не узнал. Но Шут демонстрировал свое уважение, никогда не задавая мне вопросов по поводу того, что прочел. Мои личные мысли, которые я доверял бумаге, так и остались моими личными мыслями, и он не собирался их обсуждать.

Шут вошел в мою жизнь легко и без проблем, заполнив пустоту, о существовании которой я и не подозревал. Пока он со мной жил, я почти не скучал по Неду, только ужасно хотел показать его Шуту. Я знаю, что часто говорил о мальчике. Иногда Шут работал со мной в саду или помогал ремонтировать загон, построенный из камня и дерева. Когда нужно было сделать что-то, с чем легко справится один человек, например выкопать новые ямки для шестов, он сидел рядом и смотрел. В такие моменты мы болтали о простых, обыденных вещах, о работе, весело подтрунивали друг над другом, как два человека, выросших вместе. Если же я пытался заговорить о серьезных проблемах, он с шуточками отмахивался от моих вопросов. Мы по очереди садились на Малту, поскольку Шут хвастался, что она может взять любое препятствие, и, судя по тому, как она легко справлялась с импровизированными барьерами, расставленными тут и там на моем участке, он говорил правду. Маленькая лошадка, казалось, получала от наших упражнений не меньше удовольствия, чем мы.

Вечером, после ужина, мы иногда уходили на скалы, или спускались вниз, или после прилива бродили по берегу. В сумерках охотились вместе с волком на зайцев, а потом возвращались домой и разводили камин – больше для уюта, чем ради тепла. Шут привез с собой несколько бутылок абрикосового бренди. Голос у него оставался таким же приятным, как и прежде. По вечерам он пел, рассказывал разные истории, удивительные и забавные. Какие-то были его собственными приключениями, другие – легендами и сказками, услышанными им во время странствий. Жесты его изящных рук казались более живыми, чем движения кукол, которых он когда-то делал, а выразительная мимика помогала мне увидеть героев его повестований.

Только поздно вечером, когда догорал огонь и лицо Шута погружалось в тень, он начинал говорить о серьезных вещах. В первый день тихим голосом, смягченным бренди, он заметил:

– Ты можешь представить, как мне было трудно позволить Девушке-на-драконе увезти меня и бросить тебя? Я заставил себя поверить, что с тобой все будет в порядке и ты останешься в живых. Моя вера в себя была подорвана, когда я улетел, а ты остался.

– Твоя вера в себя? – спросил я, сделав вид, что оскорблен. – А в меня ты совсем не верил?

Шут разложил на полу у камина постель Неда, и мы улеглись на ней, оставив свои кресла у огня. Волк, спрятав нос в лапах, дремал слева от меня, а Шут справа – опираясь на локти и положив подбородок на сложенные руки, он смотрел в огонь и болтал ногами.

В его глазах отразились веселые искорки догорающего очага.

– В тебя? Ну, скажем, для меня большим утешением было то, что рядом с тобой остался волк.

И он не ошибся, заметил Ночной Волк.

Мне казалось, ты спишь.

Я пытаюсь.

Голос Шута звучал почти мечтательно, когда он продолжил:

– Ты пережил все катастрофы, которые я видел в твоём будущем. И потому я тебя оставил, заставив себя поверить, что впереди тебя ждет покой, может быть даже мир.

– Так и было – до определенной степени.

Я чуть не рассказал ему, как стоял около умирающего Уилла и о том, что, воспользовавшись Силой, через его сознание добрался до Регала и навязал принцу собственную волю. Но потом я медленно выдохнул – Шуту этого знать не нужно, а я не хотел заново переживать те страшные минуты.

– Я обрел мир. Понемногу. По кусочку.

Я глупо ухмыльнулся самому себе – удивительно, как всякие мелочи кажутся забавными, когда немного выпьешь.

Неожиданно я начал рассказывать о том, как провел год в горах, как мы вернулись в долину с горячими ключами, и о том, как я построил маленький домик, чтобы провести зиму. В горных краях времена года сменяют друг друга очень быстро. Вот ты выглядываешь в окно и видишь, что листья на березах пожелтели, а за ночь ольха накинула на себя красное покрывало. Еще пара ночей – и в холодное голубое небо уже тянутся голые ветки. Вечнозеленые растения вспоминают о зиме, начинается снегопад – и весь мир кутается в белое, мягкое одеяло.

Я поведал Шуту о том, как мы с волком охотились, чтобы убить время. Мир и исцеление оказались самой хитроумной дичью, которой постоянно удавалось от меня ускользнуть. Мы жили совсем просто, как хищники, у которых нет никаких обязательств, кроме как по отношению друг к другу. Полное уединение стало самым лучшим лекарством от боли, истязавшей мое тело и душу. Такие раны никогда до конца не заживают, но я научился жить со шрамами, как Баррич, смирившийся со временем со своей искалеченной ногой. Мы охотились на зайцев и оленей. Я принял тот факт, что умер во всех смыслах этого слова.

Зимние ветры обдували наше скромное убежище, и я наконец смирился с тем, что Молли больше мне не принадлежит. Те зимние дни пролетали быстро, казались особенно короткими мгновения зимнего солнца, сияющего на белом снегу, а потом наступали сумерки и затягивали полог ночи своими синими, холодными пальцами. Я научился справляться с болью, утешаясь тем, что мою дочь вырастит Баррич, как когда-то и меня самого.

Я много сил тратил на то, чтобы избавиться от мыслей о Молли. Боль от того, что я обманул ее доверие, стала самым ярким самоцветом в ожерелье мучительных воспоминаний. Я всегда мечтал освободиться от своих обязательств, но, когда лишился связывавших меня пут, испытал пронзительный ужас и тоску. Зимние дни сменялись холодными ночами, а я лежал без сна и думал о тех, кого потерял. Тех, кто знал о том, что я жив, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Шут, королева Кетриккен, менестрель Старлинг и от них Чейд – четыре человека. Еще кое-кто меня видел – Хендс, главный конюший, и некто Таг Риверсон, но мы встречались с ними при таких обстоятельствах, что в их рассказы вряд ли кто-нибудь поверит.

Все остальные, включая тех, кто меня любил, считали, что я умер. И я не мог вернуться, чтобы они узнали, что это не так. Меня казнили за использование Дара. Я не мог рисковать и отдать себя в руки тех, кто ненавидит обладателей древней магии, чтобы они прикончили

меня раз и навсегда. Но даже если с моего имени будет снято пятно, я не имел права возвращаться к Молли и Барричу, чтобы не разрушить наши жизни. Предположим, Молли смирится с моей магией и простит мне множество обманов, но ведь они с Барричем муж и жена. Отняв у Баррича Молли и моего ребенка, я его уничтожу. Смогу ли я построить свое счастье на его боли? А Молли?

– Я пытался утешаться тем, что они в безопасности и счастливы.

– Разве ты не мог при помощи Силы убедиться в том, что это действительно так?

Комнату окутали тени, и Шут смотрел в огонь. Казалось, я рассказываю историю своей жизни самому себе.

– Я убеждал себя в том, что смирился с необходимостью оставить их в покое. Но на самом деле мне становилось худо от одной только мысли, что я могу стать свидетелем их счастья.

Я смотрел в огонь, рассказывая о тех днях, однако почувствовал, что Шут ко мне повернулся. Я не стал оглядываться, не хотел увидеть в его глазах жалость. Времена, когда я в ней нуждался, прошли.

– Я обрел мир, – сказал я ему. – Понемножку, медленно, но он снизошел на меня. Как-то раз утром мы с Ночным Волком возвращались с охоты, на которую отправились на рассвете. Нам повезло, мы поймали горного козла, которого зимний снег заставил спуститься вниз. Мы шли по крутому склону горы, выпотрошенная туша оказалась тяжелой, а пронзительный зимний ветер жалил лицо. Я увидел, как из трубы моего дома поднимается дымок, а за ним висит пар от горячих источников. На вершине последнего холма я остановился, чтобы передохнуть и немного размять затекшие мышцы.

Я помнил тот день так, словно это было вчера. Ночной Волк остановился около меня, а я спрятал подбородок, заросший густой бородой, в воротник плаща, смотрел вниз и думал о том, что теперь у нас есть много мяса, в нашем маленьком убежище тепло, зимнему холоду туда не пробраться и мы почти добрались до дома. Я устал и замерз, но был доволен. Закинув добычу на плечо, я сказал волку:

Мы почти дома.

Почти, ответил он.

В нашей разделенной мысли я почувствовал смысл, которого не передадут никакие слова, сказанные человеком. Дом. Конечный пункт назначения. Место, которому мы принадлежим. Маленький, жалкий домик стал для меня всем. Я стоял и смотрел вниз и вдруг почувствовал, как внутри шевельнулось сомнение, напомнившее, что у меня есть обязательства.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, чего не хватает. Прошла целая ночь, а я ни разу не вспомнил о Молли. Куда подевались моя тоска и ощущение потери? Что же я за человек, если забыл о боли и думал только об охоте? Самая настоящая пустышка – вот кто я такой. Я сознательно заставил себя подумать о людях и местах, которые когда-то считал своим ДОМОМ.

Когда я треплю зубами какую-нибудь дохлятинку, чтобы вспомнить ее вкус, ты меня ругаешь.

Я повернулся к Ночному Волку, но он не смотрел мне в глаза. Он сидел на снегу, наострив уши в сторону нашего дома. Порыв холодного ветра взъерошил его густую шерсть, но до кожи не добрался.

Ты это о чем? – спросил я, хотя прекрасно понял, что он имел в виду.

Хватит нюхать старую тушу твоей прежней жизни, мой брат. Может быть, тебе и нравится все время страдать. Лично мне – нет. Уйти и оставить в покое кости не стыдно, Изменяющий. Он наконец повернул голову и посмотрел на меня своими глубоко посаженными глазами. *И не слишком разумно постоянно себя мучить, день за днем. Ты ничего не должен этой боли. Поверь мне, ты не станешь хуже, если забудешь о ней.*

Затем он встал, отряхнулся от снега и начал решительно спускаться по склону. Я медленно последовал за ним.

Наконец я взглянул на Шута. Он смотрел на меня, но в темноте я не смог понять выражение его глаз.

– Мне кажется, именно тогда я начал обретать мир. Впрочем, моей заслуги тут нет. Мне указал на него Ночной Волк. Может быть, другой человек понял бы все гораздо быстрее. Нужно оставить старую боль, постараться о ней забыть. Когда она зовет тебя – не отзывайся, не пускай ее назад.

– В том, чтобы оставить боль в прошлом, нет ничего постыдного. – Голос Шута мягко звучал в тускло освещенной комнате. – Иногда мир легче обрести, если не пытаться от него бежать. – Он слегка изменил положение в темноте. – И тогда ты перестаешь лежать без сна по ночам, глядя в потолок и думая о ней.

– У меня не слишком хорошо получалось, – тихонько фыркнув, ответил я. – Мне удалось лишь перестать сознательно беречь старые раны. Когда наконец наступило лето и мы двинулись в путь, у меня было ощущение, будто я оставляю позади сброшенную шкуру. – Я замолчал, и в комнате воцарилась тишина.

– Итак, ты покинул горы и вернулся в Бакк.

Шут знал, что я не стал бы возвращаться. Это была всего лишь невинная уловка, чтобы побудить меня продолжать рассказ.

– Не совсем так. Ночной Волк возражал, но я понимал, что не могу покинуть горы, пока снова не пройду по тем дорогам, по которым уже прошел один раз. Я вернулся на каменоломню, туда, где Верити вырезал своего дракона. Постоял немного, глядя на плоскую голую площадку, окруженную высокими стенами, тянущимися к холодному серому небу. Ничто не указывало на события, там происшедшие, – кругом только кучи мусора, мелкие осколки камней и старые инструменты. Я прошел через наш лагерь. Упавшие палатки и разбросанные повсюду вещи когда-то принадлежали нам, но большинство из них превратились в самый обычный хлам – мокрые, грязные тряпки, истлевшие от непогоды и времени. Кое-что я прихватил с собой... мне удалось найти камешки для игры Кеттл, и я их взял. – Я перевел дыхание. – А потом я подошел к тому месту, где умер Кэррод. Его тело лежало так, как мы его оставили, кости и куски сгнившей ткани. Животные его не трогали. Знаешь, они не любят тех, кто владеет Силой.

– Знаю, – тихо сказал Шут, и мне показалось, что он стоит рядом со мной в заброшенной каменоломне.

– Я довольно долго стоял и смотрел на кости, пытался вспомнить, каким Кэррод был, когда мы познакомились, – и не смог. Но, глядя на его останки, я словно получил подтверждение истинности случившегося. Так было, а теперь все закончено. Теперь я действительно мог уйти, оставив за спиной это место и происшедшие здесь события, зная, что они не последуют за мной.

Ночной Волк заснул во сне. Я положил руку ему на бок, радуясь, что он рядом и я в любой момент могу прикоснуться к нему физически или разумом. Он не одобрял моего желания вернуться в каменоломни. Ему не нравилось путешествовать по дороге Силы даже несмотря на то, что моя способность сохранить ощущение самого себя и противостоять соблазнительному зову магии становилась все сильнее. Когда я заявил, что хочу еще раз побывать в Каменном саду, он расстроился.

Я услышал, как Шут снова наполнил наши кружки бренди. Он молчал, предлагая мне продолжать.

– Драконы вернулись туда, где мы их впервые нашли. Я их посетил. Лес постепенно забирал их себе – повсюду высокая трава и вьющиеся растения. Они были так же незабываемо прекрасны, как в тот миг, когда мы увидели их в первый раз. И так же неподвижны.

Они пробили бреши в могучих кронах деревьев, когда восстали ото сна, чтобы сразиться за Бакк. Их возвращение тоже не отличалось деликатностью, и теперь с неба на землю, сквозь густую зелень, проливались солнечные лучи, которые словно позолотили драконов. Я ходил между ними и, как и прежде, почувствовал призрачный зов Дара, который исходил от спящих статуй. Я нашел рогатого дракона короля Вайздома и даже осмелился прикоснуться к его плечу голой рукой, но ощутил лишь холодную чешую. Они все были там: вепрь-дракон, крылатый кот... самые разные существа, вырезанные из камня Элдерлингами и магами, владеющими Силой.

– Я видел Девушку-на-драконе. – Я улыбнулся огню в камине. – Она крепко спит. Только теперь она немного изменила положение – тянется вперед и с любовью обнимает за шею своего дракона.

К ней я не решился прикоснуться, потому что еще не забыл, как она набрасывалась на воспоминания, которыми я с ней делился. Может быть, я боялся получить назад то, что добровольно ей вручил. В общем, я осторожно, стараясь не шуметь, прошел мимо нее, а вот Ночной Волк ощерился, шерсть у него на загривке встала дыбом – он миновал Девушку так, словно вышел на охоту. Волк знал, кого я искал.

– Верити, – едва слышно проговорил Шут, словно подтверждая мою невысказанную мысль.

– Да, Верити, – не стал спорить я. – Моего короля. – Я вздохнул и продолжил рассказ: – Я его нашел. Когда я увидел зеленоватую шкуру Верити, испещренную пятнами солнечного света, Ночной Волк сел и аккуратно уложил хвост вокруг лап. Он не хотел подходить слишком близко. Я почувствовал, как смолкли его мысли, – он оставил меня наедине с самим собой. Я медленно приблизился к Верити-дракону, чувствуя, как оглушительно стучит в груди сердце. В теле, вырубленном из Силы и камня, спал мой король. Ради него я принял такую страшную боль, что шрамы от этих ран – телесных и душевных – останутся со мной до конца жизни. Я шел и чувствовал, что по щекам текут слезы. Как же мне хотелось услышать его такой знакомый голос.

«Верити», – хрипло позвал я. Моя душа тянулась к нему, словами, Даром, Силой – я искал своего короля. Мне не удалось его найти. Тогда я положил ладони на холодные плечи, прижался к нему лбом и снова, не способный думать ни о чем другом, потянулся к нему. Я его почувствовал, но на самом деле это уже был не он, лишь едва знакомое присутствие. Точно так же можно поймать солнечный свет, подставив ему руки. «Верити, прошу вас», – умолял я и снова попытался с ним связаться, воспользовавшись всей Силой, что имелась в моем распоряжении.

Придя в себя, я обнаружил, что лежу на земле рядом с драконом. Ночной Волк не сдвинулся с места, продолжая нести вахту. «Он ушел, – сказал я ему то, что он знал и без меня. – Верити ушел».

А потом я спрятал голову в коленях и зарыдал, оплакивая своего короля безутешнее, чем в тот день, когда он стал драконом.

Я замолчал и откашлялся. Выпил немного бренди, потом поставил кружку и увидел, что Шут смотрит на меня. Он подвинулся ко мне поближе, чтобы лучше слышать мой рассказ, и огонь камина позолотил его кожу, но не открыл мне его мысли.

– Думаю, именно в тот миг я понял, что моя прошлая жизнь сгорела дотла. Если бы Верити сохранил какую-нибудь форму, до которой я мог бы дотянуться, если бы он продолжал существовать и оставался звеном, связующим меня с Силой, тогда часть меня захотела бы остаться Фитцем Чивэлом Видящим. Но его не было. Конец моего короля означал и мой конец. Когда я встал и вышел из Каменного сада, я понял, что наконец получил то, о чем всегда мечтал: возможность самостоятельно решать, кто я такой и как буду жить дальше. Теперь только я сам мог принимать за себя решения.

Почти, вмешался волк.

Я не обратил на него внимания и сказал Шуту:

– Прежде чем мы покинули горы, я задержался еще в одном месте. Ты наверняка его помнишь. Столб, у которого нас с тобой посетило видение.

Он молча кивнул, и я продолжил свой рассказ.

Когда мы подошли к месту, где на перекрестке стоял высокий камень Силы, я замер, не в силах справиться с искушением. Меня захлестнули воспоминания. Впервые я сюда пришел со Старлинг, Кеттл, Шутом и королевой Кетриккен в поисках короля Верити. Здесь мы остановились, и на меня накатило видение многолюдного рынка, выстроенного на месте роскошного зеленого леса. Шут сидел на верхушке каменного столба, а рядом стояла похожая на него женщина, с белой кожей и почти бесцветными глазами. В этом ином месте и времени ее короновали деревянной диадемой, украшенной резными петушиными головами и хвостовыми перьями. Ее диковинный вид и Шут рядом с ней привлекли внимание толпы. Картинка возникла в моем сознании всего на одно короткое мгновение, словно мне удалось на минутку заглянуть в окно, ведущее в другой мир. Затем все исчезло, и потрясенный Шут свалился со столба. Я знал, что он разделит со мной мое видение иного мира и иного времени.

Именно загадочность этого места заставила меня сюда вернуться. Черный монолит, возвышавшийся над кругом камней, стоял, неподвластный мхам и лишайникам, письма, вырезанные на гладкой поверхности, звали меня в неизведанные земли. Теперь я знал, что передо мной были одни из Врат Силы. Я медленно обошел камень, узнавая руны, которые могли вернуть меня в каменоломни. А другие помогут найти покинутый город Элдерлингов. Не думая о том, что делаю, я провел пальцем по одной из рун.

Несмотря на свои размеры, Ночной Волк может двигаться очень быстро и почти бесшумно. Он схватил мое запястье зубами и встал между мной и обелиском. Я упал вместе с ним, чтобы он не разорвал мне руку. В конце концов оказалось, что я лежу на земле, а он стоит надо мной, не выпуская из зубов моего запястья.

Ты этого не сделаешь.

– Я хотел только потрогать камень и не собирался его использовать.

Этим штукам нельзя доверять. Я побывал во мраке, который царит внутри камня. Если мне придется снова за тобой туда последовать, чтобы защитить твою жизнь, ты знаешь, что меня ничто не остановит. Но не проси меня идти туда ради удовлетворения твоего щенячьего любопытства.

Ты не против, если я ненадолго схожу в город один?

Один? Настоящего «один» для нас с тобой больше не существует.

Я же тебя отпустил, чтобы ты пожил немного в волчьей стае.

Ты прекрасно знаешь, что это не одно и то же.

Я знал. Он выпустил мое запястье, я встал и отряхнул грязь с одежды. Мы больше не говорили о случившемся. Это одно из достоинств Дара. Нет никакой необходимости в долгих и тяжелых объяснениях, чтобы убедиться, что твой собеседник тебя понимает. Однажды, много лет назад, волк оставил меня, чтобы побыть немного со своими сородичами. Когда он вернулся, я без слов понял, что со мной ему лучше, чем с ними. За прошедшие с тех пор годы мы стали еще ближе друг другу. Он однажды совершенно справедливо заметил, что я не совсем человек, а он – не вполне волк. И мы больше не являемся самостоятельными существами. Получалось, что это не он возражал против моего решения, а я спорил с самим собой, пытаюсь разобраться, стоит ли мне так поступать. Однако во время нашей короткой перепалки мы оба осознали вещи, о которых не думали.

– Наша связь с годами становилась все глубже и сложнее. И ни один из нас не знал, как с этим поступать.

Волк поднял голову и посмотрел мне в глаза. Мы обменялись своими сомнениями, но он предоставил мне самому принимать решение.

Рассказать ли Шуту о том, куда мы отправились дальше и что узнали? Принадлежит ли то, чему я научился среди людей Древней Крови, только мне? Тайны, которые я хранил, оберегали многие жизни. Лично я был готов доверчиво вручить Шуту свою. Но имею ли я право делить с ним секреты, принадлежащие не только мне?

Не знаю, как понял Шут мои колебания. Думаю, он догадался, что я не могу принять решение.

– Ты прав, – быстро сказал он, поднес кружку к губам и допил бренди.

Затем он поставил кружку на пол и помахал изящной рукой. Тонкая кисть замерла в воздухе, указательный палец вытянут – жест, который я так хорошо знал. Шут словно говорил мне: «Подожди».

Как будто подчиняясь воле кукольника, дергающего за веревочки, он легко поднялся на ноги и, хотя в комнате царил полумрак, уверенно нашел свою сумку. Я слышал, как он ищет в ней что-то. Прошло всего несколько минут, он вернулся к камину с холщовым мешком в руках и уселся рядом со мной, словно собирался открыть мне тайны, настолько личные, что их даже темноте нельзя доверить. Мешок, лежащий у него на коленях, был старым и грязным. Шут развязал веревку и вынул что-то завернутое в кусок красивой ткани. Я вскрикнул от неожиданности, когда он ее развернул. Мне еще ни разу не приходилось видеть такой шелковистой материи, такого изысканного рисунка и таких ярких красок. Даже в тусклом свете затухающего огня красный и желтый цвета сияли, словно наделенные собственным светом. С такой тканью в руках можно заручиться расположением любого лорда.

Однако Шут хотел показать мне вовсе не чудесную материю. Он принялся разворачивать сверток, не обращая внимания на то, что ткань падает на пол. Я, затаив дыхание, потянулся к нему, стараясь рассмотреть чудо, которое таилось внутри. И вот ткань соскользнула, и я озадаченно уставился на то, что она скрывала, не веря собственным глазам.

– Я думал, она мне привиделась.

– Она тебе привиделась. И мне тоже.

Деревянная корона у него в руках была очень старой. Куда-то исчезли украшавшие ее перья, и потускнели краски. Я смотрел на простую диадему, искусно вырезанную из дерева и потрясающе красивую.

– Ты приказал ее сделать? – спросил я.

– Я ее нашел, – ответил Шут, вздохнув, а потом добавил дрожащим голосом: – Или она меня нашла.

Я ждал, когда он скажет что-нибудь еще, но он молчал. Тогда я протянул руку, чтобы потрогать корону, и Шут чуть отодвинулся от меня, как будто не хотел ее отдавать. Но уже в следующее мгновение он сдался и протянул ее мне. Взяв в руки диадему, я понял, что, поделившись со мною своей тайной, Шут дарит мне огромную часть себя. Я вертел в руках древний артефакт, видел следы краски на резных петушиных головах. В двух из них сохранились драгоценные камни, заменявшие глаза. Отверстия, идущие по краю диадемы, указывали на места, где когда-то были перья. Я не смог понять, из какого дерева она вырезана. Легкое, но очень прочное, казалось, оно что-то нашептывает моим пальцам, делится секретами на языке, которого я не знал.

Я протянул Шуту диадему.

– Надень, – тихо сказал я.

Он взял корону, и я видел, как он с трудом сглотнул.

– Ты уверен? – едва слышно спросил он меня. – Должен признаться, я ее уже надевал. Ничего не произошло. Но мы здесь оба – Белый Пророк и Изменяющий... Фитц, вполне возможно, что мы имеем дело с магией, которой не понимаем. Я столько раз копался в памяти,

пытаясь отыскать хоть какой-то след, но ни в одном из известных мне пророчеств не говорится о короне. Я не имею ни малейшего представления о том, что она означает, да и означает ли вообще что-нибудь. Ты помнишь свое видение обо мне; у меня остались лишь смутные воспоминания, словно передо мной мелькнула легкая бабочка, слишком хрупкая, чтобы пытаться ее поймать, но прекрасная в своем полете.

Я промолчал. Шут держал перед собой корону. Мы оба колебались, любопытство сражалось с осторожностью. А потом медленная беззаботная улыбка расцвела на его лице. Точно так же он улыбался в ту ночь, когда положил свои исполненные Силы руки на тело Девушки-на-драконе, вырезанной из камня. Вспомнив страдания, которые мы, сами того не желая, причинили, я вдруг испугался. Но прежде чем я успел что-либо сказать, Шут поднял корону и надел ее на голову. Я затаил дыхание.

Ничего не произошло.

Я смотрел на него, испытывая одновременно разочарование и облегчение. Несколько секунд между нами висела тишина, а потом Шут захихикал, и мы оба громко расхохотались. Напряжение отпустило, и мы смеялись, пока по щекам у нас не потекли слезы. Когда мы немного успокоились, я посмотрел на Шута, так и не снявшего деревянную корону, так и оставшегося моим другом, каким он всегда для меня был. Он вытер слезы.

– Знаешь, в прошлом месяце в схватке с лаской мой петух потерял почти все свои перья. Нед их собрал. Может, вставим их в корону?

Шут снял диадему и с деланым огорчением повертел ее в руках.

– Давай завтра. Может, мне удастся стащить кое-какие из твоих чернил и восстановить краски. Ты их помнишь?

– Думаю, ты и без меня справишься, Шут, – пожав плечами, сказал я. – У тебя всегда был дар к подобным вещам.

Он с преувеличенной серьезностью склонил голову, признавая мой комплимент. Подобрал ткань с пола, Шут принялся заворачивать корону. Огонь в камине совсем погас, остались лишь мерцающие в темноте угли, которые отбрасывали на нас красноватые отсветы. Я долго смотрел на своего друга, представляя себе, что цвет его кожи не изменился, и передо мной прежний Шут из моего детства, и, значит, я так же молод, как и он. Он оглянулся, увидел, что я не свожу с него глаз, и его лицо ожило диковинным образом, стало таким напряженным, что я не выдержал и отвернулся. Через мгновение он заговорил:

– Итак, после гор ты отправился...

Я взял кружку с бренди и обнаружил, что она пуста. Мне стало интересно, сколько я уже выпил, а потом решил, что для одного вечера достаточно.

– Завтра, Шут. Завтра. Дай мне хорошенько выспаться и решить, как лучше рассказать тебе о том, что произошло дальше.

Неожиданно его изящные пальцы сомкнулись вокруг моего запястья – как и всегда, они были холодными.

– Подумай, Фитц. Но не забывай... – Казалось, он не знает, как лучше сказать то, что собирался. Он заглянул мне в глаза, и в его тихом голосе послышалась мольба. – Расскажи мне все, что сможешь, в подробностях, я ведь никогда не знаю, что мне необходимо услышать, пока не услышу это.

И снова его взволнованный взгляд проник мне в душу, вывел из равновесия.

– Загадки, – фыркнул я, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал легко и непринужденно, но получилось, что я лишь подтвердил слова Шута.

– Загадки, – согласился он. – Загадки, ответами на которые можем стать мы с тобой, если только сумеем узнать вопросы.

Он посмотрел на свои пальцы, сжимающие мое запястье, и разжал их. Потом грациозно, словно кошка, поднялся на ноги и потянулся, как будто пытаюсь поставить на место все свои косточки и суставы, чтобы снова стать целостным.

– Иди в постель, Фитц, – сказал он мне, точно ребенку. – Отдыхай, пока можешь. Я хочу еще немного подумать, а бренди ударило мне в голову.

– Мне тоже, – признался я, и Шут протянул мне руку, за которую я с благодарностью ухватился.

Он легко поставил меня на ноги, я покачнулся, он подался вперед вслед за мной, схватил за локоть и помог сохранить равновесие.

– Потанцуем? – предложил я, заикаясь.

– А мы и так танцуем, – с серьезным видом ответил Шут. Словно прощаясь с партнершей по танцу, он низко склонился над моей рукой, но я ее вырвал. – Надеюсь, я тебе приснюсь, – мелодраматичным тоном заявил он.

– Спокойной ночи, – ответил я, стоически не поддавшись на его подтрунивание.

Я направился к своей кровати, и волк с тихим стоном последовал за мной. Он редко спал дальше чем на расстоянии вытянутой руки от меня. Я сбросил одежду на пол, натянул ночную рубашку и повалился на кровать. Волк уже выбрал себе местечко на холодном полу неподалеку. Я закрыл глаза и, опустив руку, погладил его густую шерсть.

– Приятных тебе снов, Фитц, – проговорил Шут, и я открыл глаза. Он уселся в свое кресло у погасшего камина и, улыбаясь, смотрел на меня. – Я буду охранять твой сон, – с важным видом заявил он.

Я покачал головой и помахал ему рукой, а потом меня поглотил сон.

VII. Сердце волка

Существует ошибочное представление, что Дар – это врожденная способность, которую человек может передать животному. Почти во всех историях о Даре рассказывается о том, как злодей-маг использует свою власть над животными или птицами, чтобы причинить вред своим соседям людям. Во многих из них такого мага ждет справедливое наказание – его слуги из мира зверей выступают против него, и он в конце концов становится таким же, как они, и тогда те, кого он обидел, могут ему отомстить.

На самом деле Даром обладают как люди, так и звери. Не все люди в состоянии создать особую связь с животным, которая и является сутью Дара. Так и не все животные могут откликаться на зов и поддерживать эту связь. А из тех, кто наделен такой способностью, далеко не все хотят иметь дело с людьми. Чтобы связь сформировалась, нужно обоюдное согласие партнеров, которые становятся равными друг другу. В семьях Одаренных когда младший ребенок достигает совершеннолетия, его отправляют на поиски спутника. Дело не в том, что он должен выбрать себе подходящее животное, а потом подчинить его своей воле. Скорее – найти среди домашних или диких животных существо с похожим сознанием, готовое установить с ним связь Дара. Иными словами, зверь должен быть не в меньшей степени, чем человек, наделен особыми способностями. И хотя Одаренный человек в состоянии общаться практически со всеми животными, связь сформируется, только если зверь обладает необходимыми способностями и хочет этого.

Однако в любых взаимоотношениях есть место насилию. Так, муж иногда бьет жену, а та унижает его своим неуважением. Человек может доминировать над своим партнером по Дару. Возможно, чаще всего встречается вариант, в котором человек выбирает животное, когда оно еще слишком мало, чтобы понимать значимость решения, принимаемого на всю жизнь. Гораздо реже возникают ситуации, когда животные сопротивляются или диктуют свою волю людям. Среди представителей Древней Крови известна баллада о Скитальце Грейсоне, который оказался настолько глуп, что связал жизнь с диким гусаком и до конца своих дней жил по законам птиц.

Баджерлок. «Сказания Древней Крови»

Утро третьего дня, проведенного мной с Шутом, наступило слишком рано и показалось мне неприятно ярким и солнечным. Мой друг проснулся раньше меня, и мне не удалось заметить в нем никаких последствий выпитого накануне бренди. Было ясно, что день будет жарким, поэтому Шут развел совсем небольшой огонь, чтобы приготовить на завтрак кашу. Я выпустил кур, отвел пони и лошадь Шута на склон холма, выходящий на море. Пони я отпустил, а Малту привязал – на всякий случай. Она наградила меня укоризненным взглядом, но вскоре принялась щипать траву с таким видом, будто ни о чем другом и не мечтала. Я постоял немного, разглядывая спокойное море, которое в лучах утреннего солнца походило на гладкую металлическую пластину. Налетел легкий бриз и взъерошил мои волосы, и мне показалось, что кто-то произнес слова, а я их повторил: «Пришло время менять».

Время перемен, эхом повторил волк вслед за мной.

Не совсем то, что сказал я, но у меня возникло ощущение, что так будет вернее. Я потянулся, расправил плечи и предоставил ветру унести мою головную боль. Потом я посмотрел

на свои руки – покрытые мозолями, грубые руки крестьянина, в темных несмываемых пятнах от земли, обветренные непогодой. Почесав заросшее щетиной лицо, я вдруг сообразил, что не брился уже несколько дней. Моя одежда, чистая и удобная, кое-где залатанная, могла многое рассказать о том, как я провожу свои дни. Все, что казалось мне удобным и установившимся всего несколько мгновений назад, стало представляться нарядом, специально предназначенным для того, чтобы защищать меня в годы покоя. Мне вдруг отчаянно захотелось вырваться из этой жизни и снова стать не тем Фитцем, которым я был, а каким мог бы быть, если бы не умер для всего света. Неожиданно меня пробрала дрожь, и я вспомнил одно утро из своего детства, когда я стоял и наблюдал за тем, как гусеница превращается в бабочку, чтобы познать мир. Неужели покой и прозрачность моей жизни, окружавшие и защищавшие меня, вдруг начали меня душить, пробуждая мечты о свободе?

Я сделал глубокий вдох, задержал дыхание и выдохнул, надеясь, что тревоги рассеются, и часть их действительно отступила, но не все. Время перемен, как сказал волк.

– Ну и во что же мы превратимся?

Ты? Понятия не имею. Я знаю только, что ты меняешься, и иногда меня это пугает. Что касается меня, все гораздо проще. Я старею.

– Я тоже, – посмотрев на волка, сказал я.

Нет. Ты, в отличие от меня, не стареешь, ты взрослеешь. И мы оба это понимаем.

Я знал, что он прав.

– И что с того? – с вызовом спросил я, пытаясь скрыть смущение.

Мы подходим ко времени, когда придется принимать решение. Мы не должны дожидаться момента, когда обстоятельства нас вынудят делать то, что мы делать не хотим. Я считаю, ты должен рассказать Шуту о том, как мы жили среди людей Древней Крови. Не потому, что он сможет или станет за нас решать, просто мы оба думаем лучше, когда делим с ним наши мысли.

Очень сложное рассуждение для волка, такие доводы мог бы привести человек или часть меня, которая бегаёт по лесу на четырех лапах. Я опустил рядом с волком на одно колено и обнял его за шею обеими руками. Я и сам не знал, чего испугался, но я прижал его к себе, словно мог вобрать в свое существо и оставить там навсегда. Он несколько секунд терпел, потом опустил голову, высвободился из моих рук и отбежал на пару шагов. Ночной Волк встряхнулся, словно хотел привести в порядок примятую мной шерсть, и уставился на море, как будто изучал новую территорию, где собирался охотиться. Я вздохнул.

– Хорошо, я ему расскажу. Сегодня, – пообещал я.

Волк оглянулся на меня через плечо, потом опустил к земле нос и выставил вперед уши. В его глазах загорелись озорные искорки.

Я знаю, что расскажешь, мой брат. Не бойся.

Затем он грациозно сорвался с места, словно снова стал щенком, и, мелькнув серым хвостом, исчез среди кустов, которыми порос склон холма. Мне не удалось его разглядеть, так хитро он от меня спрятался, но мои мысли, как и всегда, последовали за ним. Я сказал себе, что мое сердце всегда сможет его отыскать, всегда найдет место, где мы будем вместе. Я послал ему эту мысль, но он мне не ответил.

Тогда я вернулся к дому, собрал яйца в курятнике и отнес в хижину. Шут испек их в углях, а я заварил чай. Мы решили позавтракать на крыльце, под синим небом. Ветер с моря не добирался до моей крошечной тихой долины, и листья на деревьях замерли в неподвижности. Стояла тишина, только куры, кудахча, возились на пыльном дворе. Я понял, что молчу слишком долго, когда Шут вдруг сказал, показав ложкой на могучие деревья:

– Хорошо здесь. Река, лес, неподалеку море и скалы. Теперь я понимаю, почему ты предпочел это место Оленьему замку.

Он всегда обладал непостижимым для меня умением переворачивать мои мысли с ног на голову.

– Вряд ли у меня была иная возможность, – задумчиво проговорил я. – Мне не пришлось сравнивать, а потом выбирать, где я буду жить. Первую зиму я провел здесь, потому что мы попали в страшную бурю и попытались спрятаться среди деревьев. Тогда-то мы и увидели старый след от телеги. Он привел нас к заброшенному дому – к этой хижине, – и мы вошли внутрь. – Я пожал плечами. – И с тех пор его не покидали.

– Получается, что, имея возможность выбрать любое место в мире, ты совсем ничего не выбирал, – искоса посмотрев на меня, заявил Шут. – Просто в один прекрасный день решил, что с тебя довольно скитаний по дорогам.

– Наверное. – Я с трудом выговорил следующие слова, потому что, как мне казалось, они не имели никакого отношения к нашему разговору: – Кузница находится чуть дальше по дороге.

– Ты остался из-за нее?

– Не думаю. Я там побывал, посмотрел на развалины, вспомнил те страшные события. Там сейчас никто не живет. Обычно из мест вроде этого люди уносят все, что можно унести. В Кузнице не так.

– С Кузницей связано слишком много тяжелых воспоминаний, – заметил Шут. – Здесь все началось, но люди запомнили те события и дали имя этого городка тому, что произошло потом. Интересно, сколько всего человек было «перековано»?

Мне стало не по себе, я смущенно поерзал на своем месте, а потом встал и взял у Шута пустую миску. Даже сейчас я не хотел вспоминать о тех страшных временах. Красные корабли грабили наше побережье несколько лет. Но только когда они начали отнимать у жителей Шести Герцогств человеческий облик, мы поднялись, чтобы противостоять набегам. Первой их жертвой стало селение под названием Кузница, из которого пираты увели часть людей, а потом вернули их, превратив в бездушных чудовищ. Одно время я выслеживал и убивал «перекованных» – такое задание дал мне король как наемному убийце, состоявшему у него на службе. Но с тех пор прошли годы, сказал я себе. Тот Фитц умер.

– Это было давно, – напомнил я Шуту. – Все закончилось.

– Кое-кто так и говорит. Другие же с ними не согласны. Они не могут избавиться от ненависти к жителям Внешних островов и заявляют, что драконы, которые прилетели на выручку Шести Герцогствам, поступили с ними слишком мягко. Многие, разумеется, считают, что мы должны оставить ту войну в прошлом, поскольку история отношений Шести Герцогств и Внешних островов изобилует вооруженными конфликтами. По пути сюда я остановился в одной таверне и слышал разговоры о том, что королева Кетриккен пытается заключить с островитянами мирный и торговый договор. Кажется, она собирается женить принца Дьютифула на нарческе с Внешних островов, чтобы скрепить договор, который она им предложила.

– На нарческе?

Шут чуть приподнял брови и пояснил:

– Кажется, это что-то вроде принцессы. Или по меньшей мере дочь могущественного лорда.

– Понятно. – Я попытался скрыть от него, как сильно меня обеспокоила эта новость. – Дипломатические отношения закрепляются подобным образом не в первый раз. Вспомни, как Кетриккен стала женой Верити. Их брак был заключен, чтобы заручиться поддержкой Горного Королевства. Но в конце концов все сложилось как нельзя лучше.

– Да уж, – не стал спорить со мной Шут, но его тон заставил меня задуматься.

Я отнес в дом наши миски и помыл их. Мне было интересно, как относится Дьютифул к тому, что его используют для закрепления договора, затем я отбросил эти мысли. Кетриккен наверняка вырастила сына по законам Горного Королевства, внедрив в его сознание, что пра-

витель должен быть слугой своих подданных. Дьютифул выполнит свой долг, сказал я себе. Вне всякого сомнения, он без возражений примет решение матери, ведь именно так когда-то Кетриккен стала женой Верити. Я заметил, что бочка для воды наполовину опустела. Шут всегда был чистюлей, и ему требовалось в три раза больше воды, чем любому другому человеку. Я взял два ведра и вышел на улицу.

– Я схожу за водой.

Шут вскочил на ноги:

– Я с тобой.

Он шел за мной по расцвеченной солнечными пятнами тропе к ручью, где я вырыл и обложил камнями небольшой участок, чтобы было удобнее доставать ведрами воду. Шут тут же принялся мыть руки, а потом напился свежей холодной воды. Пригладив волосы, он быстро огляделся по сторонам:

– А где Ночной Волк?

Я выпрямился, держа в руках ведра.

– Ну, он любит иногда побегать в одиночестве. Он...

Неожиданно меня пронзила нестерпимая боль, я выронил наполненные до краев ведра и схватился за горло, не сразу сообразив, что эта боль не моя. Шут встретился со мной глазами, и его золотистая кожа вдруг стала землистого цвета. Думаю, он почувствовал мой страх. Я потянулся к Ночному Волку, нашел его и сорвался с места.

Я продирался сквозь лес, не обращая внимания на кусты, которые цеплялись за мою одежду, пытаясь остановить. Волк задыхался; его мучительные попытки сделать вдох болью отзывались в моем теле. Я изо всех сил старался не подпускать к себе его страх, чтобы ужас не поглотил меня. На бегу я вытащил нож, приготовившись сразиться с напавшим на него врагом. Но когда я вылетел на небольшую поляну около пруда, в котором жили бобры, я увидел, что он на берегу один. Ночной Волк цеплялся лапой за широко раскрытую пасть. На каменистом берегу рядом с ним лежала половина большой рыбы. Он метался кругами, тряс головой, пытаясь избавиться от того, что его душило.

Я бросился на колени около него.

– Не мешай мне! – попросил я Ночного Волка, но он меня не слышал.

Его мысли окутывал алый страх. Я попытался обхватить его рукой, чтобы успокоить, но он шарханулся от меня в сторону. Потом начал отчаянно трясти головой, однако то, что застряло у него в глотке, не желало выходить. Я бросился к нему и прижал к земле, навалившись всем телом, – и спас ему жизнь. Мое тело сдавило ему грудь, и кусок рыбы выскочил из глотки в пасть. Не обращая внимания на зубы, я засунул руку и, вытащив рыбу, отбросил подальше от нас. Волк сделал глубокий вдох, и я встал, а за мной и он с трудом поднялся с земли. Я вдруг понял, что едва держусь на ногах.

– Рыбой подавился! – возмущенно вскричал я. – Мне следовало догадаться! В следующий раз не будешь заглатывать большие куски.

Я глубоко вздохнул, чувствуя, как меня охватывает облегчение. Однако моя радость оказалась преждевременной. Волк сделал два неуверенных шага и повалился на землю. Он больше не задыхался, но я чувствовал, что ему очень больно.

– Что? Что с ним случилось? – спросил стоявший у меня за спиной Шут.

Я даже не знал, что он последовал за мной. Впрочем, сейчас у меня не было на него времени. Я подошел к Ночному Волку и положил ему на голову руку, чувствуя, как прикосновение сделало нашу связь еще теснее. Его терзала такая страшная боль, засевшая где-то в груди, что он даже не мог дышать. Сердце неровно, мучительно билось в груди. Я видел, что у него закатились глаза, язык вывалился из пасти.

– Ночной Волк! Брат мой! – выкрикнул я, хотя и знал, что он почти наверняка не слышит.

Я потянулся к нему, пытаюсь отдать ему свою силу, и почувствовал нечто невероятное: он пытался от меня уйти, из последних сил стараясь разорвать нашу связь. Он скрывал от меня свои мысли, а я ощущал, как он проваливается в серый сумрак, в который я не мог проникнуть.

Это было невыносимо.

– Нет! – взревел я и попытался прорваться к нему.

Я понял, что барьер не поддается моему Дару, и тогда обрушил на него свою Силу, ни о чем не думая и прибегнув к помощи магии, которой обладал, – всей, какую только мог призвать на помощь. И я добрался до волка. Неожиданно я почувствовал, что снова стал с ним единым целым, а мое сознание соединилось с его, как никогда раньше. Тело волка стало принадлежать мне.

Давным-давно, когда Регал убил меня, я бежал из собственного избитого тела и спрятался внутри Ночного Волка. Я поселился в нем, слышал его мысли, видел мир его глазами, стал чем-то вроде пассажира в его жизни. Потом Баррич и Чейд вызвали нас обоих к моей могиле и вернули меня в мое собственное тело.

Сейчас все было иначе. Сейчас я подчинил себе его тело, и мои человеческие чувства и ощущения взяли над ним верх. Я заставил его успокоиться, не обращая внимания на возмущение, которое он испытал. Так нужно, сказал я ему. Если я этого не сделаю, он умрет. Он перестал сопротивляться, но не сдался, как будто отказался от того, что я у него забрал. Ладно, беспокоиться о его обидах будем потом, решил я. Сейчас меня меньше всего волновали его чувства.

Оказавшись в теле волка, я испытал очень необычные ощущения, словно надел чужую одежду. Я чувствовал каждую клеточку его существа, от когтей до кончика хвоста, мой высунутый язык улавливал самые разные ароматы дня – запах пота Фитца, моего собственного, а еще я смутно видел, что Шут опустился на колени рядом с телом и трясет его, но мне было не до этого. Я обнаружил источник боли. Она сосредоточилась в моем дрожащем сердце. Я заставил волка успокоиться, и это ему немного помогло, но неровный, словно хромающий, ритм биений его сердца говорил о том, что с ним произошло что-то страшное.

Заглядывать в подпол совсем не то же самое, что спуститься вниз и посмотреть по сторонам. Не слишком удачное сравнение, но лучшего мне не придумать. Сначала я просто чувствовал сердце волка, а потом вдруг *стал* им. Я и сам не знаю, как мне это удалось. Мне казалось, будто я в отчаянии бьюсь в закрытую дверь, понимая, что мое спасение лежит по другую сторону, – и неожиданно она поддалась. Я превратился в сердце Ночного Волка, которому известно, какую работу оно выполняет, а также что ему мешает ее выполнять. Мышца истончилась и изнасилась с возрастом. В роли сердца я постарался успокоиться и осторожно попытался биться ровнее. Когда мне это удалось, боль немного отступила, и я принялся за дело.

Ночной Волк спрятался в самом дальнем углу нашего общего сознания. Ну и пусть злится, подумал я и сосредоточился на том, что собирался сделать. С чем можно сравнить мои дальнейшие действия? Плетение? Строительство кирпичной стены? Скорее что-то вроде штопки рваного носка. Я почувствовал, что построил, точнее, восстановил разрушенное. Но это сделал не я, Фитц, просто получилось так, словно я, став частью тела моего волка, помог ему вспомнить забытые движения старого танца. С моей помощью оно справилось со своей задачей быстрее. Вот и все, сказал я себе с некоторой тревогой, поскольку знал, что кто-то должен будет заплатить за вмешательство в работу тела.

Сообразив, что дело сделано, я отступил. Я перестал быть сердцем, но с гордостью чувствовал, что оно снова бьется ровно и уверенно. И вдруг мне стало страшно. Я находился в чужом теле и не знал, что происходило с моим собственным, пока я занимался Ночным Волком. Я не имел ни малейшего представления о том, сколько прошло времени. Не в силах скрыть свои сомнения, я потянулся к Ночному Волку, но он не желал говорить со мной.

Я сделал это, чтобы помочь, запротестовал я.

Он продолжал хранить молчание, и я не слишком ясно читал его мысли, но свои чувства он от меня не скрывал. Волк был возмущен и оскорблен моими действиями, как никогда прежде.

Ну и отлично, ледяным тоном заявил я. Делай что хочешь.

И я ушел.

Точнее, я попытался уйти. Неожиданно у меня возникло ощущение, будто я заблудился в лабиринте. Я знал, что должен куда-то идти, но понятия «идти» и «куда-то» вдруг показались мне чужими и бессмысленными. Отдаленно это напоминало ощущение, которое я испытал, когда на меня без предупреждения нахлынул поток Силы. Могущественная, полноводная река магии может разорвать неподготовленного человека на части или утопить его в водах сознания и лишит собственного «я». Сейчас меня никто не рвал на части и не пытался утопить, я стал похож на спутанный клубок из самого себя и, точно воздушный пузырь, болтался на поверхности, не зная, где бросить якорь, если не считать тела волка. Я слышал, как Шут зовет меня, но это мне нисколько не помогло, потому что я его слышал ушами Ночного Волка.

Видишь, мрачно заметил волк. Теперь ты видишь, что ты с нами сотворил? Я пытался тебя предупредить, я тебя не пускал.

Я все исправлю, заявил я.

Мы оба знали, что я отчаянно пытаюсь сделать все, чтобы мои слова оказались правдой.

Я выбрался из его тела. Отказался от его чувств, больше не видел его глазами, не слышал, не ощущал вкуса пыли на языке. Я не был им, но я висел в пространстве, не зная, как вернуться в собственное тело.

Неожиданно я почувствовал едва заметный толчок, словно кто-то выдернул нитку из моей рубашки. Она тянулась ко мне из моего истинного тела. Я попытался схватить ее, но это было все равно что ловить солнечный луч. Я отчаянно старался до нее добраться, потерпел поражение и вернулся в свое бесформенное состояние, вдруг сообразив, что мои метания лишь разрушили хрупкий призыв. Тогда я заставил себя успокоиться, сжался в маленький комочек и затаился, словно кот, поджидающий, когда мышка выберется из норы. Я снова ощутил легкое движение, призрачное, точно лунный свет, пробивающийся сквозь густые кроны деревьев. Я не шевелился, и наконец меня коснулась тонкая золотая нить. Несколько мгновений она меня изучала, а потом, убедившись, что это действительно я, медленно, неуверенно потянула к себе. Я не мог ей помочь, опасаясь разрушить связь. Я висел в воздухе и боялся, что она оборвется, пока ведет меня из тела волка в мое собственное. Движение ускорилося, и вскоре я понял, что лечу, подчиняясь собственной воле.

Я вдруг узнал свое тело, лежащее на земле, и проник в него, испытав ужас от того, каким холодным и неподвижным стало физическое вместилище моей души. Мои глаза показались мне сухими и какими-то липкими оттого, что я долго не мигал, и сначала я ничего не видел. И не мог произнести ни слова, так сильно у меня перехватило горло. Я попытался перевернуться, но мышцы не слушались. Мне удалось лишь слегка пошевелиться. Но даже боль являлась для меня благословением, потому что принадлежала моему телу, которое посылало сигналы мозгу. Хриплый вздох облегчения вырвался из моего горла.

Из сложенных ладоней Шута мне на губы полилась вода, несколько капель все же попало в рот. Ко мне вернулось зрение, я видел окружающий мир нечетко, но достаточно, чтобы понять, что полдень давно миновал. Я провел в теле волка несколько часов. Через некоторое время я сумел сесть и тут же потянулся к Ночному Волку, который неподвижно растянулся рядом со мной. Он не спал, но был без сознания. Прикоснувшись к нему, я почувствовал крошечное, едва различимое биение жизни, но его пульс был ровным, и я испытал огромное удовлетворение. Я позвал его.

Убирайся!

Ночной Волк продолжал на меня злиться, но я ничуть не расстроился. Его легкие работы, сердце билось ровно и уверенно. Он был измучен, да и я сам еще не совсем пришел в себя, но мне удалось спасти ему жизнь.

Через несколько минут я нашел глазами Шута, который стоял на коленях, обхватив меня за плечи. Я даже не знал, что он меня поддерживает. С трудом повернув голову, я посмотрел на него. Его лицо осунулось от усталости и боли, но ему удалось криво ухмыльнуться.

– Я не знал, получится ли у меня что-нибудь. Но это единственное, что я мог сделать.

Я понял, что он имел в виду, далеко не сразу и посмотрел на свое запястье. Там снова появились отпечатки его пальцев – не серебристые, как в первый раз, когда он прикоснулся ко мне Силой, а более темного серого цвета, чем раньше. Связь, соединявшая наши сознания, стала немного сильнее. Меня привело в ужас то, что он сделал.

– Наверное, я должен тебя поблагодарить, – не слишком вежливо заявил я.

У меня возникло ощущение, будто я подвергся насилию. Меня возмутило, что он, не спросив моего разрешения, вторгся в мое сознание. Я понимал, что это глупо, но ничего не мог с собой поделать.

Шут громко рассмеялся, но я уловил в его смехе истерические нотки.

– Я знал, что тебе не понравится. Однако, друг мой, у меня не было выхода. – Он с трудом перевел дыхание и уже мягче добавил: – Все начинается сначала. Неужели нам всегда придется платить такую цену? Почему мне приходится постоянно подвергать твою жизнь опасности ради того, чтобы наш мир стал лучше? – Шут сильнее сжал мои плечи. – О Фитц, как ты можешь прощать меня за все, что я с тобой делаю?

Я не мог его простить, но ничего не сказал, лишь молча отвернулся.

– Мне нужно побыть одному. Прошу тебя.

Ответом на мои слова была тишина, потом Шут сказал:

– Конечно.

Он убрал руку, которой обнимал меня за плечи, и отошел в сторону, а я испытал облегчение. Его прикосновение усиливало связь, которая протянулась меж нами при посредстве Силы, и я становился более уязвимым. Шут не умел ею пользоваться и не смог бы пробраться в мое сознание, но от этого мне не становилось менее страшно. Нож, приставленный к горлу, угрожает жизни, даже если у человека самые лучшие побуждения.

Я попытался заставить себя не думать о другой стороне медали. Шут не имел ни малейшего представления о том, что стал для меня открытой книгой. Некоторое время я сражался с искушением установить с ним более тесную связь. Нужно только попросить его еще раз положить мне руку на запястье. Я знал, что его прикосновение поможет мне проникнуть в его сознание, узнать все тайны, забрать силу. Я мог превратить его тело в свое собственное, использовать жизнь Шута, каждый его день для достижения своих целей.

Мне стало стыдно за такие мысли. Я видел, что стало с теми, кто поддался этому всепоглощающему голоду. Разве мог я его простить за то, что он заставил меня его почувствовать?

У меня раскалывалась голова от боли, которая всегда приходит после использования Силы, а тело ныло так, словно я только что принял участие в изнурительном сражении. Мир казался чужим и неприветливым местом, а дружеское прикосновение Шута причинило страдание. Я с трудом поднялся на ноги и спотыкаясь подошел к воде. Попытавшись опуститься на берегу на колени, я сразу понял, что лучше всего лечь на живот. Утолив жажду, я долго мыл лицо, лил воду на голову, а потом принялся тереть глаза, пока из них не потекли слезы, и вскоре уже вполне прилично видел окружающий мир.

Я посмотрел на лежащего без сил волка, а потом перевел взгляд на Шута. Он сторбился, плечи поникли, губы были плотно сжаты. Я его обидел, и почувствовал угрызения совести. Он хотел мне помочь, но какая-то часть меня упрямо возмущалась тем, что он сделал. Тогда я попытался найти оправдание своей не слишком разумной реакции – и не смог. Однако порой,

прекрасно понимая, что ты не имеешь права злиться, ты все равно злишься, не в силах с собой справиться.

– Мне уже лучше, – сказал я и тряхнул мокрой головой, словно пытаюсь убедить нас обоих, что меня беспокоила только жажда.

Шут ничего не ответил.

Я набрал в ладони воды и, подойдя к волку, присел на корточки и вылил ее на его высушенный язык. Через пару минут он с трудом пошевелился и убрал язык.

– Я знаю, ты сделал это, чтобы спасти мне жизнь, – предпринял я новую попытку утешить Шута. – Спасибо тебе.

Он спас нас обоих. Иначе нам грозило существование, которое уничтожило бы нас.

Волк продолжал лежать с закрытыми глазами, но его мысли переполняла сила страсти.

Но то, что он сделал...

Чем это отличается от того, что ты сотворил со мной?

Мне нечего было ему сказать. Я не жалел, что помог ему остаться в живых. Но...

Оказалось, что мне легче заговорить с Шутом, чем продолжить эту мысль.

– Ты спас нам обоим жизнь. Я проник... сам не знаю как, но я проник в Ночного Волка. Думаю, при помощи Силы.

Неожиданно мне пришла в голову новая мысль. Кажется, Чейд говорил, что Силу можно использовать для исцеления людей. Мне стало не по себе. Я думал, что для этого нужно просто поделиться с другим своей Силой. Но то, что я сделал... Я отбросил неприятные мысли.

– Я должен был попытаться его спасти. И мне... удалось ему помочь. А потом я не мог найти дорогу назад, не мог его покинуть. Если бы ты меня не вытащил...

Я мог быстро и простыми словами объяснить ему, от чего он нас спас. Но зато я не сомневался, что расскажу ему о том, как мы целый год жили среди людей Древней Крови.

– Давай вернемся в дом, – предложил я. – У меня там есть эльфийская кора, заварим из нее чай. Нам с Ночным Волком нужно отдохнуть.

– И мне тоже, – едва слышно проговорил Шут.

Я бросил на него взгляд и увидел, как посерело его лицо, а вокруг глаз появились морщины. Мне стало стыдно. Без посторонней помощи, не прошедший необходимого обучения, Шут вернул меня в мое собственное тело. Магия Силы не была у него в крови, в отличие от меня, получившего ее в наследство от отца. Единственное, чем он обладал, – это старые метки на пальцах, оставшиеся после случайного соприкосновения с рукой Верити. А еще слабая связь, которая когда-то нас соединяла. Вот и все. Однако Шут рискнул жизнью, чтобы вернуть меня назад. Ни страх, ни незнание законов Силы его не остановили. Он не понимал, чем ему грозило его вмешательство. Да, ему пришлось призвать на помощь все свое мужество, а я вместо благодарности его обругал.

Я вспомнил, как Верити в первый раз использовал мою энергию, чтобы расширить действие своей Силы. Я тогда повалился на пол, чудом не потеряв сознание. Однако Шут держался на ногах, не слишком уверенно, но все-таки стоял. И не жаловался на боль, которая наверняка стучала в его мозгу, словно молот по наковальне. Я снова удивился выносливости его хрупкого на вид тела. Видимо, Шут почувствовал мой взгляд, потому что повернулся и посмотрел на меня. Я попытался улыбнуться, и он скривился в ответ.

Ночной Волк перевернулся на живот и поднялся на ноги. Неуверенно, точно новорожденный жеребенок, подошел к воде и принялся пить. После того как он утолил жажду, нам обоим стало немного лучше, но у меня по-прежнему от слабости дрожали ноги.

– Да, дорога до дома будет долгой, – заметил я.

Голос Шута прозвучал почти нормально, когда он спросил:

– Ты дойдешь?

– Если ты мне поможешь.

Я протянул ему руку, он подошел и поставил меня на ноги. Затем, взяв за локоть, зашагал рядом со мной, но мне показалось, что он опирался на меня больше, чем я на него. Волк медленно трусил позади нас. Я сжал зубы и решительно запретил себе связываться с Шутом через Силу, которая повисла между нами, словно серебряная цепочка. Я убеждал себя, что могу справиться с искушением. Верити ведь смог. Значит, и я сумею.

Шут нарушил пронизанное солнечными бликами молчание леса:

– Сначала я подумал, что это припадок, вроде тех, что мучили тебя раньше. Но ты лежал так неподвижно... Я испугался, что ты умираешь. Твои открытые глаза смотрели куда-то в пустоту, и мне никак не удавалось нащупать пульс. Но потом твое тело начало дергаться, и ты ловил ртом воздух. – Он помолчал немного. – Я тебя звал, но ты не слышал меня. Мне ничего не приходило в голову, и тогда я решил броситься вслед за тобой.

Слова Шута привели меня в ужас. Мне совсем не хотелось знать, что вытворяло мое тело, когда я его покинул.

– Наверное, это был единственный способ спасти мне жизнь.

– И мне, – тихо проговорил Шут. – Потому что я должен сохранить тебя живым, чего бы это нам ни стоило. Ты – сила, которую я должен использовать, Фитц. И мне не выразить словами, как я сожалею, что обстоятельства складываются так, как они складываются.

Он повернулся ко мне, и открытый взгляд его золотистых глаз усилил связь между нами – золото и серебро переплелись между собой. Я увидел и попытался отогнать от себя правду, знать которую не хотел.

За нами, опустив голову, медленно трусил волк.

VIII. Древняя кровь

«...Надеюсь, гонимые придут к вам здоровыми, вместе с этим письмом. Если же с ними что-нибудь случится, отправьте ко мне почтовых птиц, чтобы я знал, в каком они состоянии, и смог дать вам несколько советов по поводу того, как следует с ними обращаться. В завершение своего послания прошу вас передать от меня привет лорду Чивэлу Видящему. И скажите ему, что жеребенок, которого он доверил моим заботам, еще не оправился после того, как его столь резко оторвали от матери. По природе он подозрителен и пуглив, но я полагаю, что доброта и терпение в сочетании с твердой рукой помогут ему излечиться. Кроме того, в нем есть упрямство, которое составляет определенные трудности для его воспитателя, но эту черту, я полагаю, он унаследовал от своего отца. Дисциплина может превратить упрямство в силу духа. Остаюсь, как и всегда, верным слугой лорда Чивэла.

Передайте мои наилучшие пожелания вашей супруге и детям, Тальман, я с нетерпением жду вашего приезда в Олений замок, когда мы сможем разрешить наш спор о том, у кого нош лучше – у моей Рыжей или у вашего Обрубка».

Баррич, главный конюший, Олений замок (Из письма, отправленного Тальману, главному конюшему Ивового Леса)

К тому времени, когда мы добрались до моего дома, у меня начало темнеть в глазах. Я схватился за хрупкое плечо Шута и потащил его к двери. Он с трудом поднялся по ступеням, волк следовал за нами. Я подтолкнул Шута к стулу, и он без сил повалился на него. Ночной Волк отправился в мою спальню и забрался на кровать. Демонстративно перевернув одеяла, он устроился поудобнее и заснул. Я попытался связаться с ним при помощи Дара, но волк от меня закрылся. Так что мне пришлось удовлетвориться тем, что он дышал ровно и спокойно. Тогда я повесил чайник над огнем, чтобы вскипятить воду. Мучительная головная боль требовала бросить все и просто улечься на пол, но я не мог себе этого позволить.

Шут, сидевший за столом, положил голову на руки, весь его вид говорил о том, что ему очень плохо. Когда я достал свой запас эльфийской коры, он с трудом повернул голову и принялся за мной наблюдать, потом поморщился: темная сушеная кора не вызывала у него приятных воспоминаний.

– Значит, держишь ее под рукой? – прохрипел он.

– Держу, – подтвердил я и принялся растирать кору в ступке.

Когда она превратилась в порошок, я обмакнул в него палец и облизал. Боль чуть-чуть отступила.

– И часто ты ее используешь?

– Только по необходимости.

Шут тяжело вздохнул, затем неохотно встал и принес две кружки. Когда вода закипела, я приготовил целый кувшин чая из эльфийской коры. Он облегчит головную боль, но не прогонит беспокойство и мрачное настроение. Я слышал о том, что рабовладельцы в Калсиде дают кору рабам, чтобы они были выносливее и лучше работали, к тому же эльфийская кора отнимает у них волю к побегам. Говорят, она становится чем-то вроде наркотика, но меня это не коснулось. Возможно, если принимать ее постоянно, так и случается, но я употреблял чай из эльфийской коры только в качестве лекарства. Еще утверждают, будто она убивает в молодом человеке способность к Силе и замедляет ее развитие у взрослых. Я был бы счастлив, будь это

правдой, но на собственном опыте убедился в том, что кора снижает восприимчивость к Силе, но не лишает желания Силу применять.

Когда чай хорошенько настоялся, я налил нам по кружке и добавил меда, чтобы подсластить заварку. Можно было сходить в огород за мятой, но я посчитал, что это слишком далеко. Я поставил перед Шутом его чай, а сам уселся напротив.

Он поднял кружку, словно собирался отсалютовать мне.

– За нас: Белого Пророка и Изменяющего.

– За Шута и Фитца, – поправил я его и, подняв кружку, чокнулся с ним.

Сделав глоток, я почувствовал, как рот стягивает горечь, быстро проглотил отвратительную жидкость, и она обожгла мне горло. Шут посмотрел, как я пью, и тоже отхлебнул из своей кружки. Он поморщился, но уже в следующее мгновение морщины на его лбу разгладились.

– А другого способа использования коры нет?

Я мрачно ухмыльнулся:

– Однажды я оказался в таком отчаянном положении, что просто жевал кору. Мой рот превратился в сплошное кровавое месиво, а от горечи я не мог избавиться еще очень долго, ничего не помогало.

– Понятно.

Шут добавил в свою чашку полную ложку меда, сделал глоток и нахмурился.

В комнате воцарилась тишина. Между нами все еще висела напряженность, и я понимал, что никакие извинения ее не прогонят. Помочь могло только объяснение. Я оглянулся на волка, который спал на моей кровати, и откашлялся.

– Покинув Горное Королевство, мы отправились к границе Бакка.

Шут поднял голову и посмотрел мне в глаза. Потом положил подбородок на сложенные руки, всем своим видом показывая, что внимательно меня слушает. Он терпеливо ждал, пока я искал подходящие слова. Мне было очень трудно, но я начал рассказывать ему о том, что с нами тогда происходило.

Мы с Ночным Волком не слишком спешили. Мы почти год путешествовали по кружным дорогам через горы, по широким равнинам Фарроу, а потом вернулись в Воронье Горло в Бакке. Осень только начиналась, когда мы добрались до небольшой хижины, построенной из камня и дерева на лесистом холме. Огромные вечнозеленые деревья стояли, гордо выпрямившись и не опасаясь осенних холодов, но листья небольших кустов и растений, притулившихся на крыше хижины, уже прихватил легкий морозец, сквозь тонкую пленку которого просвечивали яркие желтые и красные пятна. Широкая дверь была открыта настежь, а из приземистой трубы поднимался дымок. Мне не пришлось ни стучать, ни звать хозяев. Люди Древней Крови знали, что мы пришли, так же как и я почувствовал Рольфа и Холли. Черный Рольф, несколько не удивившийся нашему появлению, подошел к порогу. Он стоял в темноте своего дома и хмурился, глядя на нас.

– Значит, все-таки понял, что тебе нужно знать то, чему я могу тебя научить, – вместо приветствия заявил он.

Вокруг дома все пропахло медведем, и нам с Ночным Волком стало ужасно не по себе. Однако я кивнул.

Рольф громко фыркнул и улыбнулся в густые заросли своей бороды. Я уже успел забыть, какой он громадный. Он сделал шаг вперед и сжал меня в объятиях так сильно, что у меня затрещали кости. Мне даже показалось, что он что-то мысленно сказал Хильде, животному, с которым у него была связь.

– Древняя Кровь приветствует Древнюю Кровь, – с серьезным видом поздоровалась со мной Холли, жена Рольфа, стройная, очень тихая женщина.

На запястье у нее сидел коршун по имени Град, с которым она была связана Даром. Он посмотрел на меня одним блестящим глазом, а потом слетел с руки Холли, когда она напра-

вилась к нам. Она улыбнулась и покачала головой, глядя ему вслед. Она приветствовала нас сдержаннее, чем Рольф, но я уловил в ее словах теплоту.

– Добро пожаловать, – пригласила она.

Затем, повернув голову, искоса на нас посмотрела и улыбнулась, но тут же опустила голову, пытаясь скрыть улыбку. Миниатюрная Холли очень необычно смотрелась рядом с могучим Рольфом.

– Заходите, я вас накормлю, – предложила она.

– А после прогуляемся и подыщем местечко, чтобы построить вам берлогу, – заявил Рольф, такой же прямой и резкий, как и всегда. Потом он поднял голову и посмотрел на затянутое тучами небо. – Зима приближается. Вам не стоило так долго тянуть.

Вот так мы вошли в семью Одаренных, живших в окрестностях Вороньего Горла. Они предпочитали селиться в лесу, а в город ездили только за тем, что не могли сделать сами. Они скрывали свою магию от горожан, потому что Одаренность каралась смертью. Ни Рольф, ни Холли, ни их соседи не произносили вслух слово «Дар». Его употребляли люди, которые ненавидят и боятся Звериной магии, считая, что каждого, кто ее практикует, следует повесить. Между собой Одаренные называли себя Древней Кровью и жалели тех из своих детей, кто рождался без способности установить духовную связь с каким-нибудь животным, – так сочувствуют ребенку, появившемуся на свет слепым или глухим.

Представителей Древней Крови было не много; не больше пяти семей, раскиданных по лесам Вороньего Горла. Преследования научили их селиться не слишком близко друг от друга. Они умели распознавать себе подобных, и это заменяло им общение. Семьи Древней Крови, как правило, занимались мелкой торговлей, позволявшей им жить вдалеке от обычных людей, но достаточно близко от городов, чтобы пользоваться благами, которые можно там получить. Они были дровосеками и охотниками. Одна семья построила свой дом на берегу реки вместе с бобрами, где они добывали глину и делали на удивление изящную посуду. Другой старик, связанный с кабаном, существовал на деньги, которые ему платили богатые горожане за собранные ими трюфели.

В основном они отличались мирным нравом и принимали свою связь с природой спокойно и очень серьезно. Нельзя сказать, что те же чувства они испытывали к остальному человечеству в целом. Я часто слышал, как они с негодованием говорят о городских жителях, которые относятся к животным как к простым слугам или домашним любимцам, лишенным сознания. А еще они не слишком жаловали представителей Древней Крови, решивших поселиться среди обычных людей и отказавшихся от своей магии. Многие считали, что я родился в такой семье, и мне было трудно развеять их заблуждения, не открывая правду о себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.